

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПОСОЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
КОНГРЕССА РУССКИХ ОБЩИН РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Станислав Минаков. «Сия первая вниде в
Царство Небесное от Руси...» 3

Ольга Батаева. Здравствуй, Долна! 9

Памяти Константина Семеновского.

Кирилл Ковальджи. «Я не умел себя беречь...» 12

Константин Семеновский. «Поэт живёт» 16

Олег Панфил. Медбрат сестры жизни 26

Валентина Склярова. «Где русский дух
неразделим со словом» 31

Александра Юнко. «Curricullum vitae» 34

Елена Шатохина. Мужество речи 47

Катя Капович. «...под синей точкой в облаках.» 64

Евгений Миронов: «Я всю жизнь играю не
свои роли» 78

Грузия. Поэзия 85

Ольга Тиховская. Берегиня с улицы Киевской.....109

Александр Кожухарь. Миниатюры120

“Варвары наводят порядок”.
Переводы **Олега Панфила**125

Сергей Ткач. Лагуна семи цветов..... 139

Alex Prodan. Как мы жили145

Учредитель и главный редактор – *Олеся Рудягина*

Редколлегия: *Валентина Костишар, Олег Краснов, Виктория Алесенкова, Сергей Пагын, Татьяна Орлова, Виктория Чембарцева, Михаил Поторак*

Корректор – *Антонина Иванова*

Художник – *Сергей Сулин*

Вёрстка – *Людмила Ильина*

<http://www.arprm.com>

E-mail: russkoeполе-md@mail.ru

ISSN 1857-1301

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

Перепечатка материалов только с разрешения редакции «Русского поля»

СТАНИСЛАВ МИНАКОВ

«СИЯ ПЕРВАЯ ВНИДЕ В ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ ОТ РУСИ...»

Спустя 140 лет после кончины княгини Ольги древнерусский летописец писал о первой русской святой: «Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед рассветом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи».

Ее на протяжении веков называют «корень Православия», а в молодости – «дивной в девицах». Она приняла христианство около 957 г., первой из русских правителей, за три десятилетия до крещения Руси ее внуком, князем Владимиром, на которого оказала огромное духовное влияние.

Княгиня Ольга (художник Н. А. Бруни).

Великая княгиня и великий князь Киевский – Ольга и Владимир Креститель – стоят рядом в истории Руси не только как родственники, но и как два святителя, за свои деяния по христианизации наших земель именуемые церковью равноапостольными.

24 июля (11-го по ст. ст.) 969 года – день кончины святой равноапостольной княгини Ольги – личности, связующей воедино земли древней Руси. И день памяти ее внука, святого равноапостольного князя Владимира отстоит в пяти днях – 28 июля по новому стилю; и в этом году вся наша Русь – Великая, Малая и Белая – празднует в этот день 1025-летие своего Крещения.

* * *

Иоакимовская летопись уточняет, что Ольга (Хельга, Вольга, что в переводе с варяжского означало «святая») принадлежала к роду князей Изборских – одной из древнерусских княжеских династий.

Это потом Ольга правила Киевом – и во времена походов ее супруга, Игоря Рюриковича, и в качестве регента (с 945 по 960 гг.) после его гибели, жестоко расправилась с виновниками его смерти древлянами, растила сына Святослава.

Житие так повествует о трудах Ольги: «И управляла княгиня Ольга подвластными ей областями Русской земли не как женщина, но как сильный и разумный муж, твердо держа в своих руках власть и мужественно обороняясь от врагов. И была она для последних страшна, своими же людьми любима, как правительница милостивая и благочестивая, как судия праведный и никого не обидающий, налагающий наказание с милосердием, и награждающий добрых; она внушала всем злым страх, воздавая каждому соразмерно достоинству его поступков, во всех делах управления она обнаруживала дальновидность и мудрость. При этом Ольга, милосердная по душе, была щедродательна нищим, убогим и малоимущим; до ее сердца скоро доходили справедливые просьбы, и она быстро их исполняла... Со всем этим Ольга соединяла воздержанную и целомудренную жизнь, она не хотела выходить вторично замуж, но пребывала в чистом вдовстве, соблюдая сыну своему до дней возраста его княжескую власть. Когда же последний возмужал, она передала ему все дела правления, а сама, устранившись от молвы и попечений, жила вне забот управления, предаваясь делам благотворения».

Автор «Степенной книги» пишет: «Подвиг ее в том был, что узнала она истинного Бога. Не зная закона христианского, она жила чистой и целомудренной жизнью, и желала быть христианкой по свободной воле, сердечными очами путь познания Бога обрела и пошла по нему без колебания».

Преподобный Нестор Летописец повествует: «Блаженная Ольга с малых лет искала мудрости, что есть самое лучшее в свете этом, и нашла многоценный жемчуг – Христа».

Поручив Киев подростшему сыну, Ольга отправилась с большим флотом в Константинополь. Потому историк Н. М. Карамзин назвал княгиню первой русской паломницей. А древнерусские летописцы определили это деяние Ольги как «хождение», соединившее в себе и религиозное паломничество, и дипломатическую миссию, и демонстрацию военного могущества Руси.

Таинство Крещения совершил над ней патриарх Константинопольский Феофилакт (933-956), а восприемником из купели был император Константин Багрянородный (912-959), оставивший в своем сочинении «О церемониях византийского двора» подробное описание церемоний во время пребывания Ольги в Константинополе.

Изображение Крещения княгини Ольги в летописи.

На одном из приемов княгине было поднесено золотое, украшенное драгоценными камнями блюдо. Ольга пожертвовала его в ризницу собора Святой Софии, где его видел и описал в начале XIII в. русский дипломат Добрыня Ядрейкович, впоследствии архиепископ Новгородский Антоний: «Блюдо велико злато служебное Ольги Русской, когда взяла дань, ходивши в Царьград: во блюде же Ольгине камень драгий, на том же камни написан Христос».

Патриарх благословил новокрещенную княгиню крестом, вырезанным из цельного куска Животворящего Древа Господня. На кресте была надпись: «Обновися Русская земля Святым Крестом, его же приняла Ольга, благоверная княгиня». (После завоевания Киева литовцами Ольгин крест был похищен из Софийского собора и вывезен католиками в Люблин. Дальнейшая его судьба неизвестна.) При крещении княгиня удостоилась имени святой равноапостольной Елены (*древнегреч. «факел» – С.М.*), много потрудившейся в распространении христианства в огромной Римской империи и обретшей Животворящий Крест, на котором был распят Господь.

В Киев Ольга вернулась с иконами, богослужебными книгами и решимостью обратить народ русский в христианство. Она воздвигла храм во имя святителя Николая над могилой Аскольда – первого киевского князя-христианина. С проповедью веры отправилась на родной Север.

Это Святая Ольга положила начало особенного почитания на Руси Пресвятой Троицы. Из века в век передавалось повествование о видении, бывшем ей около реки Великой, неподалеку от ее родного села Выбуты (12 км от Пскова, вверх по реке Великой).

Она увидела, что с востока сходят с неба «три пресветлых луча». Обращаясь к своим спутникам, бывшим свидетелями видения, Ольга сказала пророчески: «Да будет вам ведомо, что изволением Божиим на этом месте будет церковь во имя Пресвятой и Животворящей Троицы и будет здесь великий и славный град, изобилующий всем». На этом месте Ольга воздвигла крест и основала храм во имя Святой Троицы. Он стал главным собором Пскова, именовавшегося с тех пор «Домом Святой Троицы». Тайственными путями духовной преемственности через четыре столетия это почитание передано было преподобному Сергию Радонежскому.

Материнские усилия княгини Ольги имели драматический и даже трагический результат: успешный воин, ее сын Святослав оставался язычником, по его распоряжению был убит племянник Ольги Глеб.

По кончине Ольги «плакали по ней плачем великим сын ее и внуки, и все люди». Княгиня Ольга была канонизирована в лике святых с высоким именованием «равноапостольная» на соборе 1547 г., который подтвердил повсеместное почитание ее на Руси, сложившееся еще в домонгольскую эпоху.

Мощи «начальницы» веры в Русской земле сохранялись нетленными. При князе Владимире они были перенесены в Десятинный храм Успения Богородицы и положены в раку. По преданию, над гробницей святой Ольги в церковной стене было окно; и если кто с верой приходил к мощам, видел их через оконце, причем некоторые видели исходящее от них сияние, и многие одержимые болезнями получали исцеление. Приходившему же с маловерием оконце не открывалось, и он не мог видеть мощей, а только гроб.

* * *

В 2003 г. во Пскове, отмечавшем свое 1100-летие, были установлены сразу два памятника великой землячке. Один из них, работы вездесущего Зураба Церетели, изображающий Ольгу-воительницу, с мечом и щитом, псковичи установили в новом районе города.

Но наше внимание привлекает памятник работы Вячеслава Клыкова, поставленный в древнем Пскове у Ольгинского моста, близ Ольгинской набережной, в Детском парке – прямо по соседству со святым для псковичей местом, кремлем, или, как в старину его называли, Кромом. Высота скульптуры и постамента – по 4,20 метра.

Бронзовая клыкковская княгиня Ольга укрывает собой свое продолжение, в том числе (и в первую очередь) и духовное – внука Владимира. Образ учитывает их неразрывность и преемственность, поскольку, несомненно, эти образы, взаимно дополняя друг друга, воплощают материнское и отеческое начало русской духовной истории.

Белый цоколь памятника начальнице христианства на Руси окружают очень

красивые барельефы святых, выполненные в стилистике древнерусских резб. Клыков использовал прием, которым неоднократно, но в своем стиле, руководствовался знаменитый скульптор Михаил Микешин: главный персонаж памятника подпирается – словно духовными столпами, стоящими в веках – двенадцатью фигурами святых, в данном случае преимущественно псковских, что совершенно логично и духоносно; это словно общерусские духовные корни, пущенные Ольгой: псковские князья Довмонт-Тимофей и Всеволод-Гавриил, князь Александр Невский, преподобные Никандр, Марфа Псковская и Васса Псково-Печерская, святитель Тихон (Патриарх Московский и всея Руси), Корнилий Псково-Печерский, митрополит Вениамин, Великая княгиня Елисавета Федоровна и блаженный Николай Салос.

Вспомним и микешинскую Ольгу, что в Великом Новгороде, на знаменитом памятнике «Тысячелетие России».

Образ «великой княгини Российской» попал и в фокус художественного внимания в сфере празднования 900-летия Крещения Руси. В те

Памятник кн. Ольге во Пскове (скульптор В. Клыков, 2003).

Памятник кн. Ольге в Киеве (восстановленный в 1996 г. проект 1911 г. скульптора И. П. Кавалеридзе).

годы княгиня Ольга появились в работах В. Васнецова и многих других живописцев. Н. Бруни написал суровую, несокрушимой веры, прекрасную обликом княгиню для мозаики храма Воскресения Христова (Спас-на-Крови) в Санкт-Петербурге.

Известна драматическая судьба памятника княгине Ольге в Киеве, который создал известный киевский скульптор Иван Кавалеридзе в начале XX в. Монумент был утрачен, и лишь в наши дни восстановлен. Сегодня памятник предтече великого русского крещения стоит в Киеве возле Михайло-Златоверхого собора, в ряд с фигурами апостола Андрея Первозванного и учителей словенских Кирилла и Мефодия. Кавалеридзе выиграл конкурс на лучший проект памятника княгине Ольге в Киеве вместе со скульптором Сниткиным и архитектором Рыковым в 1910 г. По настоянию митрополита Флавиана оригинал был подвергнут редактированию: княгиню лишили меча, наделили наперсным крестом, а согнутая в локте рука легла на грудь.

Поставленный на Михайловской площади, с надписью «Сия первая вниде в Царство Небесное от Руси, сию бо хвалят рустие сынове яко начальницу. Дар Государя Императора городу Киеву. Лето от Р. Х. 1911», памятник стал жертвой безбожной власти. В 1919-м княгиню сбросили с пьедестала, раскололи и закопали. Боковые фигуры сперва закрыли досками, а спустя четыре года убрали вовсе.

Лишь много лет спустя композиция вернулась на свое место. Части Ольги – кроме головы – удалось откопать. По эскизам и фото была воссоздана вся скульптурная группа, но уже не из бетона, а из белого мрамора.

Восстановлен памятник к 1996 г. скульпторами В. Сивко и Н. Билык.

В Киеве образ княгини-святительницы встречается неоднократно: и в памятниках, и в барельефах, и в росписях. Если мы помним, что именно княгиня Ольга стала предтечей христианства на Руси, то вряд ли можно считать это обилие избытком.

Святая равноапостольная княгиня Ольга. Барельеф на дверях главного портала Владимирского собора в Киеве.

* * *

Нам следует помнить: накануне кончины, до самого исхода, Ольга много молилась, с особенным усердием, – о просвещении по ее смерти земли Русской, неоднократно предсказывала, что Бог просветит людей земли Русской и многие из них будут великие святые.

Многое сбылось в пророчестве нашей общерусской начальницы веры.

Отдаем ли мы себе отчет – с чем, в каком градусе духовного бытия Русский Мир встречает 1025-летие Крещения Руси?

Село Выбуты. Родина Ольги. Ильинская церковь XV в.

Редакция «Русского поля» благодарит Станислава Минакова за предоставленные материал и фотографии.

СТАНИСЛАВ МИНАКОВ. Родился 22.08.1959 в Харькове. Поэт, переводчик, эссеист, прозаик, публицист, очеркист. Автор книг стихов и прозы. Автор-составитель энциклопедии «Храмы России» (М.: ЭКСМО, 2008, 2010, 2012), а также альбомов «Храмы великой России» (М.: ЭКСМО, 2010), «Святые великой России» (М.: ЭКСМО, 2011) и др. Опубликовано в журналах, альманахах, антологиях, хрестоматиях многих стран. Член Национального союза писателей Украины, Союза писателей России, Всемирной ассоциации писателей International PEN Club (Московский центр). Лауреат Международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских (Киев–Москва, 2008), Всероссийской им. братьев Киреевских (2009), Харьковской муниципальной им. Б. Слуцкого (1998), «Народное признание» (2005), удостоен «Золотого диплома» Международного форума славянских искусств «Золотой витязь» (Москва, 2012) и других. Занимается журналистикой. Автор сотен публикаций на сайтах «Русская народная линия», «Православие», «Русское воскресение», «Одна Родина», «Русское единство», «Столетие» и других – на темы Православия, культуры, актуальной политики. Живёт в Харькове.

ОЛЬГА БАТАЕВА

ЗДРАВСТВУЙ, ДОЛНА!

«Ты в Долну едешь?» – эту фразу, звучащую для непосвященных как пароль, можно слышать в Кишиневе каждый год накануне дня рождения А.С.Пушкина. Для «посвященных» положительный ответ означает многое: возможность вырваться из города, забросить все дела и провести целый день на лоне природы – в одном из красивейших мест Молдавии, где когда-то бывал Пушкин. Здесь, на Республиканском празднике пушкинской поэзии, можно пообщаться с друзьями, погулять, блеснуть талантом, полакомиться клубникой и черешней и даже попробовать прекрасного молдавского вина, с любовью приготовленного сельчанами из душистого долнинского винограда.

В назначенный день и час сотни кишиневцев, перепрыгивая через лужи и с опаской поглядывая на низкое серое небо, грозящее вновь разразиться дождем, со всех концов города стекаются к Российскому Центру Науки и Культуры, к автобусам, готовым отправиться по следам гения. Народный артист республики Молдова Сергей Тиранин, без участия которого немислимы пушкинские праздники, советуется, какие читать стихи. «Конечно, “Вакхическую песню”», – без колебания отвечаю я. Он в сомнении поднимает руки к небесам: «Солнца в помине нет, как бы ливень не начался...» – «А Вы как прочтете “Да здравствует солнце, да скроется тьма!”», так тучи и рассеются – Пушкин нам поможет». Разговор наш оказался пророческим.

Караван из десяти автобусов, сопровождаемый эскортом с мигалками, чинно следует по хорошо знакомому маршруту. Всего час езды, и мы попадаем в совершенно другой мир. Вдохнув полной грудью хмельного долнинского воздуха, паломники дружно следуют к памятнику великому поэту. По многолетней традиции именно здесь, рядом с Александром Сергеевичем открывается праздник. Цветы, эмоциональные речи, стихи... И вдруг происходит чудо – солнце разгоняет тучи. И все чувствуют – Пушкин здесь, с нами, как и обещал: «... я, забыв могильный сон, Взойду невидимо и сяду между вами, И сам заслушаюсь...»

Далее гости знакомятся с экспозицией филиала Дома-музея А.С.Пушкина, расположенного в усадьбе Замфира Ралли. По приглашению его сына Ивана поэт гостил здесь летом 1821 года. С этими местами связан самый романтический эпизод жизни Пушкина бессарабского периода – пребывание в цыганском таборе и увлечение прекрасной Земфирой. Легенда гласит, что, устав от ревности поэта, красавица сбежала с молодым цыганом. О ее дальнейшей трагической судьбе Пушкин узнал уже в Одессе: ветреную Земфиру зарезал ее возлюбленный, опять-таки из ревности. Так родилась поэма «Цыганы». Начатая в Одессе и законченная

Советник – посланник посольства РФ в Молдове Всеволод Филипп открывает праздник.

Директор Бюро межэтнических отношений Е.Белякова, пушкиновед В. Кушниренко (слева), советник посольства В. Филипп и директор РЦНиК В. Рыбицкий в музее.

в Михайловском, она пронизана яркими впечатлениями, которые двадцатидвух-летний поэт испытал в Молдавии.

Самую колоритную часть празднования дня рождения Пушкина – концертную программу – традиционно открывает песня «Долна», ставшая гимном долнинского музея и праздника:

Долна, Долна! Как раздольно имя чудное твое!
 В нем – леса, холмы, долины, южной неги забытьё!
 В нем – тенистых Кодр прохлада, бег ручья в июльский зной
 И звеневший здесь когда-то смех цыганки молодой...
 Пенье птиц и роз цветенье, гладь озер и буйство трав –
 Долна – времени сплетенье в тишине твоих дубрав.
 Ветер шепчет на поляне о легендах старых вновь,
 И хранят тропинки Долны память пушкинских следов...

Один коллектив сменяет другой – русские, молдавские, украинские песни, темпераментные танцы, стихи Пушкина... Апогей праздника – двое юношей-цыган выводят во двор усадьбы прекрасного белого коня с кокетливой шляпкой на голове. А из кибитки, которую он везет, на поляну перед усадьбой гурьбой выпрыгивают юные цыганки, увлекая зрителей в свой зажигательный хоровод: «Цыганы шумною толпой по Бессарабии кочуют...» Этот сюрприз для гостей праздника подготовили жители Долны, потомки тех, кто видел в своем селе молодого Пушкина. Великий русский поэт в этом молдавском селе – свой, почти земляк. Нарядившись в лучшие платья, они приходят в усадьбу и с интересом наблюдают за происходящим, как когда-то их предки – за смуглым кудрявым незнакомцем. Многие пускаются в пляс, и уже не разобрать, где артисты, где зрители...

Те, кто впервые попал в эти места, обязательно отправляются в лес, где за неполные два столетия мало что изменилось: так же холодна вода в роднике, так же душиста земляника на поляне Земфиры. Здесь легко представить, как по живописным холмам и тенистым тропинкам бродили Пушкин и Земфира, держась за руки... Хранит память о прошлом и сельская церковь Святой Марии, где можно поставить свечу за раба божьего Александра Сергеевича. А в усадьбе, кроме памятника поэту работы скульптора Олега Комова, близнец которого установлен в Мадриде, сохранился памятник живой – нереально толстый кизил, который помнит молодого Пушкина. Под его сенью любят отдыхать гости музея. Радостные ощущения свободы и впечатления от прикосновения к пушкинской поэзии будут еще долго жить в душах участников праздника, чтобы вновь позвать их сюда. Юные артисты, неохотно возвращаясь в автобус, с особым чувством поют припев долиньского гимна:

Я твоим раздольем, Долна, твоей волей надышусь,
Через год к тебе приеду и опять в тебя влюблюсь!

ОЛЬГА БАТАЕВА – родилась и живет в Кишиневе. Окончила филологический факультет Кишиневского государственного университета. Почти тридцать лет работает заведующей отделом Дома-музея А.С.Пушкина, создатель музейных экспозиций и выставок. Автор многочисленных статей в различных периодических изданиях и стихов Пушкинского песенного цикла (в соавторстве с композитором Анжелой Арсений). Награждена Правительством Республики Молдова медалью «Mihai Eminescu».

Звезда над полем

Он оставил после себя только стихи. Даже цветочек принести некуда. Тицетно пытались друзья и почитатели отыскать его могилу на самом большом в Европе нашем кладбище «Дойна», – ни регистрационной записи в книгах, ни таблички, ни холмика.

Константин Семеновский – легенда русского литературного Кишинёва, неотъемлемая «примета» столицы Молдавии 50-х годов XX столетия. Отношение к его фигуре неоднозначное: те, кто «совпали» с ним по времени, говорят о нём либо с восхищением, как о фронтовике-разведчике, неприкаянном истинном поэте, благородном и бескорыстном рыцаре Поэзии, либо... Впрочем, мы оставляем за собой право видеть и слышать, прежде всего, – поэта.

Искренне благодарим Кирилла Ковальджи, именитого московского поэта, писателя и переводчика, современника Константина Сергеевича, откликнувшегося на просьбу редакции написать о нём.

Редакция «РП»

КИРИЛЛ КОВАЛЬДЖИ

«Я НЕ УМЕЛ СЕБЯ БЕРЕЧЬ...» Слово о Константине Семеновском*

Помню его с середины прошлого века, мы дружили, писали друг о друге, потом я уехал в Москву, но, наезжая в Кишинев, я неизменно его встречал чуть ли не сразу – на улице, ибо без него город был немислим.

Но сначала приведу свое вступительное слово к его «Избранному», выпущенному к его юбилею в 1966-м году:

«К пятидесятилетию обычно говорят: "Дыши, брат, глубже. Ты еще молод, хоть куда!" И, как правило, – это приятная неправда. Но вот такую круглую дату отмечает Константин Семеновский, и тут воистину – время не тяжелит его сердца.

Я познакомился с поэтом, когда ему было тридцать с хвостиком. А теперь – все пятьдесят.

* печатается с незначительным сокращением.

Такое сопоставление чисел меня самого удивляет. Потому что он неизлечимо и сердито молод, и все его счастье, и все его беды – именно по этой причине.

Сказать: жизнь его трепала и мотала – будет верно лишь отчасти. Сам он не проявлял никакой приспособленности и охоты к личным благам. С точки зрения уравновешенного практического опыта нетрудно заключить: как "юноша безумный" не нажил себе ни кола, ни двора. Не умел и не умеет.

Прошедшее неизменно. Что толку задним числом прикидывать да взвешивать: так надо было или не так?

Жизнь сложилась как сложилась, но вот ее плоды: стихи, стихи, стихи...

Это великая зацепка, это сила призвания, это бессонница, труд и властная, неистребимая потребность живого слова, это озноб удачи и горький вкус поражения.

Десятки тысяч дней и ночей – три десятилетия в поэзии!

Я не стану пересыпать зерна и отсеивать шелуху, это – дело критика, а верней – времени. Я о том, что мне дорого в поэзии Константина Семеновского.

Прежде всего, лирика: образ и дух срединной России, та вечная приверженность к земле детства, которая одарила простором и широтой, научила понимать и любить солнечные холмы Молдавии, зябкие прибалтийские дюны и зыбкое море среднеазиатского неба.

Откровенное слово современника, осилившего войну и утраты, отступавшего и оступавшегося, но неизменного в своей вере: справедливо людское содружество, счастлива звезда народа.

Выстраданное слово человека, который умирал и выжил, любил женщину и березу, дом и труд, друга и песню, зверька и пичугу. Человека, который ищет понимания и участия.

Точное слово поэта, "знающего ремесло", знающего цену слова, его звучание, его смысл и свежесть.

Своя судьба у человека, своя судьба и у стихов. Хорошо стихам, которые оказываются кстати, в срок и вовремя доходят до читателя. Хотя известно, что многие хорошие стихи запаздывают в пути, а дурные нет-нет да и ловко выныривают на виду у всех. Стихи Семеновского не очень везучие, хоть изданы не раз и без особых опозданий. Зато – "далеко от Москвы". А место издания стихов, к сожалению, определяет и круг их распространения. Потому стихам Константина Семеновского – этим и будущим – еще предстоит донести свой цвет до сада русской поэзии, неделимой на круги распространения.»

Так я тогда писал. Потом – через много лет – штрихи к его портрету набросал в книге «Обратный отсчет»...

В каждом мире своя иерархия. Так в пятидесятых-шестидесятых годах было и в Кишиневе: на роль первого русского поэта претендовал Константин Семеновский. Он и вел себя соответственно – как знаменитый поэт. Читали его не очень, писал он хоть и лирику, но с оглядкой, по правилам. Зато шумел изрядно, особенно спьяну. Хвастунишка, большой (порою злой) ребенок, он со своими неизменными усиками был похож на одесского пижона двадцатых годов. Одно время торговал радиоприемниками, даже мне всучил какой-то немецкий аппарат (вполне, кстати, приличный). Одинокая разведенка, добрая некрасивая женщина приютила его – пожалела беспутную знаменитость. Кишиневское издательство, выпустило, наконец, его книжку, он сам поверил в собственную значительность

и собрался в Москву – пора-де ее завоевывать. Недели через две вернулся – наигранно бодрый, но рассказывал о своих успехах неохотно, с таинственными умолчаниями, без подробностей. Никакими публикациями его набег на Москву не подтвердился. Больше он туда не ездил.

А было ведь и «дело» Семеновского. Известный в Кишиневе поэт и забулдыга, он спьяну обругал соседку через дверь (почему-то ночью ломился к ней). Она пожаловалась в милицию, и вот на Костю Семеновского завели уголовное дело. Мне как председателю русской секции Союза писателей Молдавии предложили быть на суде его общественным защитником. Я с удовольствием согласился – дело пустяковое, весьма мелкое хулиганство, Костя отделается штрафом либо 15 сутками...

Не тут-то было. Судья сходу начала меня резко прерывать, перешла в наступление – дескать, вы в своей организации проваливаете воспитательную работу и т.д. Хватит! Сядьте!

Дело, вижу, принимает крутой оборот. Похоже, все предрешено. И действительно – Косте дают два года и берут под стражу в зале суда. Что такое? За что? Я бегу к Андрею Лупану, председателю СП Молдавии, поэту, которого и Костя переводил, а главное – депутату Верховного Совета СССР.

– Андрей Павлович! Помогите – произвол, беззаконие!

Возмущенный Лупан отправляется по инстанциям, возвращается тихий и скорбный:

– Кирилл, он отсидит.

– Почему?! Он же ничего такого не сделал...

– Его не за это судили. Он, оказывается, месяц назад дал пощечину второму секретарю ЦК комсомола, когда тот сделал ему замечание, почему он расселся на ступеньках горкома... Тут ваш подвыпивший Семеновский и дал волю рукам... Не будет же секретарь с ним судиться!

И Костя отсидел в Крикова год с хвостиком. Я его навещал...

Лет через десять собутыльники его убили (в последнее время он жил один). Теперь знакомые пытались найти его могилу и не нашли...

Русские поэты в Молдавии жили в собственном мирке, часто издавались, но, как правило, оставались на обочине общерусской поэзии. Молдавскую литературу (политически отгороженную от румынской) постигла в чем-то похожая судьба(...)

До середины пятидесятых годов классика была запрещена (она была румынской!), раздувались современные «величины», вроде Иона Кана, который оказался потом плагиатором... Помню, кто-то удивлялся: зачем я пишу стихи по-русски? Писал бы по-молдавски, сразу стал бы классиком!

Немало я, как и Семеновский, переводил из молдавской литературы и писал о ней, но всегда чувствовал ее условность, искусственность (параллельно переводил и румынских писателей, писал о них!). Теперь, когда культурные перегородки между Кишиневом и Бухарестом рухнули, молдавская иерархия утратила свой статус. Считанные единицы выдержали переоценку ценностей.

Но, если говорить серьезно, то и вся советская литература была замкнутой, разбухала государством в государстве – со своими министерствами, сановника-

ми, классиками. Мощная, но искусственная иерархия Союза писателей СССР рассыпалась к началу девяностых годов. Сотни, тысячи имен и книг обесценились навсегда. «Взошли иные имена...» Разве можно сравнивать Суркова, Маркова, Сартакова с Бродским, Булгаковым, Набоковым? Но и у справедливости есть оборотная сторона – литературное дело, отделенное от государства, зависло в невесомости...

Наше дело все-таки спасти от забвения то, что стоит спасти.

Константин Семеновский по натуре и характеру – по жизни! – был типичный поэт. Колоритная фигура! Жаль, он не смог полностью реализоваться, время на его долю выпало тяжелое, он, как и многие его пьющие ровесники, не был ни приспособленцем, ни бунтарем – проскакивал между Сциллой и Харибдой, – мол, что с меня возьмешь, я не от мира сего...

Недаром стихотворение к своему пятидесятилетию он начал так:

Все дальше путь и строже слово
И меньше путаницы той,
Что лезла в строчки бестолково
Своей красотью пустой.
Тридцатилетняя работа
Недаром в сердце пронесла
Мои бессонницы без счета,
Мои волнения без числа,
И постоянные сомненья,
И мысли горькие как чад
Что в звонком хоре поколенья
Мои возможности молчат.

(«Рубеж»)

И – опять же – как жаль, что он не узнал: несколько лет назад был выпущен в Кишиневе конверт с почтовой маркой «Поэт Константин Семеновский» (1916–1977).

Вот бы он ликовал!

ВИНОГРАД

Я нынче дьявольски богат
Осенней щедростью Молдовы.
Меня встречает виноград –
Зеленый, розовый, лиловый.

Он смотрит пристально в глаза,
И оторваться не могу я,
Как будто неба бирюза
В нем отражается, ликуя,

Как будто зори пролились
В продолговатые сосуды,
А солнце опустилось вниз
И сотворило это чудо.

Глубокой ночи синева
Проникла через оболочку,
И зерна светятся едва,
Как будто звезды-одиночки...

Не виноград, а прямо клад,
Не клад, а сказочное диво.
Я нынче дьявольски богат –
И это очень справедливо.

ДОЖДЬ ИДЕТ

Дождь.
И еще раз дождь.
Стекла заплаканы.
Вот и выдумывай что-то,
вглядываясь в полутьму.
Кажется, хмурое небо
открыло все клапаны,
Именно сразу все клапаны,
а не по одному.

Я не завидую гражданам,
в поле мокнущим где-то,
Мне далеко до геройства,
ну а ему – до меня.
Дома куда удобней.
Уютом зовется это. Комната.
Лампа настольная
с тонким венком огня.

И только форточка тревожно
 Почти по-птичьи просвистит.
 Туманный разум прояснится,
 Стряхнется ночи забвенье,
 И спросит сердце:
 – Где ж синица?
 Отвечу:
 – Не было ее...

ВЕРНОСТЬ

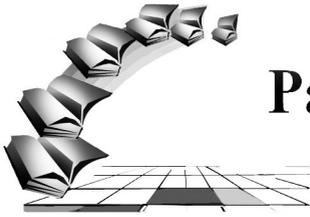
Поэт живет.
 Его святое право
 О жизни петь, что все-таки светла.
 Его друзья –
 цветы, деревья, травы;
 Его враги –
 туманы, холод, мгла.

Поэт растет.
 Он должен быть свободен,
 В свои поля, в свои леса влюблен.
 И у него не два десятка родин –
 Всего одна, которой верен он.

Всего одна.
 Ему другой не надо.
 Она в беде и в радости – своя.
 Она не только песнями богата,
 Но и особым светом бытия.

Как не любить,
 как не беречь поэту
 Ее, давно забывшую покой!
 Другой не будет.
 Родина вот эта
 Всегда бессмертна
 в памяти людской...

Пусть я умру, как умирают люди,
 Простые люди без путевок в рай.
 Но я молю, как о великом чуде,
 Хотя б одну строку:
 не умирай!

Радуга

НОВЫЕ КНИГИ

ОЛЕГ ПАНФИЛ

МЕДБРАТ СЕСТРЫ ЖИЗНИ

– Жить хочешь? – Спросил Куфту доктор Сорокин с упором на первое слово, намереваясь точно определить, не желает ли пациент чего-то другого.

– Да, – согласился псих.

– А зачем?

Куфта задумался.

– Я боюсь.

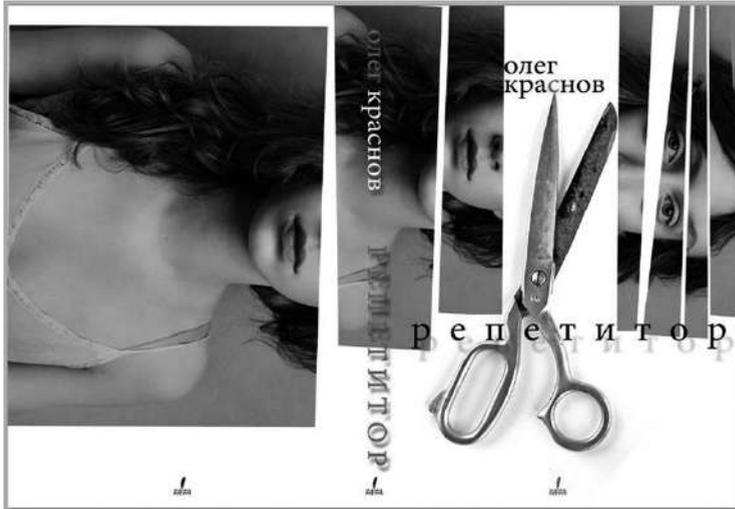
Неубедительно, конечно. Не аргумент. Разряд, Куфта дернулся, обмочился и затих.

О. Краснов, «Сестра»

Изданная в Za-Za Verlag (Дюссельдорф) и снабженная отличной обложкой, первая книга Краснова оказалась действительно – книгой. И даже название «Репетитор» – не лучшего в этой книге одноименного рассказа – собирает сборник в неожиданную цельность. Хотя две-три вещи без малейших сожалений автору стоило бы кинуть за борт (например, «Скучная история», «Пионер»). Более того, только короткой повести «Сестра» и рассказа «Шелковица» было бы достаточно, чтобы стать книгой. Хорошего писателя.

Проза О. Краснова – это виды на жизнь русской интеллигенции в постсоветской Молдавии. Его взгляд точен, потому что направлен внутрь себя. Там, где он пытается выйти из себя, – пространство с ограниченной ответственностью: мелкий бизнес, сауна, тюрьма, психушка. Только когда их стены остаются за спиной героя, самозаводящаяся батарейка советского времени умирает, и начинается время свободы «без». Без сестры, из-за которой герой повести идет санитаром в психиатрическую больницу в самое тяжелое отделение, – чтобы быть ближе к ней. Но сестра лежит в женском отделении, а герой работает – в мужском. И он может не успеть к ее отлету с балкона клиники. Отлету – куда? Куда? Поиски направления и есть, пожалуй, главное содержание этих скупых и живых рассказов. Как в любой честной книге, в ней, конечно, нет никакого ответа. Но – пусть рваный, но неумолкающий тон сердца за этими буквами – намагничивает заново стрелку внутреннего компаса, и она вот-вот укажет в будущее.

Лирический герой Краснова чаще всего – «почти» святой мученик Сан-Себастьян: он бессознательно ищет, как бы принести себя в жертву. Но, однако, после первой же вонзившейся в него стрелы, слегка истекая кровью, буквально в последний момент – как бы на последнем эшелоне, неожиданно (для Сан-Себастьянов) отстреливаясь, сваливает с, казалось бы, вождельного им до этого распятия.

Или, если пройти мимо культурной помойки, на которой теперь покоится психоанализ (поскольку то, что во времена Фрейда было бессознательным, в наше время стало осознанной маркетинговой практикой), то лирический герой – довольно редкий тип в новейшей русской литературе: он рыцарь. Да. Но с оттенком не то чтобы мазохистским, но безотчетно ищущим наказания – хотя бы в форме самопожертвования. Медбрат в «Сестре», учитель в «Репетиторе», философствующий математик в «Бабочке» как-то так жертвует собой, пытаюсь быть добрым и защищать слабых, что после первой схватки с врагами его мировоззрение несколько меняется. Нет, герой – не трус. Просто характер врага таков: ведь его имя – Рок, Фатум. Непреодолимая сила обстоятельств.

Хтоническая бездна, зияющая то там, то сям в «Сестре», а точнее – окружающая зыбкий островок мнимого здравого смысла со всех сторон, эта бездна – особенно на периферии психлечебницы – в цеху, куда герой водит душевнобольных на трудотерапию (одна из сильнейших во всей книге сцен) – дана не просто как реальный прижизненный ад, – всё буквально дышит тем, что несравненно безнадежней преисподней религиозной: там дышит и клубится Хаос – доправославный, доантичный, до-египетской тьмы, тот Хаос и бездна слева, от которого и отгораживают своими самотканными расписными кулисами человека все религии – (театр при психиатрической клинике называется «Синяя птица») – иначе человек не мог бы выжить. Бездна, лишенная малейшего признака смысла, благонамеренности и предсказуемости для человека. Безмерная, безжалостная и непостижимая сила, чьи намерения и логика абсолютно непроницаемы для героев.

Эта бездна, ощутимо приоткрывшаяся для всей некогда великой страны в 90-е, слом всех мерок и систем ценностей поглотили сестру главного героя и едва не поглотила душу целой страны. Орфей спустился в Аид, но его Эвридика в каком-то смысле покончила с собой, не дождавшись, когда же он прорвется к ней – не сквозь церберов, – и не только сквозь кафкианский бюрократический абсурд лечебного заведения, – а через иррациональное нежелание жить.

Однако – не смотря на явный автобиографический бэкграунд повести, образ сестры Иры не укладывается только в сестру единокровную. Притом не укладывается на уровне сюжета: если бы Олег хотел увидеться с сестрой, то прямее всего было бы просто прийти к ней с передачкой в отделение. Но вместо этого герой

идет работать санитаром в мужское отделение (поскольку мужчин-санитаров в женские отделения больницы не берут, хотя женщин-санитарок в мужские – берут). Почему?

Он ищет ответ на вопрос – что же произошло с сестрой, и как это вообще происходит с людьми – общаясь с врачами, узнавая истории других больных, среди которых есть и убийцы, и дети. Особенно дети: «На прогулку выводят детское отделение. Совсем маленькие детки. Глазки смотрят в разные стороны. За ручки держатся. Я не могу это видеть, хочется выть. Лучше буду брить овощи каждый день. Я хочу домой. Я затылком чувствую свет, когда выхожу за ворота, и лёд в позвоночнике, когда переступаю границу тени».

Не безумен ли и брат? Медбрат? Не безумен. Но в какой-то момент понимает, что нет никаких причин, по которым он не смог бы точно так же сойти с ума, и даже не заметить этого. Но самым ужасающим открытием для него становится то, что в психбольнице никого не вылечивают. Врачи так же безуменны, как и больные.

Итак, герой не то чтобы клинически безумен, – он просто интеллигент. Рыцарь. Его самопожертвование, как любое самопожертвование, – иррационально. Но в повести «Сестра» оно имеет особый оттенок – поскольку он отвергает прямой путь помощи своей сестре – свидание с ней. Вместо этого он идет работать медбратом. Чтобы что? Получить письмо от нее? Граф – главврач больницы – обещает ему это письмо, если он уйдет из больницы. Граф же и объясняет Олегу, что здесь никого не вылечивают. А может сестра не хочет этого свидания? Почему он идет такими окольными путями? «Мне сказали, что эта дорога ведет к океану смерти. Я свернул. И с тех пор все тянутся предо мной глухие окольные тропы». Отчего же он трусит? В чем его вина перед сестрой? И вина ли это? Ведь не об инцесте же идет речь, нет ведь?

В любом случае именно такой сюжет вкупе с некоторыми фигурами умолчания и переводит повесть из разряда обычных воспоминаний, чистого нон-фикшна, в произведение искусства. Потому что это позволяет видеть в образе сестры Иры все, что мы можем проецировать на загадочный женский образ – это может быть и душа самого героя, и родина, и страна, и несбывшаяся мечта, и темная сторона мироздания, и смерть, и сама жизнь. Жизнь и ее несчастная сестра. Которой он приходится медбратом из чужого – мужского – отделения психбольницы.

Отчуждение – едва ли не главная тема всей книги. В 90-е все стали чужими друг другу: русские – молдаванам, верующие – атеистам; мир без «ты» и «мы». Есть печальная статистика – в 90-е количество психических расстройств в бывшем СССР возросло на 70%. И появились совершенно новые, дотоле неизвестные нарушения психики. То бишь – душевные болезни. А так же в разы возрос уровень самоубийств.

Именно глухие окольные сюжетные тропы делают повесть художественным произведением, а не рассыпанные по всему тексту аллюзии на «Книгу Мертвых» (египетскую, и почему не так уж важно, что это именно египетская книга мертвых, а не тибетская – см. чуть ниже) – и другие вкрапления философии и смежных искусств – от живописи и архитектуры до театра душевнобольных – как уже сказано – «Синяя птица». Потому что все аллюзии и разномастные культурные

проекции, размышления героя воспринимаются в контексте шуршащего отовсюду неподдельного хаоса всего лишь как то, чем они и были для Олега – умственной жвачкой, состоящей из в умеренной степени переваренного сознанием культурвинегрета среднестатистического продвинутого молодого интеллигента середины 80-х – начала 90-х.

Все назначение любой культуры – как очки, но не от солнца, а, наоборот – от тьмы. Потому что, видя постоянно бездну, которая всегда слева от нас, – невозможно жить. Этот вид на пустоту ведь совсем не помогает нам строить и жить. Но вот в психбольнице культурный багаж героя сталкивается не с умозрительным, а с неподдельным и живым Хаосом, и его сердце и ум раздрает и сжигает конкретная высоковольтная – живая – боль, любовь и безнадежность – он не знает, как помочь любимой сестре. И в этом поле высочайшего напряжения культурный багаж как бы пытается преобразиться в личную силу духа конкретного брата-медбрата.

Сестру не окольная, а прямая дорога и привела к смерти при жизни. Но – а в чем разница? Рано или поздно все там будем. Герой чувствует, что разница есть. Почувствовать по-настоящему это можно, пожалуй, только в психбольнице или тюрьме. Все очень просто и страшно: есть вещи, которые намного хуже смерти. Возможно, именно это и поняла Сестра пред своей вполне самоубийственной прогулкой по перилам балкона. И поняла, что – не боится. Но даже запоздалое бесстрашие ей не помогло. Потому что бояться жизни (а, скорее всего, она заболела от этого страха) и бояться смерти – совсем разные вещи.

Что же может быть страшнее смерти? Бескрайнее количество вещей могут быть страшнее смерти, но назовем лишь одну: потерять свою душу. А разве душу можно потерять? Но если мы задаем такой вопрос, то вначале тогда нужно задать вот такой: а душа есть? Наверное, есть, если нам страшно ее потерять. Но если она есть, то должен быть и Бог. Но Бог – ведь тот, кто спасает людей, разве нет? Он же должен быть добрым, нет? Нет, – в психушке такого Бога нет – спасающего. И доброго. Добрый Бог никогда бы не допустил таких страданий невинных детей. Значит, Он не всемогущ? Или мы оставлены им? А может, все дело в том, что мы не настолько важны для него, как Он для нас? Может, мы для него – мелкая досадная перхоть среди миллиардов других перхотей?

Герой очень мучительно и честно, хотя и не без странной иронии, более подходящей на остатки инстинкта самосохранения, ищет ответы на эти великие и проклятые вопросы: он и рад бы, кажется, поверить хоть в какую-то высшую силу, но видит вокруг только действие демонов и фигуры низшего пилотажа. И поэтому не важно – аллюзии ли это на египетскую «Книгу Мертвых» или тибетскую. И в египетской, и в тибетской – действуют демоны. Там нет никаких высших сил, кроме хищников. Высшие силы – только любовь и мудрость. Их нет в этих древних книгах, так же как и в Ветхом завете. Да и практическое христианство, с которым Олег сталкивается среди своих коллег – санитаров больницы (преимущественно молдаван из окрестных сел), – отнюдь не отмечено светлой печатью доброты.

«Какая разница, есть ли Бог, нет ли его, если жить все равно нужно так, как если бы он был». А если мы заменим здесь слово «Бог» на «Любовь» или «Доброта»? Очень трудно совершать подвиги в мире, где не стало наро-

да, Родины, доброты. А где этого не стало и когда? Этого не стало в 90-е: ни рыночные отношения, ни либеральная доктрина, ни демократия и ее мало-рекламируемая суть – «мир без ближних» – никак несовместимы ни с родиной, ни с народом, ни с добротой. А для кого-то – несовместимы и с жизнью. Время героев прошло? Ну да – в отличие от практически античного в этом смысле СССР, в индивидуалистическом обществе сама идея о том, чтобы пожертвовать собой ради родины или во имя народа, во имя любимой – даже не абсурдна, она просто за пределами. Античная эпоха закончилась у нас на глазах. Задумайтесь: закончилась эпоха, которая определила все лицо нашей с вами цивилизации.

Но Олегу (и герою, и автору), на мой взгляд, удается – почти успешно сопротивляясь своему собственному интеллекту – совершить подвиг сродни античному. И именно потому что он (и герой, и автор) – принял вызов Рока, Фатума, и лицом к лицу столкнулся и сразился с Хаосом. Древнегреческие герои сражались с чудовищами и богами, герои Отечественной войны – с фашистами. В наше же время главное сражение – на бескрайних полях Сознания.

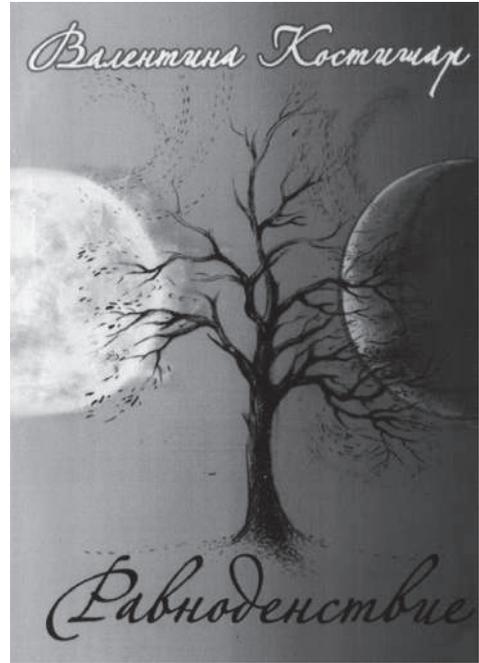
Смысл, с которым Олег вернулся из этой войны, который может по внешнему сюжету казаться поражением, на самом деле – победа. Потому что он выбрал свет и жизнь. Жизнь, в которой жизнь – не сестра. А кто?

ОЛЕГ ПАНФИЛ. Прозаик, поэт, переводчик. Родился в 1962 году в Приднестровье. Окончил Кишиневский Госуниверситет. Книги прозы: «Песни туземцев и пляски с чёрной собакой» (1992), «Дорога сновидений» (на румынском языке), «Школа сновидений», «Пиромания» (2006), «Ты-ы! Давай сбежим отсюда вместе» (2008). Премия журнала «Горизонт» за лучший поэтический дебют (1986). Премия фонда «Белый Арап» (2008). Премия журнала «Tiuk!» за лучший перевод с румынского (2009). Живет в Кишиневе.

ВАЛЕНТИНА СКЛЯРОВА

«...ГДЕ РУССКИЙ ДУХ НЕРАЗДЕЛИМ СО СЛОВОМ»

13 июня в помещении Российского центра науки и культуры в Молдове состоялась презентация новой книги стихов члена Союза писателей России и Молдовы, дипломанта Международной литературной премии им. Великого князя Юрия Долгорукова (2009 г.) Валентины Костишар со знаковым, философским названием «Равноденствие». Случилось подлинно художественное событие, значение которого оценят не только кишинёвские ревнители поэзии, но и читатели за рубежом. Эта скромная по виду книжка небольшого формата и объёма (216 страниц) – настоящая драгоценность. Она написана счастливым человеком и способна заронить искорки счастья в души её воспринимающих. Ибо настоящая поэзия, как игра талантливого актёра, заразительна.

Читать эту книгу всё равно, что беседовать с хорошим давним другом: у вас так много общего, вы понимаете друг друга с полуслова. Вы знаете друг о друге почти всё и одинаковыми глазами смотрите на происходящее, – и всё равно вам интересно вместе. Из нашего обихода, к сожалению, среди многих других ушли, например, такие слова, как «сумерничать», «чаёвничать», от которых так и веет старинным уютom, ушли, потому что утрачено само понятие, стоящее за ними – обычай неспешной сердечной беседы. А книга Костишар (как и все её предыдущие 11 сборников) возвращает нас в атмосферу того совсем недалёкого времени, когда люди испытывали насущную потребность в таком общении, владели его секретом, ценили его.

Сказать по правде, мы с автором знакомы давно – со студенческих лет. Среди рослых, уверенных в себе «филологинь», модниц и «современниц» выделялась скромная невысокая девочка в белом, без затей повязанном платочке, с ясными, синими, как небо, глазами. Уже тогда была в ней какая-то особость, отдельность, неслиянность с шумливой студенческой массой. Этот платок, как у сказочной Алёнушки, разыскивающей братца Иванушку, и этот чистый доверчивый взгляд казались неким символом, знаком причастности к чему-то закрытому и тайному («Секта, что ли?» – слышалось иногда за её спиной недоумённое перешёптывание). Оказалось, причастность к закрытому и недоступному была, но не религиозная, не сословная, а цеховая: поэзия – место для избранных, куда без Божьего приглашения не попадёшь.

Цельность природы, своеобычность в век массовой культуры, цинизма, дресс-

кодов и стандартов – понятия в социуме нежелательные, неодобряемые. Уж очень очевидной в непосредственном соседстве с ними становится самолюбивая посредственность, не терпящая превосходства. Но куда же без них творческому человеку? Костишар-поэта не спутаешь ни с кем другим. Стихи её узнаёшь по особой, лишь ей присущей интонации, яркой музыкальности (распеву, сказовости), неповторимым лёгким ритмам. Она вроде бы сразу, минуя годы ученичества, научилась рисовать целостную поэтическую картину, безошибочно выстраивать композицию сюжетных стихов. Самая отличительная черта её манеры – негромкий, но внятный и тёплый голос. И ещё – все её стихи (вспомним определение Пушкина «лучшие слова в лучшем порядке») пронизаны, буквально пропитаны её неповторимо-светлым мироощущением. В том, что ею написано, как правило, есть собственно биографический подтекст, исповедальность. Вот, в частности, её стихотворение «Ольха» можно считать миниатюрным автопортретом:

«Ты научилась жить в себе, не прячась,
Тебе уютно в маленькой судьбе.
Не требуешь, не злишься и не плачешь,
Ты вся принадлежишь сама себе...»

Так же как это скромное дерево, наша героиня отмечена «чертами незаметной красоты», вернее, красоты неброской, не декоративной, но очень индивидуальной и запоминающейся.

Из всех людей, которых я знаю, она – очень русский человек, не только по происхождению, но по жизненным проявлениям: с одной стороны – распахнутость миру, его приятие, с другой – очень большая сосредоточенность, неколебимая твёрдость, в чём-то главном её с пути не собьёшь, на таких людей невозможно влиять, ими нельзя манипулировать, их никогда не удаётся «прикормить» властью предрержащим любого уровня. В самом начале своего пути они чётко улавливают своё предназначение, промысл Божий – через поэзию (или иной дар) нести в мир русскую духовность.

От русской природы, русской народной песни – все качества лучших стихов Костишар: лексическое богатство, открытая эмоциональность, внутренний огонь («поэзия – продукт горенья»), абсолютная свобода поэтического дыхания, милое женское лукавство и мягкий юмор, крылатая лёгкость рифм, свежесть метафорической образности, афористическая краткость поэтической формы, завершённая по мысли определённость нравственного посыла.

Её индивидуальная манера вполне соответствует духу старинного рассуждения современника Пушкина А. С. Шишкова об умении сочетать высокий слог с просторечием – так, чтобы «высокое приятно обнималось с простотою».

Несмотря на то, что Валентина Викторовна – любящая и любимая жена, давно отметившая с супругом серебряную свадьбу, мать двоих дочерей и бабушка очаровательной внучки, в ней по-прежнему ощущается какая-то удивительная девичья чистота и внутренняя тишина (может, как в юности, зардеться от неловкой ситуации или грубого слова). Она ни с кем не соперничает, никого не судит. Невозможно представить её себе разговаривающей на повышенных тонах, доказывающей свою правоту. Не говоря уж о менторском тоне и высокомерном взгляде. Обиды сносит молча, просто улыбнётся и отойдёт. А вот самой ненароком кого-то обидеть – для неё самое страшное. Изведётся чувством собственной

вины, спать не сможет. Я не представляю себе человека в меньшей степени, чем она, озабоченного добыванием званий, наград, привилегий. Самый большой почёт для неё – это когда зовут прочесть стихи, и она всегда легко и радостно, без ломания и кокетства, на эти просьбы отзывается. И сам характер её авторского чтения такой же бесхитростный и доверительный, такой же не показной, как и весь строй её поэтической души. И это не только осознанная линия поведения, но ещё и генетическая предопределённость, должно быть. Такой облик и стиль поведения до сих пор присущ женщинам северных областей России, поморкам (она ведь родом из Архангельской области). Это особая порода людей аскетичных, и в то же время обладающих неутрачиваемым, несмотря ни на какие социальные катаклизмы и перипетии личных судеб, чувством собственного достоинства и ещё – великодушием.

Костишар-поэт испытывает сострадание, а порой и нескрываемую жалость к тем персонажам, кто у других вызывает зависть или осуждение. Ну, например, к Снежной королеве («...нелегко быть вечной королевой, женщине завидуя простой... если постучится, то – впущу»); к возвратившейся так некстати зиме («...я видела живые слёзы в глазах отверженной зимы»); к живущим в вечном страхе и недоверии ко всем за двойным забором, стерегущим своё, – кто знает, праведно ли найтёе («...куда никому нет входа... кроме дня и ночи да судьбы и смерти»).

Настоящий поэт живёт в созданном им пространстве, куда и нам, простым смертным, доступ не закрыт и путь не заказан, а пропуском в него является только созвучие сердец. Никакая другая плата не требуется. Как говорится, не больше и не меньше. Это мир, в который можно войти, погостить, отогреться душой и, напившись живой воды, продолжить свой собственный путь с новыми силами. Там словно бы воскрешается наше героическое прошлое; звучат «голоса цветов» и детский смех; там – аромат маминых пирогов и надёжная сила поддерживающей отцовской руки; там сияет праздничная ёлка, и наше спокойствие оберегает снеговик с метлой; там – цветной ковёр полей; там царит мажорный лад рахманиновской музыки на фоне благоухающей сирени. И жизнь, хоть и всегда непредсказуема, но неизменно прекрасна.

Если ваша душа зазвучит в унисон с душой автора, то этот мир высоких чувств и добрых мыслей для вас. Вы почувствуете себя в нём своим и желанным. И непременно отыщите ответы на свои потаённые думы и безмолвные вопросы.

Поэтический голос Валентины Костишар напоминает немолчный говор чистого родника, пробивающегося через мрачную чащобу нашей жизни. В лесу темно и сыро, под ногами – нехоженые тропы, а где-то притаились хищные звери, но рядом с заплутавшим путником звонкий голос ручейка как бы уверяет, подбадривая: «Ничего, не робей, выберемся, иди за мной!» И мы ему верим и надеемся, что свет и спасение где-то рядом.

ВАЛЕНТИНА СКЛЯРОВА – родилась 11.09.1949 в Калининграде (бывший Кёнигсберг). Окончила филологический факультет Кишинёвского государственного университета. С 1991 года – заведующая литературной частью Государственного русского драматического театра им. А.П. Чехова. В центральной республиканской прессе опубликовано более 200 её статей, портретов артистов и рецензий на спектакли.

ПРОЗА

Поле притяжения

В июне 2013 года Александра Юнко – известнейший русский поэт, прозаик, переводчик, эссеист и публицист современной Молдовы, автор детских книг, исторических и авантурных романов, а также постоянный автор и добрый друг «Русского поля» – отмечает 45-летие творческой деятельности, совпавшее со знаменательной годовщиной дня рождения.

Мы искренне поздравляем Александру Петровну с двойным юбилеем и желаем ей долгих радостных лет, здоровья, сил, вдохновения, новых замыслов и книг, счастья и благополучия семье!

Редакция РП

АЛЕКСАНДРА ЮНКО

CURRICULUM VITAE

Родилась я в 1953 году. И застала еще те буколические времена, когда Кишинев был маленьким городом, который из конца в конец можно было пройти пешком и в котором все более или менее были знакомы. А в праздничные дни все наши соседи прямо на улице Тельмана (Благовещенской) составляли столы, сооружали из табуреток и досок длинные скамьи и выносили из дому нехитрую снедь и домашнее вино. Грузовой транспорт ходил по нашей окраинной улице так редко, что его можно было не принимать в расчет, легковые автомобили тоже встречались нечасто, а в частном владении они появились позднее и сигнализировали об особом социальном или финансовом состоянии владельца.

В первый класс я пошла в только что отстроенную СШ №36 на Пушкинской горке под тремя вышками-глушителями (после войны горку называли еще и Солдатской – там стояли казармы). С учителями мне повезло, так же, как и с вузовскими профессорами: это были не только знающие педагоги, но и замечательные люди с непростой судьбой, у которых многому можно было научиться. В 1975 году окончила филфак КГУ (сейчас МолдГУ). С красным дипломом, над чем позже не уставал подтрунивать мой муж, тоже филолог. Оправданий у меня было два. Мне нравилось учиться и узнавать нечто новое. Кроме того, после гибели отца мы жили очень бедно, мама и в пенсионном возрасте продолжала работать, и моя честно заработанная стипендия была немалым подспорьем для семейного бюджета.

Была пионервожатой в школе – и ушла, когда поняла, что по специальности мне не дадут даже нескольких часов. Потом – младшим научным сотрудником в Доме-музее А. С.Пушкина, где прежде подрабатывала летом в старших классах и студенчестве.

Печататься в периодике начала с девятого класса, так что мой литературный стаж – страшно сказать! – 45 лет. Моим крестным отцом стал Рудольф Ольшевский, тогда зав. отделом в легендарной «Молодежке». Благодаря ему я попала в литературное объединение «Орбита» при «ММ» и до сих пор считаю, что лучшей школы, чем «лито», для начинающего поэта или прозаика не бывает.

С 1976 года профессионально работаю в журналистике. Была штатным сотрудником в разных СМИ. Заведующей отделом литературы и культурной жизни газеты «Молодежь Молдавии» (1976-1984). Параллельно возглавляла литературное объединение «Орбита» до 1981 года, когда мы подверглись преследованиям КГБ. Корректором и редактором русского выпуска детского журнала «Стелуца», впоследствии «Алунелул» (1984-1999). Выпускающим редактором газет «Аргументы и факты-Молдова», затем «Труд-Молдова» (1999-2004). Обозревателем возрожденного «Вечернего Кишинева» (2004-2005) и «Независимой Молдовы» (2005-2010). На протяжении пяти лет (1999-2004) выпускала русскоязычный детский журнал «Радуга» при муниципальной еврейской библиотеке имени И. Мангера. Больше десяти лет сотрудничала с газетой «Русское слово», да и сейчас там печатаюсь. Возглавляла литературное объединение «Черновик», созданное при «РС».

В конце 1986 года у меня родилась дочь, а в начале 1987-го я была принята в молдавское отделение СП СССР. Эти два радостных события почти совпали по времени.

Первые литературные публикации – подборки стихов и поэтических переводов в газете «Молодежь Молдавии», журнале «Кодры», других периодических изданиях республики. Выпустила три книжки стихов: «Начало дня» (Кишинев, 1979) в серии «Дебют», «Зал ожидания» (Кишинев, 1984), «Моментальный снимок» (Кишинев, 1990). Потом Союз рухнул, и следующую рукопись мне вернули «в связи с изменением издательских планов». Еще одна подготовленная к изданию рукопись – «Присутствие духа» (1993) – так и не была выпущена частным издательством «Axul Z» Михаила Флори. Зато там увидели свет первая детская книга из серии «Спиноза и Ко», написанная в соавторстве с Юлией Семеновой, – «Шварценеггер и Спиноза в Древней Греции» (1995), две книги переводов с французского – «Тайная жизнь Сальвадора Дали, рассказанная им самим» (1992), «Путешествие на край ночи» Луи-Фердинанда Селина (1995) – совместно с Юрием Гладилиным. Очень интересным было участие в проекте (поддержанном Институтом Гете) книги немецкого писателя Вальтера Кемповски «В тюрьме. Записки заключенного» (2003), совместно с Анатолием Платицыным.

В «лихие 90-е», как и другие члены местного СП, сотрудничала с частным издателем Василием Кирчевым, редактируя (фактически создавая по очень сырым подстрочникам литературные переводы) прежде не выходившие на русском языке книги известных западных авторов в жанре детектива, в том числе иронического, фантастики и фэнтэзи. Кроме заработка, эта работа значительно расширяла мой читательский кругозор и давала бесценную возможность попробовать себя в новых жанрах и стилистических системах.

Примерно в этот же период мы в соавторстве с Юлией Семеновой написали для московского издательства «Олимп» три детективные повести на документальном материале (серия «Криминальная Россия») и два исторических романа

– «Выстрел в театре» (1997) и «Авантюрист и любовник Сидней Рейли» (1998).

Все эти годы я не переставала писать стихи. Печатались они почти исключительно в журнале «Кодры». В 2005 году моя подборка вошла в сборник «28 плюс. Русская поэзия Молдовы» издательства «Карта Молдовой». В 2009 году мои стихи и перевод «Миорицы» (с необходимым предисловием переводчика) были напечатаны в первом выпуске альманаха «Связь времен» (Сан-Хосе, Калифорния, США). Осенью того же года я была приглашена на международное бьеннале поэтов в Москву, где пришлось рассказывать не только о состоянии современной литературы Молдовы, но и о тех политических и социальных перетрясках, которые у нас происходят с заметной регулярностью. После вечера молдавской поэзии поэт и издатель Евгений Степанов предложил мне составить и прислать ему для публикации десять подборок десяти русских поэтов нашей страны. Практически все они были напечатаны в 2010 году. В том числе и мои стихи вышли в свет в журналах «Зинзивер», «Дети Ра», газете «Литературные известия» и др.

В 2010 году мне довелось участвовать в международном литературном проекте «Прощай, Молдавия» (Москва – Тель-Авив). В издание вошли стихи двенадцати русских поэтов, из которых к тому времени половины не было в живых, а из живых я единственная осталась в родных пенатах. Первоначально сборник задумывался как книга о Кишиневе, и моя подборка, открывающая ее, целиком посвящена нашему городу. Стихи из нее вошли и в юбилейное издание «Chisinaul in literatura» («Кишинев в литературе»), 2011. Подборки моих стихов регулярно появляются на международном творческом интернет-портале «Подлинник», публиковались в «Литературной газете», журналах «Русское поле» (Кишинев) и «Северная Аврора» (Санкт-Петербург).

В 2011 году при поддержке Российского посольства в Республике Молдова вышла книга моих эссе «Гадание на Пушкине», вобравшая в себя небольшую часть публикаций под рубрикой «Мой Пушкин», которую я почти десять лет вела в газете «Русское слово» (Кишинев).

Сейчас я заканчиваю составлять книгу прозы «Портрет неизвестных». В нее вошел цикл рассказов о кишиневском «магальском» детстве «Продленный день» и еще два раздела – «Здесь были мы» и «Переулочек Вавилона». Отдельные фрагменты будущей книги печатались в газете «Русское слово», журнале «Городской калейдоскоп» (С-Пб, Россия), сборниках «Невидимое море» (2011) и «Пролетая над...» (2012), изданных по итогам конкурса малой прозы литературного фонда «Белый Арап».

Но самое мое большое желание – продолжить работу над «большой книгой», основой для которой служат записки моей мамы Эмилии Михайловны Юнко (1909-1993) и старшего брата Евгения Чумаша (1931-2006). Мои родные писали их без всяких литературных и прочих претензий. Но судьбы наших соотечественников настолько тесно сплетены с событиями XX века, что история любой бессарабской семьи одновременно напоминает исторический роман, мелодраму в 300 сериях и жесткий итальянский неореализм. И становится еще одним фрагментом общей картины, которая, увы, до сих пор не написана. С возрастом понимаешь, что история – не где-то там и когда-то, она происходит здесь и сейчас. Поэтому временной отрезок в сто с лишним лет, который я тшусь охватить, совсем невелик, хотя и наполнен великими и трагическими вехами. И каждый из нас существует не сам по себе. Мы лишь звено в бесконечной цепи поколений.

РЕЛЬСЫ

Не помню уж, когда перестали ходить трамваи, но рельсы еще долго лежали на улице Пушкина и на центральном проспекте Ленина, доходя до самого вокзала. А по Павловской можно было спускаться вдоль заброшенных путей, воображая, будто едешь домой в покачивающемся вагончике. Время от времени город будоражили слухи, что этот удобный и недорогой вид транспорта снова вернут, но потом рельсы убрали, а вместе с ними ушла и надежда.

Чаще всего мы ходили пешком. В праздники и выходные надевали нарядные платья, сшитые тетей Верой с Липованки, брали с собой летние зонтики и отправлялись гулять. От жары спасались газ-водой (без сиропа – копейка, с сиропом – 3 копейки). Иногда тратились на мороженое по 7 или 9 копеек. Петя Курлюк всегда угощал меня своим любимым шоколадным крем-брюле, которое совсем не утоляло жажду и колом стояло в горле по причине невероятной дороговизны – 15 копеек порция! «Кушай, – настаивал Петя, сходу отменяя мои возражения, – оно самое сытное». И я давилась, потому что дружба дороже.

Любовь кишиневцев к Комсомольскому озеру и парку ЦПКиО во многом объясняется этой зависшей в памяти ностальгической картинкой всеобщего летнего праздника (вдобавок едва ли не каждая семья имела хоть какое-то отношение к строительству озера). Кто-то предпочитал, конечно, жариться на пляже и уж совсем немногие могли себе позволить распивать и закусывать в плавучем ресторане. Но в основном приходили сюда именно гулять. Спускаться по каскадной лестнице и слушать концерт в Зеленом театре. Ходить по павильонам ВДНХ и наблюдать за сражениями шахматистов. Любоваться легко скользящими по воде байдарками и вздрагивать от искаженного рупором голоса с вышки спасательной станции: «Товарищи отдыхающие, не заплывайте за буйки!»

Иногда, очень редко, мы возвращались на такси. Такая поездка стоила рубль – огромные деньги, если учесть, что на рынке мама получала 36 рублей, а наша пенсия после папиной смерти составляла 33 рубля. Поэтому, когда машина с шашечками на дверце доползала до тихой окраинной улицы, мы важничали и делали вид, будто с ног валимся от усталости.

Еще мы ездили на Скулянку, где стоял богатый дом отца Димитрия. Никаких нарядов, наоборот, для такого визита нужно было одеться скромно и опрятно. Хозяина мы видели редко и почему-то его побаивались. Чаще нас принимала попадья, но вскоре оставляла со своими разновозрастными детьми, которых с каждым годом прибавлялось. У них были такие же малоподвижные лица, как у матери. Смотрели они на нас свысока, а предложение поиграть неизменно отвергали: грех. По дому сновали какие-то тетки в темных платьях. Время тянулось бесконечно. Перед уходом нам выносили узлы с ненужными вещами. Мама кланялась сама и заставляла кланяться нас. Пока мы шли к автобусной остановке, хотелось, по контрасту, прыгать и вопить в полный голос. Мама, погруженная в свои мысли, не обращала на нас внимания.

Задолго до войны отец Димитрий, готовясь принять сан, собирался жениться на нашей маме, но она влюбилась в его брата, военного музыканта, остряка и балагура, и вышла за него. (Чего-чего, а представить маму попадьей никак не могу.) Первый мамин муж вскоре заболел воспалением легких и оставил ее вдовой с маленьким сыном на руках. Странно, но ни наш старший брат Женя, ни мы никогда

не называли этого родственника дядей Митей. О чем отец Димитрий беседовал с мамой? Простил ли ей давно расторгнутую помолвку? Вспоминал ли рано умершего брата? Общался ли с племянником? Почему помогал нам, детям, которые, строго говоря, не приходились ему никем? И что чувствовала мама, унося подачки из того богатого дома, – смирение, сожаление, унижение, благодарность? На эти вопросы мне не ответит уже никто.

Совсем иначе проходили путешествия на Боюканы, к нашей крестной. Как и мама, она потеряла двух мужей и детей растила в одиночку, но не утратила природной живости и в шутку говорила: «Мы – дважды вдовы Советского Союза». Ее старший сын Вася Ботнар, как и наш Женя, рано женился и жил отдельно, с матерью оставались двое младших, Коля и Витя. Пока моя общительная сестра обсуждала с мальчишками актуальные темы – от покорения космоса до любимых школьных предметов, можно было вволю пастись среди кустов малины. И вообще там разрешалось все, грехом считалась лишь скука. Поэтому мы так любили ходить туда в гости.

Однажды, когда Света ушла в дом помогать крестной с обедом, мне, надолго застрявшей в малиннике, невольно пришлось подслушать, как Витя сказал Коле: «Эта умная, а та хорошенькая». Я растерялась. С одной стороны, нас вроде бы похвалили. Но с другой... Получается, Света уродина, а я – дура?

За обедом – прямо во дворе, под тенистым орехом – я хмурилась, чтобы выглядеть не совсем привлекательно и в то же время не слишком глупо. Но заметила это только нана Маруся. Она подмигнула мне, тоже скорчила гримасу и залилась смехом.

Боюканы тогда еще не так разрослись, как сегодня, но улица Няги была для нас другим концом города. Мы ходили туда пешком через Комсомольское озеро, а обратно добирались на троллейбусе. По дороге домой я всячески пыталась развивать в себе ум, но потом, разомлев, задремала. Свете о подслушанном разговоре я ничего не сказала. Зато дома решительно открыла первый том «Войны и мира» и долго вглядывалась в начальные страницы, ничегошеньки не понимая. Еще бы, ведь французский язык мы начнем учить только с пятого класса!

Несколько лет назад, проходя по улице моей крестной, я увидела на месте ее двора крепкие хоромы «новых молдаван». На затейливом крыльце красного кирпича сидела вполне деревенская тетка в цветастом халате и по мобильнику обстоятельно рассказывала соседке, какой сварила борщ. А та, со ступенек соседнего особняка, отвечала, что у нее сегодня – зама с домашней лапшой. Хотя обeim проще было бы подойти к забору.

Ну так вот о путешествиях... Впервые попав в Одессу, я прямо у вокзала села в первый попавшийся трамвай. Он шел куда-то за город, и было полно времени, чтобы наслаждаться поездкой и образчиками смачного местного юмора, которыми словоохотливая кондукторша обменивалась с пассажирами. Глазами я жадно вбирала пространство. У горизонта небо и море смыкались, и казалось, что под гортанные крики неряшливых чаек вдали вот-вот покажется корабль с алыми парусами.

Мир был наполнен романтикой. Я бегала на Вистерничены, чтобы помахать пронсящимся мимо поездам и принести домой кусочки гранита с насыпи. А

трамвай был чем-то вроде младшего брата недоступного вагона дальнего следования.

Гумилева еще не напечатали, фильм «Раба любви» не сняли, и мы не знали, каким драматичным может стать образ заблудившегося, неуправляемого трамвая. Ну и, конечно, в те годы мы не читали Булгакова, для нас Аннушка еще не пролила масло, а Берлиоз не успел на нем поскользнуться. Так что вся эта чертовщина лежит совсем в другом ящике сознания, нигде не пересекаясь с рельсами улицы Павловской, заросшими пыльным бурьяном моего детства.

ДОН КИХОТ ЧАДЫР-ЛУНГСКОГО РАЙОНА

Если Комрат считать Москвой, то Чадыр-Лунга – это Петербург. Многолетняя борьба за звание культурной столицы определила особый характер, свойственный лишь обитателям наших мест. Список знатных уроженцев Чадыр-Лунги открывает знаменитый просветитель Михаил Чакир, переложивший Библию на родной язык, а замыкает (пока) – его тезка, нынешний башкан Гагаузской автономии.

Вам смешно? Вы хотите сказать, что в центре Питера не увидишь никогда не просыхающую лужу? Да, у нас многое отличается. Все-таки климат другой. В огородах растет чеснок, вокруг дома бродят куры, в загонах толкуются овцы, а по улицам трусят смиренные работающие ослики, застенчиво поглядывая из-под бархатных ресниц. И, что немаловажно, время от времени наш город, как настоящий шатер, дает приют разным чудачкам, потерпевшим неудачу за его пределами.

Никто не помнит, когда здесь появился Эдик. Но очень скоро он стал неотъемлемой частью нашего района. Был даже случай, когда он приехал в маленькое село и услышал:

– Как, вы сын того самого Эдельвейса?!

Никто не ожидал, что человек-легенда окажется настолько молодым.

Вообще-то зовут его Тимур Иванович, Эдельвейс – фамилия. Такое непривычное сочетание породило множество версий о родословной Эдика. Кто он? Татарин, русак, еврей, немец, сын советского разведчика, брат диссидента?

Тем временем наш друг скромно работал инженером на ковровом комбинате. Потом заведующая почтой (теперь она на пенсии) проболталась, что Эдельвейс активно переписывается с тремя членами-корреспондентами и даже одним лауреатом Нобелевской премии. Слухи дошли до Кишинева, и оттуда прикатил специальный автобус, битком набитый телевизионщиками.

Один то ли оператор, то ли режиссер круглые сутки не выключал камеру, снимал все подряд – домотканые ковры, традиционную одежду, старую хозяйственную рухлядь – и все восхищался:

– Ах, ах, это же молдавская Сицилия!

Некоторые наши обиделись. Что, разве в Чадыр-Лунге орудует мафия? Или практикуются кровавые разборки между почтенными семействами?

Сюжет про Эдика показали не только по республиканскому, но и по всесоюзному телевидению. Тут мы и узнали, что Тимур Иванович – автор нескольких крупных изобретений, обладатель доброй сотни патентов и один из немногих, кто стремится использовать энергию ветра на благо народному хозяйству.

Теперь стало понятно, почему Эдельвейс вдоль и поперек изъездил район и

с особым вниманием осматривал старые мельницы. Может быть, в Буджакской степи не хватает питьевой воды, зато с ветром нет никаких перебоев. Дует себе и дует, и никакой пользы от этого явления, не считая маломощных прадедовских ветряков.

Сколько же киловатт-часов растрчивается впустую! Эта мысль поразила не только меня, но и других просвещенных горожан. Под тем или иным предлогом мы приходили к удивленному Тимуру Ивановичу и расспрашивали его о перспективах развития южного региона в свете новых научных достижений.

Так постепенно сложился наш кружок, отчасти дружеский, отчасти ученический.

Эдельвейс жил как последний жеби делик (голодранец по-нашему), ни кур, ни тем более овец не держал. Все его достояние – толстые книги с мудреными названиями да горы бумаги, исписанной непонятными формулами. В заботах о друге решили мы его женить. Хотели отдать за него хорошую, хозяйственную женщину. С высшим образованием, чтобы умный разговор могла поддержать. С опытом жизни в большом городе, чтобы умела приодеться-принакраситься. И даже наметили пять-шесть конкретных кандидатур. Например, Маруся Карамия, Аннушка Куруч или Валя Маринова. С любой не стыдно показаться на международном симпозиуме.

Но Тимур обошелся без нашей помощи. Его избранница, Вероника, жила в Кишиневе и работала не то в Академии наук, не то в детской библиотеке. Так, ничего особенного: тощая, востроносенькая, в очках. Огород, понятно, не вскопает, потолок не побелит, молока не надоит, гёзлеме или туршу не приготовит. Первое время они ездили друг к дружке, а потом расписались.

По всем приметам, ничего хорошего из этого брака выйти не могло. До нашего загса добираться пришлось на катафалке: жених заранее не позаботился о машине, а других попутных средств не было. Только Калина Федоровна зачитала напутствие молодым, во всем городе вырубился свет (тогда, как вы помните, практиковали веерные отключения электроэнергии), и дальнейшая церемония проходила при свечах и фонариках.

Правда, свет снова дали, и наш мальчишник (из женщин на нем присутствовала только новобрачная) прошел на ура. Каждый принес что-нибудь из еды, выпивки было вдоволь, а центр пиршественного стола занимал противень с молочным поросенком, целиком запеченным в ресторане по соседству. Разделявать поросенка доверили мастеру своего дела, патологоанатому Капустину по кличке Кровопусков. (Кстати, Эдик – тоже прозвище, сокращение от Эдельвейса.) В общем, в грязь лицом мы не ударили.

Через девять месяцев Вероника родила двойню, а еще через год, не справившись с трудностями, взяла сына и дочь, да и уехала в Кишинев. Тимур Иванович заметно погрузился, но за семьей, вопреки нашим опасениям, не последовал. С головой погрузился в свои исследования и вычисления.

А вскоре все рухнуло, многие предприятия обанкротились, и ковровый комбинат закрылся тоже. Эдик остался без работы, но не растерялся, открыл частную мастерскую и брал в починку все, вплоть до перегоревших утюгов. Заработок, конечно, небольшой, впрочем, на жизнь хватало, да и на помощь семье тоже.

Беда пришла совсем с другой стороны. Даже великие люди подвержены ма-

леньким слабостям. От легкого домашнего вина еще никто, слава богу, не спился, но Тимур перешел на более крепкие напитки, то есть на дешевую водку, нередко паленую, и замазку. Замазкой у нас называют концентрат сиропа, который нетрудно раздобыть у начальника цеха безалкогольных напитков. Дрянь редкостная, однако содержит высокий градус, не говоря уж о канцерогенах. Короче, у нашего друга резко ухудшилось здоровье, и жена увезла его в Кишинев. Потом приехала ненадолго, продала дом вместе с обстановкой и снова исчезла.

Мы пытались выяснить, что случилось. Но в столичной квартире Вероники уже поселились другие люди, а запросы в разные инстанции результата не дали. Словно никогда и не было на свете человека с редкой фамилией Эдельвейс. А ведь даже если он уехал или – тьфу-тьфу, да защитит его Сагук-мать! – умер, должны были остаться хоть какие-то следы.

Новые хозяева дома хотели передать книги и бумаги Тимура Ивановича в городскую библиотеку, но там не было места, да и транспорта, чтобы вывезти, тоже. Спасибо, подсуетился Миша Гросу, начальник пожарной части. Он и трактор с прицепом организовал, и сотрудников отрядил для погрузки, а главное – освободил бывший красный уголок и разместил там наследие Эдика.

Теперь наш осиротевший кружок собирается в пожарной части. Мы пьем и вспоминаем нашего друга и учителя. Жаль, что никто из нас ничего не понимает в записях и не может воплотить в жизнь его грандиозные замыслы.

А наш маленький Петербург на речке Лунга живет своей жизнью. По утрам старший брат Митя в костюме «Адидас» и аналогичных кроссовках выгоняет овец, а пока они щиплют травку, отключает мобильник и читает Шопенгауэра. Дети бегают к источнику возле монастыря и наполняют пластиковые бутылки и канистры почти святой водой. Женщины хлопочут по хозяйству и судачат через забор. Парни ездят на заработки в Россию. Девушки после университета устраиваются гувернантками в Турции, где язык так похож на гагаузский. Лужа в центре не высыхает даже летом, и в ней с наслаждением плещутся утки и гуси.

Ветер иногда дует по несколько дней подряд, дует впустую, не принося никакой пользы, и тогда сердце сжимает тайная боль. Но некому ее поведать, и не с кем словом перемолвиться о достижениях науки и тайнах мироздания, обо всем, что волнует пытливый человеческий дух.

ПЕРЕВОРОТ

У меня в ушах нет музыки. Я слепой Гомер, глухой Бетховен, безрукий Микеланджело, немой Цицерон и Гоголь без чувства юмора. То есть я, конечно, отчетливо слышу звуки и даже могу определить, чью мелодию издает мобильный телефон прохожего. Но не более того.

Когда я был маленький, мама гладила меня по голове и восхищалась:

– Мбана, ты посмотри, какие у него маленькие ушки! Наш ребенок никогда не будет лопохим!

И как же она огорчилась, прочитав в журнале, что размер уха напрямую связан с музыкальными способностями.

Мбана – это мой папа, знаменитый композитор. Давным-давно он приехал из Африки учиться, влюбился в мою маму, подающую надежды пианистку, и остал-

ся здесь навсегда. Тогда наша республика, которую иначе как музыкальной не называли, входила в состав Империи. Теперь мы – Самостоятельное Государство (СГ), правда, не слишком большое. У нас есть три населенных пункта – Город, Райцентр и Село. Мама родилась в Селе, потом работала в Райцентре, а в Городе познакомилась с папой.

Когда папу представляют гостям СГ, президенты обычно шутят:
– Это наше черное золото!

И папа принужденно улыбается, словно слышит остроу вперые.

Президенты приходят и уходят, а шутка продолжает иметь успех. И папа тоже. Каждый новый Государственный Гимн (ГГ) неизменно заказывают ему. Из тонких политических соображений. Мбана не принадлежит ни к одной народности, населяющей СГ, не входит ни в одну партию. В тайной тоске по Империи и в пропаганде имперской музыки его не обвинишь.

На моей памяти он сочинил уже несколько ГГ. Сначала по заказу Коалиции Раскрепощенных Мелодий (КоРМ), потом – Народной Партии Альтернативного Стиля (НаПАСт). Когда к власти пришла Партия Разума и Музыки (ПРиМуз), его снова вызвали в Департамент Композиторов (ДК). А в прошлом году, после очередного переворота, делегация Альянса Либерализации Инструментов (АЛиБИ), явилась к нам домой. Разве можно было отказать?

Правда, все ГГ кажутся мне очень похожими. Слова, конечно, отличаются, ведь пишут их разные поэты. А музыка любого из четырех гимнов для меня почти ничем не отличается от стука дятла по дереву. Но с папой я своими наблюдениями не делюсь.

Я не чернокожий, просто смуглый и курчавый. Поэтому в школе меня не преследовали никакими оскорбительными прозвищами, а на «Пушкина» я не обижался, даже откликался с удовольствием. Теперь я тоже каждый день хожу в школу, потому что работаю там Учителем Пения (УП). Мой предмет считается самым приоритетным среди всех изучаемых дисциплин. Дети меня любят. И никому нет дела, что в ушах у меня нет музыки. Наоборот, директор школы со скромной гордостью объявляет гостям, родителям и членам всевозможных комиссий:

– У нас работает сын автора ГГ!

Единственная загвоздка в том, что мое полное имя, в том виде, как оно значится в документах, произнести не может никто: ни директор, ни коллеги, ни ученики. Поэтому все обращаются ко мне просто – Мбана Мбанович. Так называла меня и девочка из моего первого выпуска, на которой я потом женился. Сначала заметил, как на Хоровых Занятиях (ХоЗа) она только открывает рот и не издает ни звука. Уши у нее тоже необычно маленькие, аккуратно прилегающие к голове. Про себя я ей посочувствовал: вот еще один человек, подобный мне, которому не дано нормально жить в определенной музыкальной стихии. Позже она призналась, что может петь, но делает это только за пределами Города, в Лесу или в Поле, где никто не станет над ней насмеяться или в чем-либо обвинять. Когда у нас родился сын, жена тихонько мурлыкала ему вместо колыбельной что-то невнятно ласковое, а если эти звуки нравились младенцу, то ничего против не имел и я.

Недавно Мбана Третий сочинил и впервые исполнил свой первый концерт для барабанов, некогда привезенных из Африки. Жена восхищенно смеялась, я хлопал ладонями в такт, и только мой отец, автор четырех ГГ, пришел в ужас. Он

на полную катушку включил Противошумовую Завесу (ПроЗа), которой оборудовано жилье каждого профессионального музыканта, и зашикал:

– Тише, тише, вдруг кто-нибудь услышит и сообщит в ДеРиЗа!

Дело в том, что Департамент Разрешений и Запретов развесил по всему Городу специальные почтовые ящики. Сознательные жители бросают в них доносы на незоснательных жителей, производящих недозволенные звуки в недозволенных местах.

Жена испугалась, а моя мама попыталась ее успокоить:

– Мы скажем, что Мбана сочиняет новый экспериментальный ГГ.

Если бы папа мог побледнеть, то побледнел бы. Несколько мгновений он беззвучно открывал рот, как моя жена на ХоЗа. Потом прошептал:

– Тогда меня обвинят в заговоре с целью Государственного Переворота в Музыке!

Должен вам объяснить: самое страшное, что можно инкриминировать гражданину в Самостоятельном Государстве, – ГПМу. Каждая партия, приходя к власти, заявляет, что предыдущая совершала это чудовищное преступление. И если потерпевшие поражение не успевают вовремя покинуть пределы СГ, их ждут аресты и последующие громкие процессы. А реформы, проводимые новыми руководителями, именуется Оздоровлением Нормального Быта. Впрочем, все понимают, что как только верхушка сменится, ОзНоБ неизбежно превратится в ГПМу.

Наш малыш так и не понял, почему ему не позволили доиграть и уложили в постель раньше обычного. Он долго ворочался и, даже засыпая, продолжал отбивать на подушке слышный только ему одному ритм.

Всю следующую неделю Город готовился к главному празднику страны – Великому Всенародному Плясу (ВВП). В этот день празднично одетые колонны проходят мимо трибуны, с которой их приветствует глава государства, Президент, он же – Генеральный Ректор Академии Разрешенной Музыки (АРАМ), он же – Верховный Дирижер Департамента Благотворных Лирических Излияний (ДеБЛИЗ). Из всех репродукторов на центральной площади льется музыка, которую Комиссия Гражданской Ответственности (КоГОТ) признала соответствующей национальному духу. По специальной отмашке Президента люди начинают делать однообразные движения, символизирующие нерушимое единство нации.

Моему сыну уже исполнилось пять лет, и после определенной подготовки он получил разрешение участвовать в ВВП, разумеется, под присмотром родителей. До площади Мбану вели мы с женой, а там по сигналу ведущего малыши выступили вперед. Отпуская наши руки, сын вертел головой и оглядывался, расплываясь в улыбке.

Дети заняли позицию. Президент махнул флажком. Грянула торжественная музыка.

Мы, взрослые, даже не задумываемся над тем, как двигаются ноги. Сказывается многолетняя привычка. А детвора в ритуале участвует впервые. Поэтому, когда впереди раздалась изумленные и возмущенные возгласы, я подумал, будто кто-то из малышей сбился и сделал неправильное па. Потом в просвете между спинами увидел сына. Он отплясывал что-то невероятное и совсем не соответствующее моменту. Не хватало только африканских барабанов. Я смотрел на мое дитя в ужасе и восторге. Вокруг него образовалось пустое пространство. Позади кто-то хрипло вскрикнул, у женщины рядом закатились глаза и она сползла вниз. Запахло Массовой Истерией (МИстерией).

Уж не знаю, что со мной произошло. Наверно, мне захотелось защитить сына. А может быть, я обрадовался тому, что не остался одиноким в своей не-правильности. Я сделал шаг вперед и отдался свободному движению, как делали мои предки перед битвой или после удачной охоты. А потом почувствовал, что рядом встала моя жена. Мы посмотрели друг на друга и засмеялись так, как будто находились в Лесу или в Поле и вокруг никого не было. И тут она запела. У нее оказался чудесный голос – сильный, глубокий, заполнивший всю площадь. Эта песня не значилась в Реестре Разрешенных Произведений (РеРаП), но была прекрасна.

А потом случилось невероятное. Люди постепенно отходили от шока. Но никто не бросился бежать, давя друг друга, как можно было бы ожидать. Словно сами собой задвигались руки, плечи, бедра, колени... Наверно, из памяти еще не изгладились времена до Регламентации. И вот уже одни кружатся в танце, другие дробно бьют по асфальту каблуками, третьи пускаются впрыскадку. Наконец, все взялись за руки и образовали большой-пребольшой хоровод.

Президент с трибуны куда-то исчез. Репродукторы забулькали и умолкли. Агенты спецслужб, всех этих СГиБ, ШТОБ и СдОХ, перестали бормотать в рации и тоже ретировались. Полиция и армия, отбросив условности, присоединились к всеобщему празднику.

Так произошел последний государственный переворот. И наша жизнь во многом изменилась.

Мой отец больше не сочиняет гимны. Из тайника в чулане он извлек партитуры сонат и симфоний, которые на сцене играет настоящий оркестр, а за роялем сидит моя мама.

Моя жена учит детей петь. Для этого она водит их в Лес или Поле, чтобы они слушали шум ветра и голоса птиц.

Нашему сыну никто не запрещает колотить по барабанам. Он очень талантлив, мой мальчик, объявленный настоящим героем (чуть было по привычке не сказал – НГ). Его оттопыренные ушки радостно ловят сигналы окружающего мира. Сейчас он работает над вторым концертом для соседских дверных звонков.

Я по-прежнему преподаю в школе. И мне больше не мешают мои уши. В них вернулась музыка, настоящая, а не регламентированная. Я начал ее записывать, хотя пока никому не показываю. Вдруг это совсем не то, что мне кажется? Но даже во сне я слышу что-то неуловимо африканское, и отзвук далеких тамтамов будоражит мою кровь.

СПАСАТЕЛЬ

Строго между нами. Не потому, что мы хряпнули на двоих. Просто не могу больше держать в себе. Зачем все опошлять, скажи? Я могу и обидеться, и плюнуть, и замолчать... Ладно, проехали.

Однажды на корпоративе, разругавшись с шефом, я выпил лишнего. Лишнего оказалось так много, что всю ночь пришлось бегать в ванную, а стоило лечь навзничь, как все вокруг начинало вертеться, стремительно наращивая обороты. Перед тем, как заснуть, мне было видение, которое никакими словами не опишешь. Мой бедный дух, оторвавшись от отравленного алкоголем тела, воспарил к звездам и обозрел вселенную. Она светилась во тьме, подобно гигантскому луна-

парку. Самое поразительное, что в мгновение ока я понял законы ее существования, после чего мирно захрапел без всяких позывов.

Потом я много раз пытался восстановить ту картину. Но ничего не получалось, сколько ни пей и ни лайся с начальством. В памяти сохранилось лишь ощущение невероятного восторга перед гармонией мира, открывшего мне все свои тайны.

Зачем это было сделано? Случайно? По ошибке? Вот ты бы стал объяснять пещерному человеку, почему во мраке загорается лампочка?

Сейчас день. Высоко надо мной светится глаз с золотой радужкой солнца. Какому наблюдателю он принадлежит? Мы для него – всего лишь резвые запятые в питательном растворе. Объекты эксперимента. Если капнуть из одной пипетки, прыгаем от радости. Из другой – корчимся в муках. Наблюдатель записывает результаты в журнал, и на этом его миссия закончена. И плевать он хотел на искания наши и метания.

В лаборатории я смотрю в микроскоп и не задумываюсь, разумны инфузории или нет. А на предметном стекле тем временем, возможно, создаются и разрушаются империи, цивилизация поглощает культуру, и какой-нибудь неисправимый нано-интеллектуал настойчиво ищет смысл жизни. В свою очередь, он склоняется над окуляром... И так далее.

Для кого-то Гулливер человек-гора, а для кого-то – еле заметный мальчик-с-пальчик.

Не понимаешь, нет? Вселенная бесконечна в глубину, а не в ширину.

Один мой коллега, не совсем академик, но что-то вроде того, мы с ним иногда пересекаемся в курилке, изучает проблемы мышления. Я спрашивал у него, может ли человеческий мозг осознать, как функционирует он сам. Тот тип засмеялся, немножко нервно, и сказал: пока что удалось нащупать лишь две-три штакетины забора, за который нас не пускают.

Как же я, невежда и безбилетник, попал в свой луна-парк? Не иначе, меня допустили туда с какой-то целью. Может, я величайший гений всех времен и народов. В потенциале, имеется в виду. Хорош ухмыляться, это всего лишь версия.

Нет, я не пытаюсь прыгнуть выше головы. Но на всякий случай держу себя наготове. Как для чего? Для того самого. Каждый вечер перед сном, а иногда и днем, если выдается свободная минута, я предотвращаю катастрофы. Ты хоть представляешь, какая требуется концентрация, чтобы удержать на весу падающий самолет?

Сижу как-то перед телевизором, не даю расплыться нефтяному пятну у берегов Антарктиды. Вдруг стук в дверь. Я сразу разозлился, потому что потерял контроль над ситуацией. И потом, ты знаешь, кто околачивается по подъездам. В лучшем случае это активисты нашего дома, собирающие деньги для очередного чего-то. Или во двор привезли картошку недорого. А может, парочке (иначе они не ходят) свидетелей Иеговы приспичило вместе с тобой почитать библию. Но, скорей всего, это обитатели ближайшего пригорода, владельцы добротных особнячков, пришли в мою сиротскую однушку просить на бедность. Для них это вроде подработки на карманные расходы.

Короче, стучат. Самым зверским басом спрашиваю: кто там?!

За дверью детские голоса вразнойбой:

– Продается котенок... Бесплатно...

Выхожу (а танкер все тонет). На лестничной площадке стоит группа товари-

щей от двух до пяти и протягивает что-то взъерошенное и орущее, и это что-то прыгает мне прямо на грудь. И вот, пока кошачье отродье висело на моей майке, так что я кожей чувствовал испуганный стук маленького сердца, а оно слышало гулкие колокольный удары моего... В эту минуту все и произошло.

Какая-то часть моего сознания все еще удерживала пятно, а другая тем временем лихорадочно соображала. В кладовке есть ящик, его можно застелить тряпками. Сколько стоит специальный корм для котят и где в такой час раздобыть молоко? А мяуканье, которое будет отвлекать меня от главного... А блохи, а глисты... А вонь от мелкой писюхи по всем углам...

Дети смотрели на меня снизу вверх серьезно, с надеждой, и я не мог их обмануть.

Котенок согрелся, перестал трястись и царапаться, и я одним пальцем погладил его по шерстке. Он широко раскрыл розовую пасть с острыми клычками и зевнул. И я преисполнился любовью и жалостью. И сошло на меня озарение. Все мы повязаны в мире. И замурзанные дети, и попрошайки, и академики, и бурый медведь в тайге, и пингвин, брезгливо стряхивающий с лапы маслянистую жижу.

Тут прибежала очкастая Вера из соседнего подъезда, отцепила когтистую радость от моей майки и поклялась отодрать ремнем своего лоботряса, который до смерти напугал малышню угрозами утопить котенка.

Но метаморфоза уже случилась.

Теперь я без отвращения отмываю пробирки, колбы и чашки Петри. А когда снимаю белый халат и остаюсь в растянутых трениках, резко взмываю вверх и лечу над городом, зорко подмечая, где нужна моя помощь. Нет, старушек через дорогу не перевозжу. Это делают те, кого я касаюсь своим волшебным лучом. Я врачую недужных и утешаю безнадежно больных. Разгоняю тоску и облегчаю печали. Изгоняю кошмары и навеваю легкие, светлые сны. Я даю людям то, чего во мне теперь с избытком.

Дома по-прежнему вываливаются розетки, подтекает кран, штукатурка кусками осыпается с закопченного потолка кухни. Ремонт подождет, хрен с ним. Есть более важные дела. Может быть, мы всего лишь разумная плесень для равнодушного наблюдателя. Но кто-то должен поддерживать гармонию мира. Дети смотрят на меня, я не могу их обмануть.

...Извини, друг, придется срочно отбыть. У старого дуба в парке разболелось дупло. Так, отселить семейство белок, наложить пломбу, установить охранную табличку... А ты, когда проспишься, забудешь все, что я тут понарасказал. Зайдешь в супермаркет и купишь продуктов. Деньги во внутреннем кармане куртки. И больше никогда – никогда! – в рот не возьмешь эту гадость. Ни капли, ни-ни. Привет семье.

КРИТИКА

Зёрна и плевелы

Первые стихи Катя Капович опубликовала в газетах «Молодежь Молдавии», «Вечерний Кишинев», но до эмиграции, в Молдавии, не смогла издать ни одного сборника, ни напечатать подборку стихов в местных литжурналах. Сегодня Катя Капович – двуязычный поэт, автор пяти поэтических книг на русском языке и двух на английском. Первая книга «День Ангела и Ночь» вышла в Израиле в 91-ом году. После переезда в Америку в 1992-ом выпустила роман в стихах «Суфлер» и сборники «Прощание с шестикрылыми», «Перекур», «Веселый дисциплинарный» и «Свободные мили». Публиковалась в журналах «Знамя», «Новый мир», «Звезда», «Арион», «Новый Журнал», «Постскриптум», «Нева», «Время и мы», «22» и др.

В 2001-2002 году Кате Капович была присуждена Национальная литературная премия Библиотеки Конгресса США за книгу английских стихов «Gogol in Rome», которая вышла в 2004 году в издательстве Salt (Англия) и в 2005 была включена в шорт-лист британского конкурса «Джервуд Альдербург». Книга «Cossacks and Bandits» вышла в Англии в 2007 году. Последние книги на русском – «Милый Дарвин» (М.: Икар, 2008), «Вдвоём веселее», рассказы (М.: Астрель, 2012). К. Капович живет в Кембридже (США), работает редактором англоязычного поэтического ежегодника «Fulcrum».

Недавно «Русская премия» объявила лауреатов, и одним из них – в номинации «Малая проза» – стала Катя Капович за сборник рассказов «Вдвоём веселее».

ЕЛЕНА ШАТОХИНА

МУЖЕСТВО РЕЧИ

«Если в поэзии и есть какой-то дидактический смысл, то он заключается именно в этом: в умении говорить о тяжелом и омерзительном так, чтобы оно просияло своей оборотной страшной красотой. Как из грубого, разбитого асфальта под определенным наклоном головы бьет чистый изумрудный луч, так из мерзости жизни вдруг пробивается благодать», – сказала Катя Капович. Можно было бы поставить эпиграфом к ряду ее стихотворений – там, где про благодать, пробивающуюся из мерзости жизни (эффект такого слияния напоминает шедевр Сэлинджера «Дорогой Эсме, с любовью и мерзопакостью»), но начнем с начала. Хотя и не хочется расставаться со словом «благодать», а еще больше – с разительными словами про оборотную – «страшную красоту», полученными из уст отнюдь не сентиментального поэта.

Одни критики считают Катю Капович чуть ли не образцовым аскетом формальных средств, сосредоточенном на минус-приеме, другие упирают на близость к группе «силлаботонистов» «Московское время», кто-то говорит о наличии нарративного (повествовательного) начала ее стихов. И вот-вот услышишь, что поэт находится в поисках утраченного человека, и с примесью неизбежного скепсиса тоскует по ускользающей, тонущей личности в мире ожесточающихся

структур, узнаешь о сочетании эмоциональности, чувственности с рефлексивностью интеллектуальной. Все это правда... отчасти. Но ничего не изменится от наклеек, адресуют ли в поэтические родственники Кате Капович в качестве «дядюшки» – Ходасевича, или в роли «старшего брата» – Гандлевского, или назовут и третье, пятое имя на фамильном древе пиита, с её поэзией ничего не произойдет. Вообще-то любое сравнение – отчасти пощечина поэту. Пусть учителя и предшественники в литературе – это закон развития и развязки, но отчего-то любое сравнение с другим поэтом неизбежно ставит под сомнение первородство, уникальность таланта. Уничтожает странную химию стиха, покушается на Тайну. Ведь в таких случаях полагается долго объяснять, что имел в виду, уточнять, и в этих объяснениях окончательно измусолить первичное начало – саму поэзию. В общем, снабжение поэта табличкой – занимательная, внутренняя, цеховая игра в классификацию (а часто и вытекающую отсюда «квалификацию»), скорее увлекает критиков и самих поэтов, чем читающую публику. Читатель (как покупатель) обескураживающе прост: его не интересует изготовитель, страна происхождения, аналоги, он жаждет одного – подлинности вкуса литературного «продукта», чтобы с наслаждением и до отвала «уесться» им, упиться в тиши уединения. В подлинности поэзии Капович нет сомнений, стихи первородны, как истинно пережитой опыт, а не рефлекторная забава, и этим еще более ценны на фоне мелкотравчатого, малоинтересного, нарциссического, будем откровенны, душевного опыта и более известных, раскрученных мастеров стиха. Вот эта искренность, глубина, драматизм, точность в соединении с «чувственным чувством» языка и присущими ее поэтике приемами, – вроде бы и как будто банальное и неременное условие любой хорошей поэзии, а с другой стороны – разве оно частотно? Да будто бы?

При чтении «по диагонали», быстром пролистывании, может показаться, что стихи Кати Капович – при внешней статике (констатации факта), спокойствии героя(ини) – вечного наблюдателя и созерцателя – чужды эффектным экспериментам, а рисуемая действительность – не слишком «поэтическая». Более того: она как будто удручающе повседневна. В поэзию вошли и запленили пространство дома и соседи, прохожие и улица, смута вещей, случайности, нелепые, пьяненькие, убогие персонажи, пластиковые стаканчики и опавшие листья, лужи и ветер, звук пластинки и колокола, сигарета, асфальт, скамейки и парки. В общем, мусор будней, на фоне которых, однако, неизменно происходит личная или чужая драма. И боль совсем не «замусоривается» и не тонет. Напротив. Возникает глубокий и эффектный контраст между якобы меланхолично нарисованной картиной будней – будто медленно стряхивает пепел сигареты – и случайно приковавшей внимание поэта уличной сценкой, маленького происшествия, скорее похожего на локальный апокалипсис. И это совмещение, странный (намеренный) синтез рождает ответный взрыв чувств, полных сострадания, и неизменные мысли о конечности, смертности всего живого.

Кто-то из литературоведов подчеркивал, что сегодня-де происходит смена иерархии высоких и низких жанров, когда низкие жанры приходят на помощь высоким – и те получают «прививку от дичка». Типа если какой-то культурный сорт вырождается, то приходится делать прививку от диких растений, чтобы возродить сорт. Со стороны «дикости», т. е. непричесанности – не формы, а содержания – в поэзии Кати Капович все «в полном ажуре». Неспроста кто-то из столичных критиков проговорился: мол, ее поэзия вечно предана провинциальным

приметам и чертам – даже в житии поэта по ту сторону океана. Дичок – дичком. И экзальтация странная... не на том она месте. Ибо, что же, по мнению столицы, бледнее, угловатее, не эффектнее, чем темы и экзальтация провинциала? Чем бросающиеся в глаза никчемные детали? Ну, разве «сузившие» наше зрение до провинциального предела пастернаковские дачные и другие умаляющие высокий штиль жизнь подробности. Песнь песней деталей. Вечные трюмо, чашка какао, и дождь с утра ударил... «Всей тучей водяной бурдюк дождя». Как вы поняли – это отнюдь не согласие, а как раз – возражение. Возможно – категорическое. Детали – деталям рознь, и это ли не знать литераторам. Возникает подозрение, – а не ревность ли, боже упаси, это с их стороны? Или они чего-то не видят, исходя из личных пристрастий?

Допускаю, для кого-то карты путает современность, проникающая в стихи Капович точными штрихами. Поэт отбирает и размещает бытовые подробности настолько плотно-прицельно, что и в небольшом стихотворении можешь быстро считать чью-то «прозаическую» историю. Вообще говоря, почему-то всегда видишь чью-то жизнь, судьбу и биографию за ее стихами. Такая изнанка её поэзии. «И держится без клею живая повесть на обрывках дней». Что заставляет видеть ясную картину – как на киноэкране, а с нею и обозначенную нашу современность, от которой мы, на подсознательном уровне, ничего поэтически-глубокого, озаряющего, «катарсического» не ждем. Она давно себя скомпрометировала. И по определению – досадно прагматична, досказана и перетолкована – от и до. Но тогда вопрос: какими поэтическими способами должен изъясняться поэт, который намерен перевести... метафизические истины в плоскость современных реалий (или наоборот – что едино)? В том-то и дело, что Катя Капович остается высокой пробы поэтом «благодати, пробивающейся из мерзости жизни» и на фоне истории наших будней. И немного времени надобится читателю, чтобы открыть, как эта мнимая «будничность» поэзии до предела эмоционально точна, лирична, событийно насыщена драмой. По ней проходит ток сострадания. И дело даже не в том, что в трех метрах от ее героя вечно что-то случается – падают вниз, стреляются, страдают от одиночества, стареют, сидят в дурдоме или в инвалидном кресле. Пробуют выжить. Хоронят. Теряют терпение. Но что за поэзия, если в ней нет боли, нет одухотворения пространства? А в ее стихах – и фон событий – трепещущий участник. Детали насмешливы и трагичны одновременно. Вот это последнее соединение – с добавкой иронии – особенно подкупающе. Мы уже не смеем быть сентиментальными, но мы не хотим быть мертвыми.

Остается улыбаться или ухмыляться сквозь искренние слезы. Как рассказ об однокласснике, который пробовал застрелиться в туалете, а потом долго ходил в прострелянном пиджаке.

С неизменным орлом на берете,
тихий троечник Гриша Хартюк
застрелился в чужом туалете,
получивши повестку на юг.
Повалялся в больнице, не умер,
пуля-дура прошла стороной.
Так и ходит в пробитом костюме
одноклассничек с жизнью двойной.

Поскольку герои стихотворений поэта столь обреченно-драматичны, вспомнишь Ортегу-и-Гассета: «... жизнь сама по себе и всегда – кораблекрушение. Терпеть кораблекрушение не значит тонуть. Несчастный, чувствуя, с какой неумолимой силой затягивает его бездна, яростно машет руками, стремясь удержаться на плаву. Только в таком смысле культура отвечает своему назначению – и человек спасается из своей бездны».

Далее он говорит о недостатке современной культуры, что сегодня человек привык себя считать в безопасности, утратил чувство кораблекрушения, и его культура отяготилась паразитическим, лимфатическим грузом. В общем, необходимо, чтобы привычные средства спасения вышли из строя и человек понял: ухватиться не за что. Тогда руки снова придут в движение, спасая его.

Как раз герой творчества Кати Капович, а подчас – и alter ego поэта, потерял привычные средства спасения, ему не за что ухватиться, он пытается спастись из бездны, совершая отчаянные движения (в том числе, вербальные), избавляясь от лимфатического груза. И читатель, с некоторым изумлением, весьма скоро захвачен и буквально всасываем в эту яростно вертящуюся центрифугу отрицания и утверждения, концентрат чувствований и ложного безразличия, и готов, до конца готов, сочувственно разделять столь постоянное... непостоянное состояние автора и его лирического героя.

И если оставить словеса в покое, буквально на втором стихотворении любого автора вопрос упирается всегда в одно и то же: ты взволнован? Переводишь дыхание? Возвращаешься к строке? Тут ответ решительное «да», потому, что эта поэзия не делала с тобой ничего «лишнего», зато очень быстро сделала что-то «личное».

О Кате Капович говорят, что у нее такая «мужская» женская поэзия. (Мужественная, экономно-сжатая? Без причитаний? Этой разновидности кликушества, русского плача, что ли?) Особенно, мол, в сборнике «Перекур» – слышно «мужское». Деление ревнивое, да и глупое, в конце концов. Когда прорывается настоящий голос поэта, он всегда мужественен. В том смысле, что поэт не боится тем, смотрит с широко открытыми глазами и все такое. И в этом смысле, в стихах Кати Капович – тут уж ничего не попишешь – нет не только растекания словес, нет ни одной «бабьей» запятой, стонаний и ахов, и чего-то такого специфического, что всегда отличишь и без упомянутого «ж.р.». Да, собственно, и любовной лирики в классическом понимании, на чем часто зиждется т. н. «женская поэзия», в творчестве Кати Капович тоже нет.

Тут почему бы не написать, что поэзия Капович продолжает традицию молодеческого размаха и удалства цветаевской поэзии? И снова – нет, и нет. Удалство есть, и молодечество имеется, и мужество речи, – но другой взгляд на мир, свой век, своя судьба, почерк, приемы и поэтика. Все – другое, и, конечно, не «ж.р.». Нет мечущихся тире, многозначительно угасающих многоточий – предвестников смутного и сугубо личного, сваренного, не дай бог, со слезами над кастрюлей домашнего компота, где тесно от осклизлых метафор слив, восклицательных знаков черенков груш, отточий вишневых косточек, чем так любят грешить поэтессы. Не приемлет женское сознание такого понятия, как ноль и бесконечность, к которым стремится мужчина. Это по какой-то причине противоестественно женскому началу, как важно заметил один литератор. И в чем-то оказался прав. Мало поэтесс вырывалось из этого вечного – так и подмывает сказать – порочного круга. Да чем

же порочного? Бьется зяблик в терновнике. Но любит, подлец эдакий, терновник. Эта сладкая неволя страсти известна со времен великой Сапфо (но там желание облагорожено эпическими страстями, небывальными градусами, что, пережигая плоть, вызволяют дух: «Богу равным кажется мне...»). А в «обыкновенной» женской поэзии «трепещущее лоно» выдает прерывистое дыхание поэтесс. Сознание откровенно вьется вокруг одного начала: мужчина «до» и еще раз мужчина – «после». Даже отвлекающий камуфляж в такой поэзии – природа с ее закатами, дождями и пр. – мало помогает. Поэтому не о такой поэзии речь. Поэт, достигая истинности, автоматически, что называется, предстает для всех единым, универсальным «Я».

А к чему все это? До сих пор не умерла раздражающая и снижающая тему оглядка – женская ли, мужская поэзия. Приходится раскрывать скобки. Быть может, главная и «первичная», независимая от родов мужских и женских войск ценность поэтического начала Кати Капович именно в том, что ее поэзия стремится к некоей идеальной точке, пресловутому «нулю» вечности, обладая оценками, лежащими вне пределов половой сферы, быта, места обитания, социальных условностей, «женской судьбы» и прочих ограничений.

И если есть приметы «провинции» – американской ли, российской, южной, они – лишь фон событий, но не тело стихотворения, не его кровоток.

Вторая очевидная ценность – в её стихах нет литературного пафоса, иначе говоря – декларации. Мы сталкиваемся с очень современным явлением – размытым и двойственным «Я» поэта; оно все время уклоняется, ускользает от определения, прикрываясь разными щитами, в том числе и иронией. Отчего временами возникает обманчивое ощущение медитативной и чуть ли не философско-социальной лирики стороннего наблюдателя. Но поскольку взгляд поэта неизменно обращен к человеческой драме, оказывается, этот наблюдатель – только с виду сторонний и медитативный прохожий.

Третья непривычная особенность – проявленные в стихах поэтессы «власть и сила» дискурса: волевое, повелительное, гордое в своей самости начало, выраженное конструкцией предложений, интонацией, позицией героя стихотворения. А иногда просто прямым «приказом» самого автора: «расскажешь ему там». Интересно, что только поэты, осознавшие историчность своего существования, или судьбы своего поколения, или ощутившие разлом времен, преломивший их личную судьбу, масштаб современных катаклизмов, драматичную событийность будней, решаются на такой тон. В этом случае голос и оценки становятся надличностными, принадлежат не просто свидетелю, а тому, кто стоит над схваткой – художнику-демиургу, создателю творения. Воля этого художника-творца – будем считать её «мужским» началом – утверждается в ткани стиха Капович не столько темой, сколько выбранной точкой обзора: автор стремится смотреть на происходящее с определенной высоты, не вынося суда, а как бы паря над людьми, долами, домами и... над своей жизнью. Но не отказывает себе в удовольствии *лично* подвести итог, отписав скептическое «резюме» этим наблюдениям. Этот «итог», по понятным причинам, всегда эмоционально ярко окрашен. В том числе – соответствующей лексикой. На смену взятому «безразлично-объективному тону» стиха спешат прийти всего одна-две такие резюмирующие строки в строфе, не больше. Зато концентрат чисто каповичевского смешения горечи, тоски, резкости и боли (но и утверждения «власти и силы») будет необыкновенен:

...и какой бы в глаза не пускали мистический дым,
и какие б ракеты в ночи не летали на солнце,
и какой бы нам яд не вливали в преддверье ушей,
все равно остается, все равно ведь у нас остается
этой речи живая вода, ее шесть падежей,
ее тройка времен, уносящая с этого света
в мир иной, отороченный по небу черной межой.
Он тогда отходил, потому что риторика – это
власть и сила. Но где-то и я не кривила душой.

Как осевшая на стенках сосуда горькая соль, выпаренная сильным пламенем, эти идущие плотной чередой переживания и чувствования alter ego поэта. Одинокий, и замкнутый, размышляющий её человек все время стоит на сквозняке, «по-мужски» поднимая воротник пальто (любимая одежда человека в стихах Кати Капович, как символ свободного блуждания, альтернативности быта, вечно-го странничества и антипод всего официального). Или кутаясь в косматый шарф, прислонясь к дверному косяку, застыв на улице, на бровке, в парке, замороженно, и одновременно отчужденно-автономно наблюдая фрагмент чужой проходящей жизни. Но никогда – как равнодушный репортер, стремящийся к ложной объективности.

Так смотрит человек сам познавший разные градусы отчаяния.

Мысль об одиночестве поэта-творца и его от-единенности и у-единенности на этом празднике жизни – самое малое, что приходит при этом в голову. Но в том-то и дело что для каждого одиночества, отстранения или о-странения – разные причины, свои слова, своя интонация.

Не оставляет ощущение, что автор как Атлантиду, все время провожает этот мир, который полон неразрешимостью существования, вопросами, на которые или нет ответа, или ответ крайне неутешителен. Он предпочитает предаться сочувствию страждущим и нагим. Выражение этого сочувствия также вполне современно, т. е. пронизано нитями самозащитной иронии, но все равно это – чистой воды сострадание и обмануть в этом никого не может.

Собрали нищих как дрова
И долго брили им затылки,
Тарелки выдали сперва,
Потом пластмассовые вилки.

Им елку в церкви снарядил
Монтер и лампочки повесил,
А тут и снег пошел под вечер
И не жалел своих белил.

Я шла куда-то через мост,
торчали фонарей булавки,
И ангел в человеческий рост
В трамвай садился у заправки.

Оформляющая сцену человеческой жизни окружающая явь и предметы – скамейки, мосты, фонари, люки, лестницы, парки, дороги, заправки и даже явления природы в стихах Капович полны скорбного бес-чувствия. Они демонстративно полу-абстрактны, сухи, тверды, и не находятся ни с автором, ни с теми, кому он сочувствует, в кровной и теплой человеческой связи. Зато меж собой находятся в странной единородности. И тем уже противостоят сочувствию живой жизни. Будто автор – до(преж) написания текста – уже прошел с этой твердой реальностью трудную дорогу: через разочарование и усталость знания – к новому взгляду на «меру всех вещей». Это общие соображения. Но если дьявол прячется в деталях, то и частности, особенности авторского письма, художественные приемы, а не общие соображения и концепции, ведут с нами разговор.

Как уже говорилось критиками, применение Капович сдержанных формальных средств, в том числе минус-приёма – оставленного без рифмы («холостого») стиха в рифмованном стихотворении – для неё типично. Но, кажется, не стоит превращать владение автором каким-то приемом в персональную фишку, структурную изюминку, хотя бы потому, что вопрос поэтики Кати Капович намного шире. Переняла она эту «моду» минус-приема у англоязычных поэтов, или же он сам родился, совершенно неважно: для ее поэзии, мироощущения, прием оказался органичен с довольно неожиданной стороны. Он точно работает и тем замечен, что может оборвать ровную «ходьбу» строфы, как спотыкливый неудобный камень на дороге, и своим обрывом, своей упертой точкой недосказанности усилить ощущение неустойчивости, сквознячности этого мира или обратить особое внимание на это место в строке.

Внедрение «грубой материи» в воздушную ткань стиха не единственное «материалистическое» вмешательство в поэзии Капович. Выразительной цели добиваются и другие специальные поэтические приемы автора, вот хоть встреченный в одном из стихотворений разрыв слова «ве-ветер» – прямо на переносе строки, что, в конечном счете, считывается читателем как... графическое изображение звука и порыва ветра, **физически** присутствующего на странице. И это еще один большой плюс оригинальных наборов поэтики автора: текст Кати Капович часто становится объемным, **физическим, акустическим** – из-за подражающих описываемому предмету звуковых эффектов. Причем, не только внедренных в само дыхание, мелодию стиха, что привычно и, как бы, само собой разумеется, но как вспышка – «разово», неожиданно, локально и как бы – между прочим.

А что касается рифмы... как для многих современных поэтов, для автора рифма – не самоцель. И Кате Капович свойственно употребление как традиционных для русского стихосложения «грамматических» рифм, так и «богатых», ассонансных, абсолютных и т.д.

Временами – и вовсе неожиданных, выразительных, субъективных, акустических, далеко не избитых. Так что неотъемлемая часть богатства поэзии Кати Капович – безусловно, и её ритмический строй, и особая «жесткая» музыкальность; она может быть до предела пронизана многообразием скрепляющих поэтических приемов – параллелизмами, ассонансами, звуковыми анафорами, параномазиями, создающих полифонию, аукающее многоголосье, ощущение организованности и лада.

Я УмрУ, где читают по крУгУ
 Тю(УУ)тчев, Вяземский, Блок, СологУУб –
 И не мне крУговУУю(йу) порУкУ
 Замыкать шевелением гУб.

Я УснУла под эти распевы...

Что поэт одарен хорошим слухом и ему доступно в полифонии многое – доказывать не надо, достаточно и такого отрывка:

Мы **долго** искали в нахлынувших сумерках **Джона**,
 никто **до конца** не врубался, кто был этот **Джон**,
фонарь наводили на лес, вылетала **ворона**,
 и в церковь **ввалились**, когда уже **пел Мендельсон**.
 («Свадьба»)

Слово «колокол» в стихотворении, между прочим, до конца так и отсутствует, но мы *слышим его звон*. Передают музыкальным звукорядом **реальный** звон церковного свадебного колокола – чередования удлиняющихся «д-о-олл», «до-онн» и других фонем («он-он-лил-елл-онн»), причем, чаще в ударных слогах, что усиливает впечатление.

И без того насыщенное «отголосками» колокола стихотворение (в его 16 строках только звукоряд «ал-лал» встречается целых 11 раз) – заканчивается целым рядом мелодичных отзвонков: «ал-дал-дал»:

...помятый цветок из кармана нагрудного криво
 Свисал, и всё падал и падал один лепесток.

И этот пример не единственный случай в поэзии Кати Капович, когда в текст поэта, чувственно и объемно воспринимающего и слышащего мир, раздражительно предмету, **миметически** вторгается фактор букв и ритма, к чему мы еще вернемся.

Не менее интересно употребление Катей Капович экономных, выразительных, долгоиграющих, резко очерченных, «неласковых» метафор, и тут она остается верна себе. Ибо достигая метафоры, поэт наиболее уязвим, как никогда склонен к элегической мягкости, иначе говоря – красотам словаря. Но у Кати Капович и образный строй остро заточен: «обглоданный хребет трамвайных линий», «муха крестит окно и на тумбочке время стоит как стакан с молоком», «торчали фонарей булавки», «пустая лоза... наклонялась от ветра, как строчка курсива».

Кто хоть раз видел, как потеряв и листья, и верхнюю зацепку, голая лоза упруго держит свою горизонталь, украшенную твердо прорисованными в пустом воздухе сухими, тонкими *курчавыми усиками, завитками-пружинками*, тот оценит хищность глазомера поэта.

Или метафора: «ожный двор в осенних венах варикозных».

Последний образ взбадривает массу ассоциаций – тут и общее ощущение распада, усталости, **натруженности** набухшей, отговорившей свое веселым языком природы, завершившей плодоносный цикл. И липкие дождевые потоки с расквашенными под ногами красно-синими листьями, ползущие под уклон «горбатого» дворика, быть может, окрашенные соком виноградных гроздей, фиолетовым

суслон, что отжал сосед, как отход последыша, сукровицы, когда природа уже родила. Завершение процесса. Занавес. Благодаря лишь одной строчке, картина, как в кинематографе, полностью и в деталях восстановлена.

Поразительно беспощадное и от того не менее человеколюбивое сравнение поэта стариков-инвалидов с «неговорящими» **глухими согласными** (быть может, не только в прямом, и в переносном смысле на все – согласными, не говорящими и глухими, что усиливает выразительность образа); в общем, сирых и беспомощных, которых вывезли «подышать» на природу заботливые санитары:

И там они в своих колясках
Сидят в безлиственном лесу,
Как редкий ряд глухих согласных,
пока их вновь не увезут.

Что такое колдовство образа, работающего не на холостом ходу? Этот эффект, быть может, частично лежит вне сознания «построившего» его по наитию, воспламененного актом творчества поэта. Тем не менее, образ построен настолько многофункционально, многоэтажно, что позволяет возвращаться к нему на разных уровнях. Вот сидят рядом инвалиды из дома престарелых – «согласные» на все, потерявшие волю, смотрят беспомощно на голый безмолвный лес, который сам по себе спектакль, зеркало и подобие их жизни. Они – отражение, эхо угасшего леса. Глухое эхо.

Завораживающая картина.

Образ двойтся, тройтся, учетверяется. Становится стереоскопическим. Объемным – за счет многомерности его воплощения. Ведь и графика упоминаемых в поэтическом сравнении «глухих согласных», сидящих в ряд, всех этих подразумеваемых букв К, Х, Ш, Щ и т.д. – ничто иное как... изображение инвалидных колясок, торчащих врозь и попарно палок, подпорок, «шаго-держателей», костылей. И если мы не улавливаем, не считываем аналогию напрямую, это не значит, что миметически кривизну подпорок, скрещенности, торчащести не учуяло наше подсознание.

И, конечно, самый наиважнейший миметический компонент образа – звуко-ряд стиха. Произношение глухих согласных – ничто иное, как имитация невнятной шепелявой беззубой стариковской речи и придушенный, сипящий шепот осенней природы.

В приведенном четверостишии – на малой площади пятнадцати слов – глухих согласных более тридцати. Шесть, обычно столь редких подряд! – «х», семь «с», шесть «к», четыре «т» (не считая «п», и «реального» произношения как «т» еще двух «д»; а также бесконечных «в» как «ф», и других «оглушенных» звукообразующих согласных).

И этот глухой звуко-ряд, передающий невнятицу, стариковское бормотание, шелест высохшей травы и листьев, кряхтенье, потрескивание деревьев, на каком-то ментальном уровне постижения мифологизирует сцену действия. Выпуклая, ожившая благодаря звуко-ряду, картина угасания, беспомощности, прекращения **всего**, растерявшая молодую звонкость – до шелеста и полного безмолвия, несмотря на сжатость метафоры, разворачивается почти с эпической долготой.

Причем, что еще самое интересное, – во второй части стихотворения, как только речь автор заводит о самом себе, еще молодом персонаже, «шелестение»

заканчивается, глухие согласные уступают первенство звонким. Но стоит вернуться к образу стариков, все начинается сначала.

Вот что имеешь в виду, когда говоришь о концентрированности поэзии автора, выпаренности из раствора стиха всего лишнего и значения образа-«остатка», из которого воображение читателя может долго разводить себе питьё, обнаруживая, что концентрация не убывает.

По выходным в глухом местечке
соседний инвалидный дом
автобусом вывозят к речке,
заросшей пыльным камышом.

И там они в своих колясках
сидят в безлиственном лесу,
как редкий ряд глухих согласных,
пока их вновь не увезут.

С годами лет я тоже тронусь
умом и сяду у реки,
чтоб в пустоту смотреть, готовясь
к зиме, как эти старики.

И выйдет радуга из тучи
после осеннего дождя.
И скажет санитар могучий:
пора, родимая, пора.

Раз уж зашла речь об особенностях метафор Кати Капович, следует добавить, что их меткость при афористичной законченности, неизменно содержит шершавую, задевающую или колючую, если угодно, основу смысла. В этом их особенность. Далеко не все, даже самые великолепные, изысканные поэтические метафоры (и русская поэзия не исключение) ориентированы на такой «подход» и отмечены столь своеобразным качеством. Метафора – этот поэтический афоризм – подразумевает некую игру в слова. Хочется сказать, «каждый второй» поэт в метафоре скорее отдаст предпочтение летучести, «удобству выражения», изяществу, легкости, гладкости, если придется выбирать между ними и – утяжеляющим поэтический строй смыслом. Но наш поэт стремится остаться самим собой в любом воплощении. Каповичевский незабываемый курящий человек служит отличным примером уравновешенности всех соотношений:

...на скамейке, в пустоту глядящий,
закусивший дыма удила.

Стихотворение держится на горьковатом с оттенком скепсиса раздумье одиноко сидящего на скамейке человека. Благодаря точной детали – «удила дыма» – мы с любопытством вглядываемся и «рассматриваем» отнюдь не дым, а... выражение лица незнакомца. Казалось бы – так просто: сразу из двух уголков губ вырывается дым сигареты. Но что характерно – ведь так не курят. В нормально-

расслабленном состоянии – дым так не выпускают. В напряженном или рассеянном, когда рот сжат, губы «прикушены», – другое дело.

До конца не проговоренные, но подразумеваемые поэтом детали – плотно сжатый рот, невидящий взгляд, полное погружение в себя до прострации – оказываются главными и отправляют строку в нужном направлении эмоционального переживания.

Одним словом, ценность и преимущество метафор Кати Капович в том, что они – почти всегда – провокационны и неизменно «работают» даже после того как строчки стихотворения ушли из поля зрения. Послевкусие каждого такого образа бывает терпким, и тем оно ценнее, что кроме увиденной «картинки», заставляет на разные лады проверять только что испытанные чувства, беспокойно возвращаться к ним в попытке достать до самого дна не столько смысла, сколько ощущений.

И каждый знает: резонансное волнение, высокое беспокойство, «смущение души» – самое ценное при чтении поэзии. Не раз встречаются в стихах Кати Капович, что лишний раз свидетельствует о глубоком «окультуренном» мире поэта, да и просто – о творческом, личном мужестве художника не боязни рискованных тем, сложные мотивы «жизни-смерти», где используются полускрытые, разорванные, «утопленные в тексте» метафоры.

Вот хотя бы безжалостное сравнение головы встречающего смерть человека с одуванчиком на осеннем поле:

Смерть придёт с сенокосилкой,
 закатавши рукава,
 на лужайке за развилкой
 ляжет жёлтая трава.
 А когда она поближе
 подойдёт через покос,
 я глаза её увижу,
 мутноватые от слёз.
 Одуванчиком тогда я
 тоже голову склоню:
 брей уж наголо, родная,
 только дай мне простыню.
 Надо руку занавесить,
 поле, небо в облаках.
 А башка моя не весит
 ничего в твоих руках.

За этим майским одуванчиком, который на самом деле не доживет до «желтой травы», богатый художественный улов: прежде всего, многообразие аналогий (ради чего все и затевалось). Мы видим белёсость, редкость колеблемых ветром старческих волос, до голого розоватого черепа просвеченных солнцем. И эти старческие седины схожи с пушистым ореолом младенческой головы. Так выстроен мост к неизменному вершащемуся кругу жизни. Еще вчера – май-чародей, а сегодня пора собираться, занавешивать солнце и зеркала простыней. И беспомощность, летучая уязвимость человеческого начала и конца, обрамляют эту дорогу в неведомое никуда.

...Но мы пока что на полпути и не добрались до финала развернутой метафоры с одуванчиком. Как с долгоиграющей пластинки отзвуки образа все еще летят вдогонку, нагоняя и рассказывая – хотя сам поэт давным-давно замолчал – и про одиночество, и про скорбное бесчувствие, и про современную Смерть, похожую на тотальную американку, деловито заменившую индивидуального подхода величественную средневековую косу на бодро стрекочущую газонокосилку.

А потом мысль делает еще один поворот, и видишь «круговым обзором» унылую картину – целые чертовы поля этих беспомощных одуванчиков, луга и доли, где их скопом косят, – массовость смертей, привычку мира к этой массовости.

Думаешь о мужестве склоненной головы под обмолотом ветра времени: сможешь ли её покорно-философски подставить, как лирический герой?

Вот что делают хорошие стихи. Отпускают чувства, распрягают их. Концы упряжи свободно торчат врозь не параллельными прямыми. И тут уж кто насколько далеко укачет. Расширительная зона – огромна. Вопрос упирается только в собственное воображение, меру чувствования, и все такое прочее, но надо, чтобы поэт изначально угадал, попал в болевую точку «слишком человеческого», запустив этот механизм бесконечного рыскания по кладовым смыслов и ощущений.

Сравнения поэта летучи и афористичны, как оброненные на ходу – «в краю мотыльковых погон», «ступени как разбитый ксилофон», «облачная лапша», «вылинявшие... как после стирки, старушки» и т.д. Но повторюсь: Капович, хотя и владеет многогранными ассоциативными образами и сравнениями, прибегает к ним не часто, точно боясь впасть в ересь «красивости».

Типа не надо этого «трали-вали». Нет, как она уже сказала в своих стихах – «синели ляля-тополя», не столько убивая, сколько не доверяя сентиментальности, стирая следы бесполезных слез. Рабочее оружие поэта – энергичный глагол неслыханной простоты. Глагол без экзотики, передающий процесс, может так плотно сидеть в стихах поэта, как рассада на грядке строк, неизменно создавая беспокойное ощущение вращения мира вокруг некой оси, где в центре – вечно напряженный и резонансный этому движению – сам говорящий.

Как хорошо мы **знали** этот взгляд
куда-то мимо, вверх, из-под мигрени,
гадающий: то ли часы **спешат**,
то ли **опаздывает** воскресенье.
Ложится снег на грязные весы,
вода **стекает** вперемешку с паром
на рельсы, и, **царапая** язык,
бьёт колокол над Киевским вокзалом.

* * *

Сейчас в подворотню **свернет** небольшая толпа,
соседские тетки **отплачут**, и я **докурю**,
прошальную музыку **вынесут** прочь со двора.
До встречи, до встречи, до встречи, я им **говорю**.

Думая о поэтическом языке Кати Капович, его «аскетическом» разнообразии на фоне точного фотографирования чувств, добираешься, в конце концов, и до «беззастенчивого» обращения автора к просторечному словарю, эпатажному «грубиянству». Лексике, широко освоенной и любимой в российском бытовом поле: от «башки» до «дерьма», от «харча» до «хмыря», от «алкаша» до «кореша», от «на фиг» до «на хрен», от «заткнуться» до «шмалить».

Так зачем её человек

«...двузначное выкрикивает что-то,
чтобы в окне доплыть до поворота,
Чтоб в памяти остаться насовсем)?

В ответ хочется привести слова Алексея Цветкова, тоже живущего в США:

«На самом деле внешняя языковая среда безразлична, если только не интересуешься живой сиюминутной разговорной речью, – но это скорее удел прозаиков, чем поэтов. Выйдя из подмастерьев, поэт уже пишет на собственном языке, пуповина с общим разорвана. Это как бы снимок с некоторого периода собственного развития, или срез, с последующей ретушью...»

Выходит, слова-удары – резкие, «ругательные», совсем не частотные в поэзии, – тоже «снимок с некоторого периода развития»? А можно без них? Короче говоря, актуальный вопрос: насколько такая лексика художественно оправдана?

Эти слова появляются в поэзии Кати Капович в момент острой ситуации, протеста, смыслово-интонационно поддержанного обвинения жестокости жизни, подчеркивают, оттеняют смысл дискурса, как темная полоса на светлом небе очеркивает горизонт. Внезапный выплеск крайней степени проявления эмоций – ругательство – дает почувствовать гамму чувств – горечь, гнев, сожаление и боль. И это лишь означает, что способы достижения художественной цели у каждого – свои.

В устах интеллигента, – а нас ни на секунду не обманывает чувство, что мы читаем стихи образованного и думающего человека, – резкая инвектива вписывается в замах неприятия и остранения.

Для чувства свободы. Удара-отмашки.

Для иронии, издёвки, горечи – не меньше того.

Чем-то неуловимым этот словарь и приемы напоминают протест и борьбу неизжитого подростка, его максималистское отмщение... Пусть подростка выросшего, все так же с миром державным не связанного, ничем ему не обязанного. И тут хоть лупу наводи – обнаруживаешь, что в большинстве случаев так называемые «подростковые грубости» – вполне вписываются в художественную систему и соотносятся с поэтикой автора.

Почти всегда в стихах Капович видишь не ретушь, не мягкую живопись, не размытую акварель, а именно графику – точную и скупую картину происходящего. (Если вернуться к вопросу полов или к вопросу о демиургическом начале: такое видение – редкое явление для «женской поэзии», как описание охоты – в женской прозе.) Графика поэта прорезаема редкими цветовыми вкраплениями. Несколько жестких «штрихов» натренированного глаза – и картина готова. В ней не жди полного штиля:

Луг превращался в заливной пустырь,
и ветер с моря приносил другие
бумажные куски и просто пыль,
задраивая щели голубые.

В своей «графике» пейзажа, кроме любимых повторений – пусто, пустота, пустеющий, Капович не случайно упоминает как сам металл, так и цвета металла. Для усиления чувства тревоги и неюта пейзаж стихотворения часто «содержит» опасные и даже вредные элементы – свинец, железо, сталь. А также – цвета дыма, грифеля, пепла и пыли. Черный, серый, белый. Реже – бледно-голубой, выцветший, синий.

В никуда как **стальная** игла сквозь пальцы...
Заложили в **белый** катафалк...
Заросший **пыльным** камышом...
И посыпаем **пеплом** тротуар...
Примелькавшийся войлочный **серый** халат...
Все еще смотрит на **серую** наледь бульвара...
Только музыку в **серых** органных лесах...
На босо тело **серая** толстовка...
И ангел спрятал дело в **черный** ящик...
Черная шляпа над польским лицом острокоственным...
Выйдем в ночь, наступая на лужи **вчерне**...
Вот поехали свечи по **черному** льду...
В мир иной, отороченный по небу **черной** межой...
И материя в нем исчезала, как в **черной** дыре...
Разлетится **белым чёрный** колос... и т.д.

Не важно, городской, южный, парковый, пригородный – пейзаж не благодатен, не лиричен. Там человеку всегда что-то «сопротивляется», возражает: то голый лес, то шланг под скамейкой, то кривые дорожки, то черный лёд, то «гнилое месиво опилок». Природа, окружающий мир ничем не помогают, отказываются «сочувствовать» человеку. А сам человек сиротлив, то и дело – то в сером, то в черном.

Мы здесь, чтобы исчезнуть в синеве,
в чужом навеки уличном пейзаже...

Это не хай-тэк. И тем более – не провинциальный пейзаж. Это – удаление лишнего. К чему сосредоточенности одиночества – пестрота? Оттого и потому любимый пейзаж – пустырь. Вообще – что-то пустое. Оголенное. Стирание случайных отвлекающих от сути черт. Излюбленные персонажи – под стать такому заднику сцены: старики, случайные уличные персонажи, неудачники, лузеры, самоубийцы, обитатели дурдомов, небритые дворники, подростки с трудной судьбой, неряшливые и странные соседи, бездомные одинокие бродяги, что любят говорить «фак ю», на худой конец – попутчики или прохожие под дождем. Все, кто застрял на полустанке судьбы. Кто готов схватиться за ветер, кого забыли, как Фирса в пустеющем мире, «чётком воздухе», и кто сам себя забыл или потерял.

Можно сказать, на фоне столь разнообразно-однообразной галереи – а их в

стихах Кати Капович целая армия, толпы неприкаянных – поэт особенно тщателен. Боже упаси размазать, плеснуть в эту картину патоки. Поэт прибегает к простым словам и как ключ поворачиваются они в замке, чтобы выразительно и резко шелкнуть в конце:

За границей слова обретут первородство,
по ту сторону зла и добра,
за чертой одиночества, страха, сиротства,
от которых не ждешь ни хера.

Следы резкого обрыва, паденья с высоты забрезжившего «высокого штиля», было обозначенной, засветившейся патетики, вообще чрезвычайно характерны для стихов Кати Капович. Похоже, что именно патетика провоцирует застенчивое ругательство, этот «прыжок с котурнов». Что, между прочим, пусть парадоксально прозвучит, – только увеличивает доверие к автору. Стоит ли тут добавить – доверие русскоязычного читателя, одетого в броню насмешки, заимевшего аллергию на патетику, ценящего любое остранение, обратившего метаморфозы своего бытия в художественный промысел, как поэзии, так и анекдотов.

И если в стихотворениях автора началась перекличка с полуклассическими или классическими цитатами и повеяло ароматом аллюзии – жди резкого, как удар бича, отрезвляющего перехода на прозаическую деталь, скептического резюме или «грубоватого» слова, которые могут или предвелять, или обрамить «нечаянно» взятый высокий тон. Тем самым уничтожая и след высокопарности. Это мы видим в приведенных выше строках после (почти) ницшеанского – «по ту сторону зла и добра» и во многих других стихотворениях автора.

Совершается такой «кульбит» поэтом органично и не единожды, совершенно не вызывая протеста у издавшего виды читателя, довольного тем, что с ним так доверительно обошлись, как со своим парнем, который умеет читать между строк, ценит иронию и не обижается на крепкое словцо.

Так волочашееся по лужам пальто (не по росту, купленное в секунд-хенде, одолженное соседом – в общем, до запачканного подола – символ «уставшей» от своих хозяев вещи) охотно перебивает аллюзию на твердое Тарковского: «Тот жил и умер, та жила / И умерла, и эти жили», и на меланхоличное ахмадулинское: «я позабуду тех, кто умерли или доселе живы»:

Пора домой. Пойду и я
в предпраздничном осеннем мире,
пальто по лужам волоча
из мест, где умерли, где жили.

Или про поскользнувшегося и разбившегося человека:

Лежит и долго смотрит в небо,
где тает зимняя звезда.
Не подходите к нему слева
С вопросами, туда-сюда.

Мелькнувшая перекличка с блоковским: «лежит и смотрит, как живая... не подходите к ней с вопросами...», обрывается, да что там – прямо уничтожается на корню бытовым советом не подходить к этому упавшему с «башкой рас-

квашенной со звоном» – «слева», а затем и употреблением просторечных слов «туда–сюда». Да и лежит он, кстати сказать, не на поэтическом откосе, а весьма «приземленно» и жалко: «на люке канализационном» (и какая река, поток человеческих отходов под ним), но, представьте, смотрит в небо, «где тает зимняя звезда». Автор едва ли не с наслаждением – с этой горькой улыбкой современного человека, слишком много знающего про то и про сё, – шаг за шагом уничтожает иронией патетику. Вытравливает её насмешкой как неопрятное жирное пятно авиационным керосином.

Но что происходит потом? Чувство глобальности катастрофы произошедшего, её космический масштаб, «снижающие тон» слова – про канализационный люк, искры в глазах, и бытовое – встал, отряхнулся, очки протер... не зачеркивают. Не обманывает и якобы ложное безразличие, насмешливое дистанцирование автора, попытка наблюдения нелепой ситуации «со стороны». Потому что выступает контрастом и разрешает интригу весьма впечатляющая кода, многократно увеличившая масштаб события: это упал сам Поэт, и не просто на улице, он

«...поскользнулся второпях
на ледяных подмостках века
под синей точкой в облаках».

От иронии – к глубокому обобщению. От ёрничанья – к лирике. От скепсиса – к тоске воспоминания. Эти глубокие нырки и взлеты на ледяных горках – чисто русская забава. Но, похоже, они стали по сердцу любому современному интеллектуалу, из которого просто так слезу не выжмешь; этот битый индивид инстинктивно ищет в любом ответе – вопрос, в сладкозвучии подозревает подвох, а может искренне откликнуться на гармонию правды, как бы оригинально или парадоксально она не была выражена.

Такому поэту, как Катя Капович, обогащенному знанием, что «накопило человечество» в поэтической сфере, знакомы и эпатажные, и игровые, шуточные, чуть ли не частушечные приемы («выходит Костя покурить на бровке, и сам уже изрядно на бровях» и т.п.). Но Катя Капович (за очень редким, скорее – «техническим» исключением) никогда не использует их вхолостую. Не играет. Не жонглирует смыслами, цитатами, или теми же аллюзиями, отсылками и коннотациями, как постмодернисты.

На стенках сосудов стихов поэта, как уже говорилось, всегда различишь осевшую – то едкую, то горькую соль смысла, выпаренного судьбой, опытом, личным гуманизмом, наконец (как бы это слово не было затерто).

Трудный, неудобный, трогательный, царапающий лирик XXI века – поэт, который ни на кого не похож и многое может, разнообразя поэтические формы, ритмы и приемы. Ведь еще ни словом не упомянуто об экспериментах Кати Капович, ауто-исследованиях, опробованиях поэтического голоса в разных мотивах – балладных, в песенной, городско-романсовой традиции (в современной интерпретации), да мало ли ещё в чем...

...Жаль, что такой поэт больше не живет ни в Кишиневе, ни в России, и не спасает здесь наше пространство языка. На бегу, мельком встречаясь, я видела когда-то Катю Капович – юной девушкой – несколько раз. И угадать, что Катя – человек *особенный, отмеченный в своем кругу*, где не было недостатка в индивидуальностях и в проявлениях оных, – было нетрудно.

Угловатая, худенькая, юная, с жеребьячи-тонкими руками и щиколотками, с вечной сигаретой и нетерпением, сквозившем в каждом движении, и даже кажущейся надменностью, подразумевавшей некую «выделенность», глухоту к тому, что неинтересно, она несла свое отдельное «Я», всем своим существом намекая на Судьбу, без которой поэт невыносим.

Наверное, такой же была в молодости Цветаева – вся и целиком – отдельная, для кого-то «диковатая», с вольной повадкой и гривой непослушных волос. И выходит, не перевелись гордые мустанги, которые прокладывают путь к поэтическому водопою, не глядя на препятствия, обдирая бока в кровь.

Хотя нет, со стометровками покончено. Тут уже другой счет и разбег:

Бегуны измеряют жизнь в длину.
Я любила бегать стометровки,
надевала на траве кроссовки,
думала: щас всех перегоню.

А потом, поживши, поняла,
что быстрее всех бежит сидящий
на скамейке, в пустоту глядящий,
закусивший дыма удила.

ЕЛЕНА ШАТОХИНА. Прозаик, критик, публицист. Автор семи вышедших в свет книг, среди которых роман о дуэли Пушкина «...Кара небесная», опубликованный в московском издательстве «Вагриус» в 2006 г. и доброжелательно встреченный российской критикой, отметившей редкий прием воссоздания атмосферы первой трети 19-ого века путем вымышленной переписки героев романа.

Пушкинская горка

КАТЯ КАПОВИЧ

«...ПОД СИНЕЙ ТОЧКОЙ В ОБЛАКАХ.»

* * *

Всё я тебе оставляю в залог
 Будущей встречи, не той, что сегодня.
 Всё... И заросший травой порог,
 Там где ступени – как узкие сходни.

И не площадка – пустой эшафот
 С ярко горящей, как в поле, луною.
 Вот оно, Господи, стало быть, вот –
 Место той будущей встречи с Тобюю.

Голос, который окликнет меня
 В ночь на фонарном слепом перекрестке –
 Этому голосу нету житья
 Нынче, и страшно подслушать тот жёсткий

Крик, и тот бешеный сон подсмотреть
 Или убить это чёрное бденье.
 Жёлтую свечку оставляю гореть.
 Это и будет прощаньем со всеми.

Мимо пройду, опустивши лицо,
 Вскользь, мимо жизни, на части разъятой.
 Кажется близким и светлым концом
 Мне мой безмолвный конец страшноватый.

Но ничего, кроме тени простой,
 Я не прошу у июньского зноя. –
 Душу, лишь душу мою успокой,
 Если не хочешь быть проклятым мною.

* * *

До встречи, до встречи, до встречи в знакомом дворе,
где девочки вниз головою висят в сентябре
на детской площадке и видят, как по пустырю
проносят кого-то в не очень нарядном гробу.

На детском снаряде висят они вниз головой,
белея трусами среди перекладин стальных,
и что-то, наверное, есть в перспективе такой,
когда сверху вниз как на мертвых, так и на живых.

Сейчас в подворотню свернет небольшая толпа,
соседские тетки отплачут, и я докурю,
прощальную музыку вынесут прочь со двора.
До встречи, до встречи, до встречи, я им говорю.

* * *

Говорил мне один в пиджаке цвета пыли,
назидательно щурясь в худое досье
под мигающей лампочкой в Нижнем Тагиле:
«Почему же ты, сволочь, не хочешь, как все?»
Потому, отвечала, в лицо ему глядя,
что не нравится мне этой лампочки блеск,
эти тени, которые стелятся сзади,
эти стены казённые с краской, но без.
Завтра выведут в снегом засыпанный дворик,
доведут до вокзала, посадят в вагон,
и рукой мне махнёт отставной подполковник,
оставаясь в краю мотыльковых погон.
Буду ехать вдоль родины в общем вагоне,
в грязном тамбуре «Приму» курить натошак,
засыпая, как все, головою в ладони,
просыпаясь средь ночи башкою в кулак.

* * *

Квартира с рухлядью была,
её сдавал нам некто Боря
за девяносто два рубля
и трёхлитровку алкоголя.
В окне струился виноград,
сосед стучал по батарее
и выбегал, надев халат,
смотреть, как запускают змея.

Бывает, из-за ближних гор
нагонит запашок навозный –
и вспоминаю южный двор
в осенних венах варикозных.
Уж сколько лет? Тринадцать лет
бегу оттуда без оглядки.
Ушёл на задний план сосед
вдоль декораций стройплощадки.
Пора домой. Пойду и я
в предпраздничном осеннем мире,
пальто по лужам волоча
из мест, где умерли, где жили.

* * *

Я умру, где читают по кругу
Тютчев, Вяземский, Блок, Сологуб –
и не мне круговую поруку
замыкать шевелением губ.

Я уснула под эти распевы
за простым деревянным столом:
Тютчев справа и Вяземский слева –
грустно, муторно в мире моём.

А ведь где-то в глухом Кишинёве
в это время бутылку в карман
прячет Хорват, и ловит на слове
наши души осенний туман.

* * *

Когда, производственный план засунув в карман,
начальник колхоза сказал нам: «Грузите без плана», –
я помню, как мягко осел виноградный туман
в моей голове, понимавшей свободу туманно.

Несла свои воды внизу Дубоссарская ГЭС,
кричали, как чайки, тревожные куры в долине.
Уже не проснуться в колхозе с названием «Прогресс»,
где мы виноград собирали и соки давили.

Я вышла в тот день из барака – лежала роса,
и в поле, прозрачном насквозь, над чертою отрыва
чернела до самого неба пустая лоза,
лоза наклонялась от ветра, как строчка курсива.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Когда уеду я, когда отчалишь ты,
от площади одной, где по ветру кусты,
отклеится нетрезвый человек,
не человек, а так, пальто и шапка,
и на часы вокзальные сквозь снег
прищурится, и вздрогнет зябко.

Как хорошо мы знали этот взгляд
куда-то мимо, вверх, из-под мигрени,
гадающий: то ли часы спешат,
то ли опаздывает воскресенье.
Ложится снег на грязные весы,
вода стекает вперемешку с паром
на рельсы, и, царапая язык,
бьёт колокол над Киевским вокзалом.

Приходит воскресенье навсегда,
на долгий срок, и этот в мятой шапке,
работник перекатного труда,
он тоже воскресает в общей давке.
Железную толкает хренотень,
двузначное выкрикивает что-то,
чтобы в окне доплыть до поворота,
чтоб в памяти остаться насовсем.

* * *

Мой грустный, мой небритый, мой курящий,
невыспавшийся друг,
когда по этой лестнице нас вташат
архаровцы на самый верхний круг,
мы притворимся мёртвыми, а сами,
украдкой дыша под простынёй,
подсмотрим за пустыми небесами
и облачной лапшой.

Живут же они тут, не зная горя,
поплёвывая вниз,
а где-то там который год в моторе
всё возится наш кореш пианист.
Никак не доведёт до океана,
грохочет инструментом по утрам...

Ты слышишь волн глухое фортепьяно?
Расскажешь ему там.

* * *

В «прощай молодость» старом, но чисто сидящем костюме
«о чем думаешь, девушка?» – клеил прохожий меня.
На Миусской был парк, плавал пух тополиный на клумбе,
семенили собачки, синели ляля-тополя.
Отвечала, что мысли мои тривиальны до боли,
как шатанье по засранным этим дорожкам кривым,
заключаются в том, что какую б нам хрень не пороли,
и какой бы в глаза не пускали мистический дым,
и какие б ракеты в ночи не летали на солнце,
и какой бы нам яд не вливали в преддверье ушей,
все равно остается, все равно ведь у нас остается
этой речи живая вода, ее шесть падежей,
ее тройка времен, уносящая с этого света
в мир иной, отороченный по небу черной межой.
Он тогда отходил, потому что риторика – это
власть и сила. Но где-то и я не кривила душой.

* * *

Смерть придёт с сенокосилкой,
закатавши рукава,
на лужайке за развилкой
ляжет жёлтая трава.
А когда она поближе
подойдёт через покос,
я глаза её увижу,
мутноватые от слёз.
Одуванчиком тогда я
тоже голову склоню:
брей уж наголо, родная,
только дай мне простыню.
Надо руку занавесить,
поле, небо в облаках.
А башка моя не весит
ничего в твоих руках.

* * *

С цитатой из Ницше на майке,
острижен под ноль,
сиди в облетающем парке,
оттягивай боль.

Поэт, гитарюга басовый,
дружок голубой,
поймали мы в жизни дешёвой
свой кайф угловой.

Вчера нам играла пластинка,
трагична, стара.
Стравинский, Рахманинов, Глинка
спасали вчера.

А нынче на мокрой скамейке
в обеденный час
скорми свои сэндвичи белке.
Свет был. Он погас.

* * *

Вода, кусты и люди на Масспайке
ещё живут и щурятся в упор.
Захочешь знать всю правду без утайки –
и зачитают смертный приговор.

Мы не найдём проверочного слова
в последний миг для звука немоты.
И вот на ощупь движемся мы снова,
набравши в рот воды.

Есть уличные знаки препинанья,
есть проводов случайный перебор,
есть пуля, просвистевшая в тумане,
где нас не расстреляли до сих пор.

Так плотно время сжато в голове,
что стрелка вязнет, будто ложка в каше.
Мы здесь, чтобы исчезнуть в синеве,
в чужом навеки уличном пейзаже,

где, словно электронная строка,
бегущая вдоль линии отрыва,
на дне глазном под облаком зрочка
скользит река, печальна и красива.

* * *

Скатают сиреневый дым ноября
и ветер отправят в загон.
Леса возведут посреди пустыря
в судьбы лапидарный закон.

Квадратные метры сырой тишины
ты на зиму снимешь опять.
Из снега и воздуха слеплены сны,
исчёркана ими тетрадь.

А включишь приёмник – из прожитых лет
там песенку крутят одну
про детство, про город, которого нет,
про где-то большую войну.

* * *

Голос ветра знают камыши –
старческий, сухой до кашля голос.
На ладони их пошелуши:
разлетится белым чёрный колос.

Как в пенале для карандашей,
стебли их лежат в коробке снега.
И сижу я, мера всех вещей,
вниз смотрю на реку.

Бегуны измерят жизнь в длину.
Я любила бегать стометровки,
надевала на траве кроссовки,
думала: щас всех перегоню.

А потом, поживши, поняла,
что быстрее всех бежит сидящий
на скамейке, в пустоту глядящий,
закусивший дыма удила.

* * *

На люке канализационном
(он не вмещается в строку)
башкой расквашенной со звоном
в ушах лежит он на снегу.
Лежит и долго смотрит в небо,
где тает зимняя звезда.
Не подходите к нему слева
с вопросами, туда-сюда.

В начале декабря морозец
вовсю дыханье отбелит.
Есть наверху такой колодец,
что разрывается, скорбит
душа простого человека,
что поскользнулся второпях
на ледяных подмостках века,
под синей точкой в облаках.

Сейчас он встанет, отряхнётся,
нашарит на снегу очки.
Поэт (а это я) прижмётся
лицом к стеклу, придут стихи.
«О чём они?» – вздохнёт редактор
в журнале толстом. Так, пустяк.
Шёл человек. Набил синяк.
Звезду увидел в небе автор.

* * *

Вот поехали свечи по чёрному льду –
это мы проводили две тыщи четвёртый.
Разноцветный салют догорел на лету,
в католической церкви орган взял аккорды.
И в пустые ладони упала башка,
потому что чего ещё тут притворяться?
На стекле залепуха сырого снежка.
Мне над жизнью моей не дано приподняться.
Только музыку в серых органных лесах
я хочу напоследок бессмысленно слушать,
чтобы дождь золотой осыпался во мрак
над рядами бумажных старушек.
Как в тетради в косую линейку, в окне,
я хочу, чтобы ветер гнул ветки, когда мы
выйдем в ночь, наступая на лужи вчерне
среди сторевших хлопущек и прочего хлама.

* * *

Цвета пожара окно наше в зимнюю пору
всё ещё смотрит на серую наледь бульвара,
на продуктовый ларёк, где по голому полу
тянут со скрипом и звоном молочную тару.

Кто возрастил нас в немыслимой нашей отчизне,
кто дал пинка в темноте, чтоб летели над бездной,
свет преломил в шестигранной орфической призме?
Если исчезнет всё это, я тоже исчезну.

Белым по синему пишет снежок новогодний,
друг мой выходит из двери подъезда напротив
и навсегда исчезает в чужой подворотне,
как навсегда исчезает пшено в обмолоте.

Но по другому отчёту в году девяностом
встретились мы на базаре в Иерусалиме.
Чёрная шляпа над польским челом острокопным.
Он улыбался глазами пустыми, чужими.

Помнишь суфийскую сказку про встречу в Самарре
и разговоры туманные о фатализме?
Что же, прости за клише, мы имеем в финале
нашей на сорок рублей застрахованной жизни?

Хриплые крики торговцев дымящимся хлебом,
страх, что, того и гляди, опознают под маской.
Надо проверить судьбу, но движенье нелепо.
Так возникает смирение перед развязкой.

* * *

Зашкаливший луч в неумытом окне,
без стрелки минутной лицо циферблата,
Васильченко входит в седьмую палату.
Она умерла в ноябре.

В руке её пачка ненужных колёс,
привычно расчёска торчит из кармана.
Теперь она ходит бесшумно среди нас,
и это уже почему-то не странно.

На завтрак пшеничная каша и чай,
концерт по заявкам из радиоточки.
В сравнении с пятой всё это цветочки,
как кто-то из ихних недавно сказал.

Там окна на север и музыки нет,
оттуда в смиренной робе сермяжной
тяжёлого психа вели в туалет,
и он улыбался отважно.

ПАМЯТИ КОСТЮЖЕН

Хорошо поработали днём тунейдцы и психи,
бурелом на участке собрали, костёр развели.
Вместо тихого часа смотрели, как мечутся блики
за окном отделения, прямо под цифрой «три».

Где ты, племя моё, бестолковых отбросов тусовка?
Начинается осень – пора собирать бурелом.
Завтра выйдем пораньше, спросонья ступая неловко,
и такой марафет, разогревшись, везде наведём.

Может быть, наши зыбки ряды, но бездельников нету.
Пошуруем граблями и чисто помашем метлой.
Разлетаются красные, жёлтые листья по свету,
на осеннем ветру не сгорает костёр золотой.

* * *

Люби меня, как я тебя
любить не обещала никогда,
то не хватало в голове огня,
то отвлекался взгляд на поезда,
В них пахло кишиневской колбасой,
нам водку подливал один хохол,
и музыка играла, Боже мой,
ужасная. Он в Киеве сошел.
А мы лежали и до темноты
все слушали ее. Какой кошмар.
Ведь мы поэты были, я и ты,
и все в Москву везли свой божий дар.
А довозили смятые листки
и в жирных пятнах бедные слова.
Теперь, поди, не вспомнить ни строки,
но как в тот год кружилась голова.

ПАРАД

...дальше полный прогресс,
красных рук и знамен красный лес
со звездами, серпами и без.

Мимо красных трибун
прошагал наш поток в сорок лун
лиц, гудел барабан.

Нет, не бил, лишь гудел,
потому что как в воду смотрел
депрессивный Виталик один.

Он «ура» не кричал
и в шеренге наискось шагал
через Нижний Тагил до могил,

до афганских степей,
где ему не споет соловей
на кресте, что из двух костылей

сочинили ему,
дураку депрессивному в ту
осень, зиму, весну.

ИЗ ЮНОСТИ N.

В разладе с семьей посторонний угрюмый подросток,
за зиму-весну выросстал из хрущевской рубашки,
кидал и друзей-болтунов и подруг-патриоток,
тянувших коктейли в пустой привокзальной «стекляшке».
И тихо сидел в будний день на большом чемодане
и Бродского книгу листал с полотенцем на шее –
веселый узорец, какие-то птицы с цветами,
и долго с сестрою ругался: Китай иль Корея?
И долго отец заводил Жигули на парковке,
ворчал про себя, что бензин разбавляют ублюдки,
клат голову прямо на руль и движеньем неловким
простую слезу утирал на двойном подбородке.
И все это прозою было, сто баксов включая.
А где же поэзия? Где же мотив ностальгии,
отъезда, разлуки с отечеством? Право, не знаю.

Я вязну в деталях, детали меня обступили.
Мне жестом отца футуризма не смазать палитры.
Рассказчик выходит во двор вдохновиться и видит,
что в Кембридже тихо, что розы уж кем-то политы,
все схвачено, к каждой привязан латинский эпитет.

* * *

Ф.

Как долго собирались, выходили,
букет, конечно, дома забывали,
как ссорились, как в зеркало смотрели,
вернувшись за букетом, как молчали.
Как по дороге ты уткнулся в книгу,
как запропала с адресом бумажка,
как в зеркальце шофер косился дико
на психов, как свистела неотложка.
Мотал кварталы тьмы зеленый счетчик,
звенел в стекле серебряный бубенчик.

Один на свете ты поймешь мой почерк
с его избытком русских поперечин.

* * *

По выходным в глухом местечке
соседний инвалидный дом
автобусом вывозят к речке,
заросшей пыльным камышом.

И там они в своих колясках
сидят в безлиственном лесу,
как редкий ряд глухих согласных,
пока их вновь не увезут.

С годами лет я тоже тронусь
умом и сяду у реки,
чтоб в пустоту смотреть, готовясь
к зиме, как эти старики.

И выйдет радуга из тучи
после осеннего дождя.
И скажет санитар могучий:
пора, родимая, пора.

СВАДЬБА

Мы долго искали в нахлынувших сумерках Джона,
никто до конца не врубался, кто был этот Джон,
фонарь наводили на лес, вылетала ворона,
и в церковь ввалились, когда уже пел Мендельсон.
Немного про Джона забыли, и в нос целовались,
и все было мило, легко, но я видела вбок,
как в левом притворе наматывал галстук на палец
какой-то не то чтобы мрачный, но хмурый, как волк.
Он тоже глаза утирал, когда кольца надели
и не выделялся в парадной толпе пиджаком,
но словно его только что извлекли из постели,
он в видимом мире присутствовал не целиком.
Изрядно поддавший, потом протрезвевший от пива,
он, стало быть, все же нашелся. Помятый цветок,
помятый цветок из кармана нагрудного криво
свисал, и все падал и падал один лепесток.

* * *

Мой румяный критик, мой желторотый
острослов, с моей тенью сводящий счеты
в занесенной бумажной листвой Москве,
что не спится тебе? Задувает ве-
ветер в форточку, брат. Ты садишься в угол,
завернувшись в женский халат, как Гоголь.
Смотришь в гугол и видишь уголь,
непонятных русских имен некрополь.

Отдохни. Я уехала далеко.
Сеня Дукач баранку крутил весь в черном,
заводил мне то рэп, то Пуччини, то
просто кофе хлебал. Так, в молчанье гордом
день сгорел. Не расскажешь тебе всего.
Как гнилая река покрывалась рябью,
как готовилось поле к большой зиме.
Как тряпье проездом сушилось бабье
на пустом холме.
И об этом и речи мои вдогонку,
обращены не к городу, ни к холму.
Там, где рвется душа, там небо тонко.
По нему, как ребенок, во сне всплакну.

ЖИЗНЬ N

N сначала хотел с парашюта ногами вперед,
а потом с небоскреба, как ласточка, вниз головой.
Он запутался в альтернативе, и главная мысль,
как бетономешалка, ворочалась по часовой.
И когда было холодно, он в одеяле сидел,
а когда было жарко, то голым лежал в простыне.
В сентябре взял билет и поехал, поехал вдоль сел,
мимо бензоколонок и сенокосилок в окне.
Как потом он рассказывал дома, не то чтобы он
испугался чего, но навстречу ему из реки
как живая вдруг вышла жена, помахала крылом.
И за это ему наливали еще старики.
Выходила сестра с оловянной лейкой в руке,
улыбалась красиво и хмуро покрашенным ртом –
то ли детям в траве, то ли бабочке в рыхлом цветке,
то ли ласточке в небе пустом.
Есть на свете места: колокольчик за дверью звенит,
долго шаркают тапочки по половицам кривым,
муха крестит окно и на тумбочке время стоит,
как стакан с молоком.
В этой жизни вам вынесут стопкой сухое бельё,
электрический ветер пройдет через длинную степь,
обязательно грохнет в ночи духовое ружье,
и вернется любовь, и обрящет звено свою цепь.

БЕСЕДЫ О ТЕАТРЕ

**Народный артист России Евгений Миронов:
«Я ВСЮ ЖИЗНЬ ИГРАЮ НЕ СВОИ РОЛИ...»**

Предыстория. Евгений Миронов знаком нам в основном как киноактер по таким картинам, как «Идиот», «Мусульманин», «Побег», «Апостол», «Охота на пиранью», «Достоевский» и многие другие. О его ролях в театре мы знаем куда меньше. После окончания в 1986 году Саратовского театрального училища им. И. А. Слонова (мастерская В. А. Ермаковой), Евгений поступил в школу-студию МХАТ на курс Олега Табакова. Под руководством мастера он сыграл на сцене «Табакерки» в спектаклях: «Ревизор», «Прищучил», «Билокси Блюз», «Матросская тишина», «Обыкновенная история», «Миф о Дон Жуане», в том числе главную роль в постановке В. Машкова «Страсти по Бумбарашу» и других. В 1994 году всемирно известный немецкий режиссер Петер Штайн пригласил Миронова на роль Ореста (в «Орестее» по трилогии Эсхила), а в 1998 – на роль Гамлета, принца датского. С тех пор Евгений Миронов активно сотрудничает с несколькими московскими театрами, участвует в международных театральных проектах, возглавляет собственную Театральную компанию, является одним из организаторов театрального проекта TERRITORIA и становится учредителем Благотворительного фонда поддержки деятелей искусства «АРТИСТ». В 2005 году актер удостоен звания Народного артиста России, а с 2006 – принимает руководство Государственным Театром Наций.

В этом театральном сезоне Театр Наций привез в Саратов, на второй всероссийский театральный фестиваль памяти Олега Янковского, спектакль «Калигула» по пьесе А. Камю, где роль Калигулы играет Евгений Миронов. Это не первая его работа с литовским режиссером Эймунтасом Някрошюсом, в 2003 году Миронов был приглашен на роль Лопехина в «Вишневом саде». Он с удовольствием рассказывает об этой постановке, о необычайном режиссерском таланте Някрошюса, о его своеобразной манере работы с актерами.

Перед спектаклем Е. Миронов заехал в родное Саратовское театральное училище им. И. А. Слонова (ныне Театральный институт), в стенах которого он приобрел первые навыки актерской профессии у замечательного педагога, народной артистки СССР, профессора В. А. Ермаковой, ставшей для него не только мастером курса, но и второй мамой. Студенты и преподаватели встретили Евгения Витальевича как родного и с восторгом слушали его рассказ о театральных проектах, актерских работах в театре и кино, задавали вопросы и, конечно, мечтали о каком-то своем неведомом прекрасном будущем, свет которого лучился из их глаз.

Е. Миронов о В. А. Ермаковой.

– Сейчас все пишут и говорят, что исчезает актерская школа. Я в Саратове этого не ощущаю. Я практически каждый год сюда приезжаю и вижу ваших

выпускников, как они работают в театрах, в том числе московских, и могу сказать, что, слава Богу, со школой все в порядке. Где бы я ни был, в каком бы уголке мира, я всегда говорю, что я из саратовского театрального училища, хотя вы уже институт.

Валентина Александровна Ермакова была не просто моим педагогом, а по большому счету, первым педагогом с большой буквы в моей жизни, которая научила меня, наверное, самому важному – отношению к профессии. Мне было 14 лет, когда я пришел в училище после 8-ого класса, я тогда еще толком не понимал, что такое вообще актерская профессия – ну что вы, какой-то запах славы, какая-то дурь в голове, которую Ермакова смыла в два счета. Она поставила мне после I-ого курса три с минусом по актерскому мастерству, можете себе представить? И я понял самое главное, что это тяжелая профессия, к которой нужно относиться внимательно и с уважением и не отчаиваться, если что-то не получается, а добиваться, чего бы это не стоило. В. А. Ермакова была фанатиком своего дела до последних дней своей жизни. Когда у нее случился инсульт, первое что она рассказала, когда пришла в себя в больнице Галине Тюниной, моей однокурснице, актрисе театра П. Фоменко, что она поняла потрясающую вещь, – оказывается, когда она сейчас падала, это было так некрасиво, голова туда, нога сюда, а она до сих пор играла это не так. Она и тут была в профессии. Она профессию изучала до кончика мизинца, до корней волос, и была чрезвычайно любознательным человеком в преклонном возрасте, и каждый раз, когда я приезжал, выпытывала, что происходит в Москве, что делает Фоменко, что делают молодые режиссеры, где взять современ-

ного автора. Ей хотелось самой все время развиваться, это был ее стимул в этой жизни, ничего кроме профессии у нее и не было, по большому счету.

Она очень мне помогла. Я не был ее любимым учеником здесь в Саратове, но мне она тогда относилась как к какому-то развивающемуся цветку, и еще неизвестно, засохнет он или расцветет. Но потом следила очень внимательно за моим развитием в Москве, и надо сказать, ее совершенно бешеная интуиция не раз меня напутствовала. Интуиция в нашем деле огромная сила, это судьба. Помню, я сидел в Париже и готовился к роли во французской картине. У меня была главная роль, но это было «арт-арт-арт-кино», где мне нужно было вжиться в наркоманскую среду, почти натурально... И вдруг мне позвонил замечательный режиссер

Валера Фокин и предложил роль Ивана Карамазова в театре «Современник». Общепринято существует понятие амплуа, считается, что артист может играть одно и не может другое. И хотя я в корне с этим не согласен и по жизни с этим борюсь, но мне бы дали, если бы дали, Алешу Карамазова по моей природной данности (мальчик-колокольчик, глазки веером), а тут – Иван.

И я почувствовал нутром, что это новый этап в моей жизни, новая дорога, по которой я потом и пошел. Но решиться улететь из Парижа было непросто, и я позвонил Ермаковой в Саратов, объяснил ситуацию. Она сказала: «Женя, мне надо подумать, перезвони мне». Я перезваниваю вечером, она говорит – Достоевский. На следующий день я летел в Москву.

Еще был случай, когда меня утвердил на главную роль великий немецкий режиссер Петер Штайн (роль Ореста в «Орестее»), и меня не отпускал Табаков, просто категорически – уходи из театра, а это мой дом родной, я бы умер. А так хотелось попробовать совсем другое, с великим режиссером, большую роль в спектакле, который должен был сразу объехать весь мир, были уже запланированы гастролы, и там был потрясающий состав артистов, из разных театров мира. Я – к Ермаковой: «Что мне делать?» И что-то мы с ней разговорились и вспомнили почему-то Вацлава Нижинского, когда к нему приехали Дягилев с Лифарем, молодым танцовщиком из Grand Opera. Все знали, что Нижинский зависает в воздухе, когда прыгает, то есть было такое *ощущение*, что он зависает в воздухе. Существует легенда, что Лифарь стал танцевать перед Нижинским «Призрак розы», чтобы вывести его из состояния апатии, и Нижинский, будучи уже очень больным человеком, смотрел-смотрел на него, потом встал, разбежался и прыгнул, есть даже такая фотография, и потом опять сел в свою позу. И вот Ермакова мне говорит – тебе нужен прыжок! Потом, когда я уже сыграл Ореста, я ей подарил афишу с надписью: «Спасибо за прыжок!»

О работе с Э. Някрошюсом. – Если говорить про Някрошуса, то я фанат этого художника, этого человека, я с ним дружу. Это другой театр – театр метафорический. Я не всегда все понимаю, как и многие, в его спектаклях, но никогда не устаю их разгадывать, это так интересно. Он ведь не придумывает, не вынашивает символы, они к нему приходят. Речь идет об Эймунтасе Някрошусе, на мой взгляд, гениальном режиссере из Литвы, и это мировой режиссер, каких вообще в мире немного.

Первая моя встреча с ним состоялась в работе «Вишневый сад» (до этого Някрошюс никогда не работал с русскими артистами). Он мне предложил роль Лопахина, по замыслу, брутального мужика. Роль совсем не моя, но у Някрошюса свой, необычный взгляд на вещи, он увидел меня Лопахиним. А дальше мы с ним и не разговаривали почти, он вообще никогда ничего не объясняет. Необходимо всецело довериться этому режиссеру, потому что работать с ним можно

только как ребенок, полностью стать ребенком, что не просто для многих артистов, потому что все привыкли к классическому разбору роли, но с Някрошюсом это невозможно. Он репетирует кусками и может взять кусок из финала пьесы, а ты на первой репетиции еще не только не в образе, не в характере, ты и представления не имеешь не только о Лопахине – о Чехове! Но надо понять, это особый случай, Някрошюс как бы разговаривает с Чеховым, это не совсем Чехов, а его представления, его размышления на тему Чехова. Поэтому когда мы стали репетировать «Вишневый сад», я явно ощущал в роли Лопахина раздвоение. Например, когда в самом начале Лопахин сидит и ждет приезда Раневской, руки у него должны быть как сосиски, потому что эта монументальность – это его отец, простой парень от сохи, и вдруг он поет песню Демона из оперы Рубинштейна, – и это потрясающе! Лопахин на самом деле несчастный и счастливый в своей раздвоенности. С одной стороны в нем отец, с другой – Раневская. Это раздвоение – генеральная линия по всему спектаклю. И когда он покупает вишневый сад, по-някрошюсовски, он его покупает не с радостью, а потому что по-другому поступить он не может, это предначертание. И он должен быть наказан за то, в чем, в принципе, не виноват, это судьба. Впереди революция, и она, конечно же, сметет всех, и они все погибнут, включая Лопахина. Поэтому в четвертом акте, когда все уезжают, понадобилась какая-то деталь ущербности Лопахина. И Някрошюс, опять-таки вопрос веры в режиссера, говорит, что у него горб, горб в четвертом акте. Какой горб? Не было никакого горба, и вдруг почему-то вырос. Я измучился весь. Я даже высказал ему, что мы, русские артисты, так не можем, что у нас психологический театр, что нам надо оправдать... А он: «Ну, черт его знает, есть грелка?» – принесли из аптеки грелку. «Засунь ее за шиворот». Я засунул, думаю, ну что это такое получилось, зачем? Но потом, когда ты понимаешь, это дорогого стоит. Лопахин с грелкой за шиворотом расстилает поляну – они же уезжают, – и он готовит такой своеобразный банкет, причем такой по-лопахински трогательный, какой-то гриб сорвал, поставил... И я все с этим горбом хожу, и текст там такой: «Холодно сегодня, холодно...», и режиссер говорит: «Все, доставай грелку». Я вынимаю ее и бросаю, она больше не нужна, но вначале 10 минут все видят, что у Лопахина горб, он горбатый. Эта деталь имеет большое значение, это символ.

В финале «Вишневого сада» (тоже ассоциативное режиссерское мышление) все персонажи становятся зайчиками, все, кроме Фирса. Мы все на заднем плане, с ушами. Слышны выстрелы, а мы пригибаемся, увертываемся, все. Почему зайчики, Някрошюса спрашивать бесполезно... но он потом признался, что в детстве, когда он жил в деревне, его отец выходил с ружьем и стрелял в саду зайцев. И вот это его детское впечатление, жуткое, страшное, очень сильное, осталось на всю жизнь и пригодилось в «Вишневом саде», как ощущение финала самой жизни, когда все мы зайчики, и если не успел вернуться от пули...

В финале «Вишневого сада» (тоже ассоциативное режиссерское мышление) все персонажи становятся зайчиками, все, кроме Фирса. Мы все на заднем плане, с ушами. Слышны выстрелы, а мы пригибаемся, увертываемся, все. Почему зайчики, Някрошюса спрашивать бесполезно... но он потом признался, что в детстве, когда он жил в деревне, его отец выходил с ружьем и стрелял в саду зайцев. И вот это его детское впечатление, жуткое, страшное, очень сильное, осталось на всю жизнь и пригодилось в «Вишневом саде», как ощущение финала самой жизни, когда все мы зайчики, и если не успел вернуться от пули...

Что касается «Калигулы», это второй наш спектакль. А. Камю – метафорический автор, философ, символист, поэтому Камю так подходит Някрошюсу. В самом начале, когда мы стали репетировать, я долго не мог понять, кто такой Калигула. Сначала Эймунтас просил читать историю государства российского, про Ивана Грозного, потом сказал, что это вообще Фредди Меркьюри. Я уже привык к сочетанию несочетаемых вещей. Для Някрошюса важно в первую очередь, что Калигула – поэт; поэт, который, обладая властью, пытается, и это не первая попытка в мировой истории, пытается изменить мир, который несправедлив. Но он забывает, что сам он измениться не может, и, став диктатором, он не может изменить свою тонкую натуру, а значит, вместе со своими идеями, он, прежде всего, ставит эксперимент над самим собой. И понимая потом, что пути назад нет, он идет до конца, и это важно для Някрошюса, он говорит «черное», но с достоинством. Декорация выполнена из серого шифера. Шифер – основной материал этого спектакля, а это очень хрупкий материал, и он крошится на спектакле (я режусь постоянно), отражая хрупкость власти. Вообще природа театра Някрошюса – это стихия: огонь, земля, запахи, все имеет большое значение. Язык Някрошюса достаточно понятен в Калигуле.

О постановке Т. Остермайера «Фрекен Жюли». – Томас Остермайер – очень известный западный режиссер, сейчас на волне, уже 10 лет возглавляет «Шаубюне», берлинский драматический театр, после Петера Штайна. Мне всегда нравился Остермайер, что он такой, знаете, «плохой парень» и его какое-то крестьянское прошлое не пиетет ко всему, и к авторам в том числе – он может, образно говоря, в лаптях, в сапогах войти к любому из них. Мне нравилось, что он не по-школьному, а по-своему относится ко всему, и к своей профессии. Я видел его «Гамлета» с потрясающими артистами, и хотел, чтобы он поставил спектакль в «Театре Наций». Его выбор пал на «Фрекен Жюли» А. Стриндберга, но там опять не моя роль. **Я всю жизнь играю не свои роли.** Опять выписана брутальная сущность. «Фрекен Жюли» – это история падения хозяйки и история слуги, который мечтает подняться, вырваться из своего круга. Пьеса адаптирована М. Дурненковым (замечательным современным драматургом). Чулпан Хаматова играет дочку высокопоставленного чиновника с «Рублевки», а я – шофер. Томас настаивал, чтобы сыграл я, хотя я сопротивлялся, но очень хотел, чтобы он поставил спектакль в России, в нашем театре, поэтому согласился. Мне кажется, что Жан (главная мужская роль) в чем-то перекликается с Лопахиным, он переходит человеческую грань, и это трагично. Наша «Фрекен Жюли» – о времени, в котором мы живем.

О своей любимой роли. – Мышкин. Князь Мышкин. Я дольше всего шел к этой роли. В. В. Бортко меня пригласил и сказал: «Ну, кто кроме тебя? Никто. Нет дурачков, дурачков очень мало в этой стране»... в смысле, сыграть. Когда Леша Учитель снимал фильм «Космос как предчувствие», он меня год ждал после Мышкина. Вообще, когда режиссер тебя год ждет – просто нет слов.

Вот сейчас я отказался сниматься у Михалкова в Бунине («Солнечный удар»). Прекрасный материал и прекрасная роль, мне очень хотелось, но я не мог предать друзей, мы с Володей Машковым уже снимались с апреля в другой картине, которая, конечно, в сравнение не идет с таким материалом как Бунин, но Михалков не мог ждать, и я вынужден был отказаться и очень переживал. Михалков – это лучший кинорежиссер, умеющий на сегодняшний день работать с артистами. Нико-

му сейчас нет до артистов дела, времени, денег и т.д. Ты приходишь на площадку, ты должен быть готов. Если вы не научитесь самостоятельно работать, вы пропадете в этой жизни. Никто потом вас растить, поливать не будет. Поэтому Михалков – это редкость большая, как бы его ни ругали, – а судьи кто? Это человек, который тебя открывает заново.

В Мышкине моя индивидуальность мне ничего не давала, ничего не помогало, складывалось только общее представление. Я когда получаю роль, обычно много читаю и смотрю все, что вокруг, я очень люблю это, но с Мышкиным не помогло. Я признался Инне Чуриковой, а она говорит – читай, там все написано, а я уже от корки до корки прочел и – ничего. (Достоевский говорит о собственных мучениях, о поиске веры. Когда я играл самого Федора Михалыча, я

понял, что ему не нужно было выдумывать свои персонажи, что все персонажи – все-все-все – из него самого. Он до самого конца мучился и был раздираем страстями, до самого конца. Ему очень повезло с женой, Анной Григорьевной, и, тем не менее, в конце жизни он едет в Оптину Пустынь, чтобы встретиться с Амвросием Оптинским, поговорить, он собирался написать роман и сомневался.) Так вот, к Мышкину я не мог найти зерно роли, и в первый день страшно провалился на съемочной площадке. Это был один из сильнейших ужасов в моей жизни. И костюм одели, и усы наклеили, и бородку, смотрю в зеркало, – ну, Женя Миронов с бородой и усами и – ни-че-го... Ужас, провал! Бортко в шоке, не того артиста взял, надо снимать с роли... Я не спал семь ночей. Работал. Мне помог Гоша Яцко, наш, саратовский, – оказывается, они с Анатолием Васильевым «Идиота» разбирали, и, не знаю, как, но из этой встречи я уловил сущность Мышкина. Эта *абсолютная правда*, которая у него внутри, она античеловечна, это значит, что так вести себя человек практически не может, это очень сложно. Ведь мы всегда, психологически подходя к роли, отталкиваемся от того, что реакции человека связаны с общепринятыми нормами, если хотите. Мы когда говорим «Здравствуйте», это всего лишь приветствие, а когда Мышкин говорит «Здравствуйте», это значит, что он спрашивает о вашем здоровье, и вы не уйдете, пока не расскажете, это очень важно для него. Его суть-правда мне очень помогла, это не человеческое качество, ведь даже любовь, любовь матери к ребенку, учителя к ученикам – это все равно эгоистическое чувство, мы хотим что-то в ответ, а у Мышкина это отрезано, а так не бывает. Он – инопланетянин, абсолютный ребенок...

В любой роли мне нравится развитие. Роль – это микрокосмос, открытие самого себя через профессию. Если ты открываешь роль своим ключиком, это здорово, это остается во времени, вписывается в тебя, поэтому я вас призываю искать в себе эти открытия. Олег Павлович Табаков часто говорит, что чем больше у артиста штампов, тем лучше артист. Безусловно, штампы существуют, это рельсы, на которые можно встать в какой-то ситуации в спектакле, но я с этим не согласен, этим ты лишаешь самого себя открытий. Если ты честен сам с собой, то

ты всегда не знаешь, как играть, и с самого начала не знаешь, ищешь, и в финале. В роли всегда остаются «белые пятна», о которых говорил Михаил Чехов.

Я не часто к вам захожу, но хочу, чтоб вы знали, что я дорожу этим местом, вами и хочу вам пожелать служить, простите за громкие слова, профессии, и найти в ней большой смысл, в том числе человеческий. Даже если вы потом не станете артистами, не имеет значения, это очень важный человеческий поступок, что вы здесь, что вы отсюда уйдете новыми людьми, я это знаю абсолютно точно. Удачи, терпения, интуиции, слушайте свое сердце, чтобы оно вас не подводило, а если что, я – с вами!

Послесловие. *Удивительно, как щедро Евгений Миронов, этот человек из плоти и крови, раздает себя людям без остатка! Каждый день, каждый час его жизни распisan по минутам. Он успеваеет исполнять обязанности директора московского «Театра Наций», играть спектакли, сниматься в кино, руководить творческими проектами, организовывать театральные фестивали и лаборатории, заботиться о нуждающихся актерах-пенсионерах, давать многочисленные интервью в разных городах и странах, проводить мастер-классы, а недавно попробовал себя и в качестве продюсера. Мало кто задумывается, сколько за всеми его видимыми успехами стоиет непрерывного труда, безграничного самопожертвования, отданных жизненных сил, мучительных сомнений и стремления к постижению Бога.*

*Записала и подготовила материал к публикации
ведущая рубрики **Виктория Алесенкова***

*Фото: Татьяна Цой
г. Саратов*

Ближние зарубежья

ГРУЗИЯ

Разговор о грузинской литературе следует начинать с самого ее начала, которое, увы, рассмотреть не представляется возможным, поскольку ни одного памятника грузинской культуры дохристианского периода, упоминание о которых можно встретить уже в античных источниках, не сохранилось. После принятия христианства в начале IV века Грузия становится одним из центров раннехристианской, довизантийской культуры. Этот этап, представленный сохранившимся агиографическим произведением Якова Цуртавели «Мученичество святой Шушаник», которое датируется первой половиной V века, завершается классическим периодом, приходящимся на XII век – время создания поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Значительная часть памятников грузинской письменности исчезла во время монгольского нашествия XIII века, а последовавшее вторжение и владычество кизил-башей и турок-османов на долгое время приостанавливает развитие грузинской литературы, испытавшей влияние персидской лирики с ее примитивными тематическими и эстетическими клише. В XVIII веке в лице одиночек (Сулхан-Саба Орбелиани, Давид Гурамишвили) происходит стихийный отрыв от ориентально-орнаментальной эстетики в сторону национального содержания и колорита. С присоединением в XIX веке Грузии к России стартует европоцентристский марафон. От внятно прозвучавшего романтизма литература движется к реализму с остро поставленными социальными и психологическими вопросами и духом национального самосознания, через уникальное явление Важды Пшавелы – к символизму и далее к авангарду. Не миновали грузинскую литературу все особенности советского периода и, тем не менее, в послевоенный период и, особенно, с 70-х годов мы наблюдаем живые процессы, характеризующиеся отказом от известной риторичности, социальной смелостью и глубоким психологизмом в прозе и смелым освоением верлибра в поэзии, что предопределило дальнейшие радикальные, по отношению к традиции, шаги, последовавшие за отменой государственного надзора. С 90-х годов грузинская литература обретает новое дыхание, где новая форма органично сочетается с новым содержанием. И инновационные процессы и на сегодняшний день, как представляется, имеют перспективу, уходящую далеко в будущее.

Что касается русской литературы в Грузии, то она до известных исторических словов в отдельную группу не выделялась, хотя осязаемо существовала и имела свои специфические отличия, органично приписывающие ее к традиции классического русского зарубежья, а именно, – определенную верность традиции и некоторый герметизм. Сегодня же полистилистические процессы захватывают и наше «дальнее», в моральном отношении, зарубежье. И все же верность конвенциональному стиху и моральному императиву остается для русской поэзии Грузии очевидной доминантой.

Анна ШАХНАЗАРОВА,

соучредитель и соредактор журнала «АБГ», соредактор «Листка АБГ», соруководитель молодежного литературного объединения «Молот О.К.», переводчик, координатор объединения по переводу, член правления «Ассоциации литераторов АБГ».

ДИАНА АНФИМИАДИ

Диана АНФИМИАДИ – окончила филологический факультет Тбилисского государственного Университета, а в 2006 году – магистратуру по специальности «Общее языковедение». Продолжает учёбу в докторантуре. Лауреат конкурса «Мтени-2000», премий «Церо» (2008) и «Саба» (2009), стипендиат имени Ильи Чавчавадзе (2010). Автор двух поэтических сборников.

УТРО

Утро. Мажу на хлеб
 вчерашний сон.
 В чашке кофе утонули голоса.
 Я, голодный ребёнок,
 облизываю ноябрь на палочке,
 ради тебя
 и ложку лжи съем.
 И вырасту...
 И будут у меня крылья нежные
 из чайных полотенец.
 И горы,
 горы моей кухни.
 Вы верите в сны?

* * *

Этой весной город, правда, идёт мне,
 Как будто на мою фигуру сшитый,
 На губы сладкий клей намазала,
 К уголкам глаз подрисовала тени домов,
 Кокетничаю
 Подогнанными по фигуре
 Песчаными улицами,
 Фонтанами, восковыми домами,
 От самой себя бегу к нему,
 Перепрыгивая через две ступеньки.
 Как комаров, что на лицо мне налетали
 (у озера Паравани)
 И по сей час пищат в моём теле,
 Запираю в моём тихом, уединённом доме людей,
 Которые проходили или пройдут по моей улице.
 Утренний завтрак – друзья на пластмассовой тарелке,
 Ножом и вилкой разделяваю на части чувства,
 предчувствия,
 Бледные улыбки, ладони, растаявшие профили,
 Угощаюсь словами – сыта я и довольна.

И никто не остаётся со мной – все во мне,
 И я глаза крепко зажмурила,
 Ничего не жду, только качаю пустую колыбель
 И шар земной – соломенную качалку моего отца,
 Из сердца на сухую ладонь переписала
 Все сны, все утра, все прикосновения,
 Все куски синего хлеба и стаканы снега
 Песком расстелила у усталых ног младенца Иисуса,
 Песком расстелилась у усталых ног младенца Иисуса.

ПАНДОРА

Температура у тебя.
 Горят леса. Пшеничные поля.
 Землю, как влажную простыню, меняю тебе, потному.
 (И пыль Сахары на склонах Кавкасионии...
 День ото дня мир становится все страннее.)
 Температура у тебя.
 Но капли не осталось
 ни мёда, ни настойки шиповника,
 и даже нет варенья из роз.
 И вспыхнут птичьи гнёзда,
 полопаются яйца,
 и загорятся беличьи хвосты и уши зайцев.
 Температура у тебя.
 И будто вместо одеяла – земля в три слоя.
 А я в любви признаюсь лишь однажды.
 Доказывать же не устану никогда.
 говорю, что люблю я тебя
 говорю, что никто мне не нужен,
 кроме тебя,
 говорю, что нужны мне все,
 кроме тебя
 говорю, что не знаю
 говорю, что 8 утра
 говорю, что кофе
 горячий, как и твои виски
 говорю, сколько мне ложек сахара
 говорю, что завтра я занята
 говорю, не хочу
 говорю, что ты это всё
 говорю, что уже засыпаю
 говорю, что это моя система
 и здесь не поворачивайся
 говорю, что разбился термометр
 но... успокойся

говорю, что завтра не будешь ты кашлять
 говорю, что люблю я тебя
 и открываю тебе свою любовь,
 и открываю закрытые уста свои, и высыпаю
 слова,

вирусы

и серебристые фантики от конфет.

Переводы *Наталии Хнкоян*

СУСАННА АРМЕНЯН

Сусанна АРМЕНЯН – окончила филологический факультет Тбилисского Государственного Университета. Обладатель гран-при конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии (2011). Член редколлегии периодического издания «Лист О.К. АБГ» Ассоциации литераторов «АБГ». Публиковалась в местных и российских литературных изданиях («Вавилон», «Контрабанда», «Литературная газета», «Юность», «Дети Ра» (переводы) и др.) Автор поэтического сборника «у.е.динение» (2010) и книги «Ильяздовский веноч сонетов».

* * *

Ангелу, не прошедшему фейсконтроль,
 не продали таблетки в аптеке,
 нахамили в кондитерской,
 вытолкали из книжного,
 всучили флаер с рекламой кроссовок.

Ангел, потерявший салфетку с номером телефона,
 поднялся на пешеходный мост,
 сверху смотрел на машины,
 сначала с одной стороны, провожая их взглядом,
 потом с другой, следя, как они
 приближаются и исчезают.
 Ангел сказал им: Так будет всегда, спешить не имеет смысла.

С ангелом, не забывающим
 постоянно держать на лице улыбку,
 пыталась завести знакомство некрасивая девушка.
 Ангел сказал: Извини, не плачь, так будет всегда.

Ангелу, заглядывавшему прохожим в глаза,
 подсыпали яд в бумажный стаканчик с чаем,
 выписали штраф за безбилетный проезд,
 предложили бритву вместо конфеты.

Ангелу, столкнувшемуся в коридоре с убийцей,
 минутой раньше защемило крыло
 в дребезжащем лифте.

Ангел сказал: Как же мне всё это надоело!
 Ангел перестал улыбаться,
 на ходу вдел наушники
 и включил плеер.

* * *

а так хотелось исправлять на ходу
 поправлять сбившееся набок
 оглаживать горячими ладонями
 заводить разговор о том о сём
 притоптывать ножкой восклицать
 считать в уме и видеть невидимое
 поднимать предметы в воздух
 усилием воли без всяких фокусов
 приближаться без опаски
 не глядя бросать мандариновую корку с моста
 манерно придуриваться
 жеманно подмигивать без задней мысли
 знать что происходит по ту сторону забора
 дотягиваться вот эдак изогнувшись
 попадать почти не целясь
 уверенно двигаться на голос
 поползать в условиях приближенных к реальным
 ставить ту самую пластинку которая спасет мир
 уходить от преследования и исчезать во мраке
 рассекать волны приходить с туманом
 угадываться как очертания
 запрокидывать голову и хохотать до изнеможения
 доверять собственному чувству равновесия
 упаковывать чемодан в два раза быстрее чем требуется
 позволять себе отвлечься на долю секунды
 никогда не прощать ошибок ни себе ни кому-то еще

* * *

долгий поцелуй в остановившемся лифте
 растаял в воздухе чеширской улыбкой
 гравитация неумолима как судьба
 лет через двадцать вспомним и легко рассмеемся
 ходим по городу таская за собой свои тени
 недобитые привидения опрокинутых деревьев
 всё смешно и неправдоподобно
 но желтый воздух утреннего метро отрезвляет
 лет через двадцать вздохнем и наврем с три короба
 чтобы было из чего лепить стихи

* * *

Какое-то время окурок
 гасить о замшелый кирпич
 знакомого дома, стена
 которого вместе с двумя
 другими сомкнулась в тупик
 типичный, где в мусорном баке
 вчерашняя жизнь догнивала
 жильцов и, возможно, прохожих
 случайных, немногих, и ржавой
 трубой водосточной болел
 тот угол, в котором сейчас
 окажется этот окурок,
 сверкнув напоследок искрой
 оранжевой и бесполезной,
 и сердце в нагрудном кармане
 замрет, потеплеет, как сдача –
 медью и серебром.

* * *

Двадцать лет спустя
 уже не сосчитать,
 сколько кусочков свинца
 затаилось
 в сердцевине
 тбилисских платанов.

МАКВАЛА ГОНАШВИЛИ

Маквала ГОНАШВИЛИ – окончила факультет журналистики Тбилисского государственного университета. Автор сборников поэзии, драматургии, стихотворений и пьес для детей, переводов поэзии разных стран. Председатель СП Грузии. Лауреат премии имени Г. Табидзе (2007) и премии Анны Каландадзе (2008). Произведения переведены на многие языки мира.

ЖЕЛАНИЕ

Занавески белые на окнах,
 Пол рябит ковровой пестротой,
 И рояль подсвеченный не стонет,
 И богат цветами потолок;
 Кольца на перстах и кольца дыма,
 В доме хрустала то звон, то хруст.
 Это ли не повод быть терпимой,
 Верною женой? Какая грусть

Здесь должна терзать, испепеляя?
 Дрёма-жизнь спокойствия полна.
 Счастье несчастливое пинаю –
 Пусть завистник пьёт его до дна.
 Что печалит? Ласточка седая
 На моём балконе гнёзд не вьёт.
 Как весною насморк поспекает,
 Так и грусть бесшумная цветёт.
 Стать желаю деревом-акацией!
 Господи, осыпь шипами стан,
 В белых гроздьях пусть танцует грация,
 Листьями стихи мои оставь.
 Те, что не написаны, как птицы,
 Смолкнут пусть. Дай в комнате расти
 Ёлкой новогодней... Превратиться
 Я б могла в желаний древо. Лих,
 Весел, снова сыт, вернётся муж мой,
 Сняв очки, он будет удивлён.
 Что тут, скажет, дереву-то нужно?
 И задёрнет занавески он,
 Чтоб соседи странность не узрели;
 Ветки сломит, ради веры в явь,
 Сядет с телефоном на постели,
 Номер наберёт...
 О Боже, я
 Стать желаю деревом-акацией!

ЗА ПРОШЛЫМ СЛЕДУЕТ МОЙ ВЗОР

Как приговор, я зиму отбываю,
 Веригами сидит на мне пальто.
 Не думала, что в марте повстречаю
 Тебя совсем не мартовским котом.
 Вопросы, как обычно, односложны:
 Откуда? кто? зачем? и почему?
 Уловки марта ловко кормят ложью,
 Маргует март, как хочется ему.
 А я уже течение сменила,
 Другая страсть во мне рождает дрожь.
 И как тут в рай небесный попадёшь,
 Когда от времени трухою пахнут крылья?
 Летала всюду. Разве было мало
 Страданий на пути? Конца им нет.
 И грязью забытья я замарала
 Все трещины запомнившихся лет.

Умнее стала. Стычек нет с ветрами,
И вещей снов давно не слышу зов.
Но почему так грустно вечерами,
Когда за прошлым следует мой взор?

Переводы *Марины Ламар*

* * *

Что же ты меня бросаешь?
Где, скажи, тебя искать?
Вновь бы голос твой расслышать,
Чтоб из слов – стихи соткать...
Ты молчаньем истязаете.
Как, ответь, тебя вернуть?
Иссякает вдохновенье,
Словно высохшая грудь.
Впрочем, если и родится
Пара строчек – кто прочтёт?
Зря прольётся в пыль земную
Красноречья дивный мёд.
Как беглец, бежит к бумаге
Стих с божественных высот.
Где же вы, кто хоть страницу
В книге той перевернёт?
Потеряло силу слово,
Небеса застлала муть...
Даже проповедь не в силах
Ход событий повернуть.

* * *

Так по чьей же это воле
Вновь судьба со мной играет?
Из горсти зажатой – счастье
По крупицам пропадает...
Обвинять – кого? Усталой,
У кого просить ночлега?

...Одиночество по стенам
Расползётся, как побелка...
Почему я слышу шёпот?
Он недобрый и нечистый,
Он Никто – и Ниоткуда.
Мерзкий шёпот... ненавистный...

Переводы *Сусанны Арменян*

НИКА ДЖОРДЖАНЕЛИ

Ника ДЖОРДЖАНЕЛИ – родился в 1978 году в Тбилиси. Окончил факультет западноевропейских языков и литературы Тбилисского Государственного Университета. Автор трех поэтических сборников, лауреат международной премии «Содружество дебютов» (2008).

ПРОЩАНИЕ С АДАМОМ

Память одолевший, тьму и жалость,
Пусть тебе хоть яблоко даст Бог,
Если все, что от меня осталось, –
Только яблочный переполох.

Хорошо б – женили на похожей,
Разрешила чтоб тебе она
Оглянуться и смотреть до дрожи,
Как я ухожу от вас – одна

Круто вниз – легка, неповторима,
Проклята, распатлана, стара, –
Словно песня твоего, любимый,
Лишнего ребра.

Перевод *Ирины Ермаковой*

ПАМЯТИ ЖИВОГО

Лежишь с телеграммой, которой лет двадцать, в руке,
На той стороне, где потом остановится сердце.
И гвоздь попадет не в ладони, не в стопы тебе.
Прямехонько в лоб тебя ждет попадание это.

И все ж не признаешься: вот он, ничтожный конец.
Античной трагедии суть ты собой усугубил.
И плачешь, порой, как гетера, которую спец
Насильно увез из Европы в бордели Стамбула.

И пара коньков подломилась в мозгу на бегу.
Без света живя, ты глазеешь на свет маяков.
И все все равно: то ли в зеркале видеть тоску,
А то ли взирать на нее из него.

ХОЖДЕНИЕ В ТУМАНЕ

Грусть пространства, и пороша
Все метет. Озяб терновник.
Белый день затерян в прошлом.
Хлопья с неба прошлых хроник.
Глаз в тумане чуть не тонет,
ничего не видя. Праздно
тот туман по полю бродит.
Облакам небесным странно
вниз паденье, страх их ловит.

Раньше – черное да белое.
Нынче белый бег по черному.
Раскрывается бестелое
беспредметье во все стороны.
И окрестности – как съедены.
Дым из труб и трубы сгнули.
Все в один сместились уровни.
Наугад дорога двинулась,
отнимающая силы.

Не смогла посторониться
и исчезла за туманом.
От всего, что здесь случилось,
лишь туман стоит обманом.
И какой страницы явной
здесь писались мемуары?
Где конец, чего начало?
Воля чья писать картины
без мыслительной оправы?

Ни во что не ставить мысли,
тождество пространства с хмарью
утверждая, крест же – с иксом?
Вдруг «я здесь, коль ищешь» с края
дня другого голос. Правда,
здесь ему совсем не место,
в нем лишь скорби созерцаю:
от лица остался пресный
только стертый профиль старый.

Я в тумане, в теле странность,
чем-то схожая с туманом.
Помирись со мной, реальность,
встреть меня у стен окраин,
где мелком или протравой
проявлюсь я ликом бледным.
в свете завтрашней расправы.
Не растягиваю время.
День неподлин, хоть исправно
он приходит, как по схеме.

День, где я еще вдыхаю
этот воздух. Сколь мне веришь,
сам настолько ты реален.
День, прицеливаюсь в тело,
и в тумане то и дело
промахнусь. Зайчонком скачет
под курком, что вмиг созрела
и сошла с ума реальность
от моей стрельбы без цели.

Пламя влажное из завтра.
Завтра ждет, не понимая,
чем я стал в его пространстве.
Жив ли я? И обещает
выход к собственному счастью.
Хочет знать все то же завтра,
спрашивает и пытается,
отчего в обличье странность?
Ждет ответа, улыбаясь.

Сторонятся все дороги
быть моими. Есть одна лишь,
вдоль оврагов, встречу колдобин.
И неспешно и печально,
нехотя, хотя невольно,
тормозя у полустанка,
из тумана наезжают, давят белые вагоны...
если завтра будет завтра и меня живым застанет,
что ж, спасибо, что живой я.

Переводы *Елены Черняевой*

МИХАИЛ ЛЯШЕНКО

Михаил ЛЯШЕНКО (1946) – учился я в институте иностранных языков и в Академии художеств, служил в армии. Член Союза художников СССР (1983). Стихи и культурологические статьи публиковались в российских и грузинских литературных изданиях, в том числе, в коллективных сборниках «Многоликая страна», «В поисках золотого руна», «Новые сны о Грузии», «Музыка русского слова в Тбилиси», «Тому, кто любит стихи»; в альманахах: «Мтацминда», «Мансарда», «Ямская слобода»; в журналах: «Знамя», «Дети Ра», «Футурум ART», «Зинзивер», «Русский клуб», «Альтернатива», «АБГ» и во многих других региональных периодических изданиях. В 2000 году соучреждает и редактирует журнал поэзии «АБГ». В 2005 организовывает при редакции молодежное литературное объединение «Молот О.К.» С ноября 2007-го организатор и руководитель «Ассоциации литераторов АБГ». Грузия. Автор трех стихотворных сборников.

* * *

*Нас много за столом.**Приборы, звезды, свечи.**Б. ПАСТЕРНАК****Из летних записок «Друзьям в Тифлисе». Лето 1936 г.***

Да, так и жил.

В российской хате,
 бывало, – горло перехватит –
 и я, и мы, и Пастернак...
 Мои друзья. И мы в Тбилиси,
 и эти мраморные выси –
 все так: Кура, Навтлуг, башмак...
 Другой порой, в ином году
 мы чачу пили в том же месте –
 да, в Ботаническом саду,
 но без приборов и созвездий,
 а, как придется, из горла.
 Круги голодного орла
 чертило небо.

Пахло снегом,
 опавшей хвоей, теплым хлебом.
 Мы перед небом...

Сквозь ограду
 на лица нам от водопада
 шли ледяные тучи пыли.
 А мы не морщились и пили.

* * *

Жить, окунувшись с головою
в седой простор простого дня,
жить, как рассыпаться золою
по чутким листьям октября,
и по бумаге проскрипеть,
и похрустеть сухим морозом,
поэзию читать, как прозу,
и боль привычную терпеть,
всегда, в любое время года,
жить, отжимать из оды воду,
суть от жеманства отделить,
сюжет в клубок смотать, как нить,
откланяться и дверь прикрыть
вслед за дворянскою культурой,
надменно сжав усталый рот.
Как раз насупился народ,
и где-то льётся пуля-дура.

* * *

Сойди за стертую монету,
где нет ни решки, ни орла,
и оклик водки из горла,
тяжелый, как и должно летом,
закончит сам себя конфетой.
...И если нет нигде, то где-то
и как-то, несомненно, есть
по вертикальному фасету
неразделяемая смесь
не совмещаемых предметов.

* * *

Вода меня огнем прошибла
до перепутанных корней.
Я прежде не знавал огней
такого рьяного пошиба.
Гуляли молнии по сгибу
отметками карандашей
и, завернув за кромку, гибли
как будто гнали их взашей,
этсетера, ну и ваще...

* * *

Раскачивая поперек, вразнос,
 от первых бледных звезд до зрячих слез,
 до первых гроз, до первой зрячей капли,
 до ощущения в гортани теплой пакли,
 до стойбища, до первой встречной сакли
 и до отправки вымысла в обоз
 в горсти сжимал. А все же не донес.
 Поникли лютики, оцепенели злаки,
 в ночную тишь залаяли собаки,
 и отложил резец каменотес.

Но далее – до возраста,
 до первой школьной драки,
 до возгласа, до света, до звезды,
 пока тоскуют кони без узды
 и на горе зимуют мирно раки,
 пока еще не развели мосты,
 пока мы рядом и пока на «ты»,
 открыты кассы, небо и кранты,
 рукой подать до рук и до реки,
 в мгновение затишья до атаки,
 танцуют греки, обнявшись, сиртаки,
 маэстро произносит: Раз-два-три...
 «Так пьющий пламя подавляет крик...»
 А дальше – тишина.

ЛЮДМИЛА ОРАГВЕЛИДЗЕ

Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ – член Союза писателей Грузии, вице-президент «Ассоциации русскоязычных литераторов и деятелей культуры Грузии «Новый современник». Лауреат литературной премии имени Юрия Долгорукого (2010). Победитель чемпионата Балтии по русской поэзии 2012 года. Автор поэтических сборников «Хрупкие звезды» (2000), «За фасадами» (2009) и трех аудиоальбомов авторской песни.

ГЕРДА

Здесь кровли крыш по-прежнему теснятся.
 Здесь шаг по водостоку до соседа...
 О чем грустишь, склоняясь к тонким пальцам,
 Усталая, стареющая Герда?

О том, кто был спасен и вновь потерян,
 Чтоб никогда уже не повториться?..
 Так где же Кай? В каком дворце теперь он
 Сидит у изголовья светской львицы?

Твое окошко в матовых кавычках...
 Что ты хотела там увидеть, Герда?
 Ах, надо избавляться от привычки
 Греть то и дело медные монеты.

Там только выюга воеет под сурдинку
 О том, что всё земное быстротечно,
 Да иногда в танцующих снежинках
 Обманет и исчезнет слово «вечность».

О БУТЫЛКАХ, ВРОДЕ...

Нищий топчется возле подростков, глядит им в затылки.
 Ожидает пустую посуду и, может быть, хлеба...
 Он, конечно, уже посчитал по затылкам бутылки,
 Он, наверное, тоже когда-то заглядывал в небо...

Для кого эти церкви струятся в вечернем тумане?
 Почему – опрокинуты в реку – никак не утонут?
 Если тайна внутри, а вовне не спасается тайна –
 Для кого на фронтоне икона? Снимите икону.

Мы с тобою пройдем и дойдем до пустынной развилки.
 Мы пройдем, как ручьи... как проходит земная морока.
 Не смотри так печально, – бутылки – и в Риме – бутылки...
 Нам они не нужны?
 Значит, все хорошо, слава Богу.

БОГ ДАЛ ТЕБЕ...

Бог дал тебе кормило и весло,
 И опыт предков – плыть, минуя рифы,
 И время – быть любимее Сизифа,
 Которому не очень повезло.

Но раненный гордынею слепых,
 Задул ты Свет, высокое – низринул,
 Отверг весло, гончарный круг и глину,
 Оставил крылья, не коснувшись их.

Давно сменив все знаки на дензнак,
 Ты вопрошаешь громко и беспечно:
 – Скажи, Тебе, имеющему вечность,
 Зачем мольбы и страхи бедолаг?

А звезды улыбаются мечте
 Того, кто закрывается перстами,
 Того, кто кроток, потому что самый
 Любимый остается на кресте.

* * *

Что-то разбудит внезапным толчком;
 То ли раскат отдаленного грома,
 То ли призыв обреченного дома
 С белым фронтоном над средним окном.

И породнясь с путеводной тоской,
 Выйдешь кружить неотчетливым курсом,
 Словно низверженный царь, что вернулся
 В старый дворец потайною тропой.

Бросишься в прошлое, как на редут,
 Тихо шалея от ран и урона;
 Молча простишься с увечным балконом,
 Не удержавшим свою высоту.

И у подъезда, где падь и вода,
 Оцепенеешь и сдашься – поверив:
 Именно так запираются двери,
 Те, что уже не ведут никуда.

ЗВИАД РАТИАНИ

Звиад РАТИАНИ – родился в 1971 году в Тбилиси. Автор книг стихов: «Выдумай меня» (1993), «Урок шептания» (1994), «Карманный воздух» (2000), «Дороги и дни» (2005). Переводил на грузинский язык стихи Т. С. Элиота, Р. М. Рильке, Э. Паунда, К. Сендберга, У. Х. Одена, П. Целана, Т. Хьюза, М. Стренда, Д. Уолкотта, Ш. Хини. Лауреат молодежной премии Союза писателей Грузии (1995, 1998), премии издательства «Ломиси» (1998), премии «Бестселлер» (1999), премии Института Гёте (1999), премии журнала «Арили» (2000) и премии Важа Пшавела. Переводился на русский, азербайджанский, английский, французский и немецкий языки.

БРЕЮСЬ

И – собственному отражению:

Страх твой напрасен.
 Лица своего
 Никогда не узнаю в твоём.

А капелька крови,
Постепенно
Набухающая в мыльной пене,
Никогда нас с тобой не свяжет,
Страх твой напрасен.

Да, напрасен твой страх:
Вовеки не преодолеть
Этой прохладной преграды,
Не дотянуться,
Не вживить себя в твою память.

Но – никогда не замечу твой промах –
Тот смущенный взгляд, за миг до улыбки.

И – страх твой напрасен –
Нам с тобой
Не состариться вместе.

СТОЮ У ОКНА, ЗА ОКНОМ ОСЕНЬ

1

Кровь в моих венах – носитель информации,
В ней закодированы почти десять поколений
Моих предков, и запланировано немного потомков.

Но я все же не знаю, как мне превратить в слова
Мои ощущения, и как жить дальше
С этой, такой осенней, желтизной,
Которая собрала и склеила воедино осколки сомнений
И изрекла: «Глен – начало всему, так пусть же
и теперь всё с него начинается».

2

Доброй вам осени!
Могу я часами просиживать у окна с ощущением,
Что не способен написать ни единой строчки.

Доброй осени, о моя жизнь!
О мое вечно изменчивое и ускользающее,
Неузнаваемое и непознанное существование.

В моих силах просиживать у окна часами,
В моих силах, чтобы осень была там, за окном,
В моих силах, чтобы там, за окном, пригревало солнце.

В моих силах, чтобы вот там проходили три девушки,

И чтобы сжималось сердце от догадки: одна из них –
 Это моя возлюбленная, а вторая девушка –

Моя возлюбленная, а третья – возлюбленная моя,
 И в моих силах – быть не в силах писать иначе.

Могу я, –
 Доброй вам осени! –
 Быть не в силах писать иначе.

Переводы *Сусанны Арменян*

ЖИВУЩИЙ В КАМНЯХ

Мне все уже ясно,
 Ведь и сам подобными мудростями
 Тешил душу свою, но растянулось
 Время собирать камни – я правильно изъясняюсь?
 Да, именно так,

Это время
 Бесконечно, бесстыдно продлилось:
 И собраны все булыжники, вплоть до песчинки,
 И выстроились неприступной оградой
 Вкруг меня,
 И выросли до небес.
 И пусть наступит время разбрасывать камни,
 Но мне не перебросить даже легкого камешка
 через нее.

Я боюсь шелохнуться – чтоб не осыпались
 Собираемые годами глаголющие валуны,
 Не придавила б меня лавина. Сижу, окаменевший.

Я живу созерцанием каждого камня.
 Некоторые мне уже полюбились,
 Но не отважусь признаться.

Перевод *Ады Джилавдаровой*

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ

Владимир САРИШВИЛИ – родился в 1963 г. в Батуми. В 1985 г. окончил факультет русской филологии Тбилисского государственного университета. Доктор филологии, сонетолог. Член Союза писателей Грузии, координатор по международным связям. Член Федерации журналистов Грузии, действительный член Союза переводчиков России, член Союза переводчиков стран СНГ и Балтии, Президент «Ассоциации русскоязычных литераторов и деятелей культуры Грузии «Новый современник». Лауреат Пушкинского конкурса педагогов-русистов СНГ (Москва, 2003), Лауреат Международного конкурса Фонда Ельцина на лучший перевод с национального языка на русский язык в номинации «Мэтр» (Москва, 2008), Лауреат литературной премии имени Юрия Долгорукого (2010). Автор книг: «Стихи. Поэмы. Переводы» (М., 1990); Малая антология «Грузинская поэзия в русских переводах (XIX-XX вв.)» (Тб., 2003); сборников стихотворений «Afterlife» (Тб., 2007), «Осенняя жатва» (поэзия, драматургия) (Тб., 2011), «Лорд Мальборо» (М., 2012); автор-составитель (совместно с Н. Т. Зардалишвили) сборника «Константин Герасимов. Возвращение» (Тб., 2011).

ДОН КИХОТ

Допью остаток жизни я,
Осадок медленно смакую,
Любуясь, как пылится сбруя
Давно уж павшего коня...
Остаток жизни я допью,
Других отрад не зная, кроме
Стихов в сафьяновом альбоме
И гимнов старому копыю.
Я был Отечества щенком,
К сосцам собратьями не пушен,

Жил, обделённый молоком,
Слепым, но всё же всемогущим.
Я подвиг свой вершил в тиши,
Покуда львы делили доли,
И только в мутном алкоголе
Был отдых для моей души.
Служил я правде, как умел,
И кое в чём кумекал прежде.
Теперь – прощальный тост Надежде.
Теперь – покой. Теперь – предел.

СКРИПКА

Застыла. До утра не шелохнётся.
В коробочке томится канифоль.
Изыди, с глаз долой!
Так Шерлок Холмса
Терпеть не мог создатель – Конан Дойль...
А тот ему – богатства, славы, писем,
Жить – не тужить, какое комильфо...
Но раздражался, ибо был зависим
От Шерлок Холмса Артур Конан Дойль...

Изыди, с глаз долой! Огонь в камине
Всё ярче, ярче. Так прощай. Прости.
Восторги лживы. Я – не Паганини.
Теперь семью осталось завести.

ОВЛАДЕНИЕ ПРОЗОЙ

Сонет

Дыханье прерывалось. Частокол
 Неструганых словес вбивался криво.
 Как Робинзон, упрямо, терпеливо
 Искал я попружинистой глагол.

Я отвергал пути старинных школ,
 С упорством школяра совал шкодливо
 Быку-абзацу сахар. Как бодливо
 Он вёл себя, но так и не довёл...

Не закругляясь, действие колобродит,
 Косит портрет, не склеен диалог,
 Посеянное «ratio» не всходит...
 И Бог с ним, право... Да, но с ним ли Бог?

«Слова, слова, слова»... Кто вас находит,
 Тот в море жизни наг и одиноч...

* * *

Стоит закрыть мне глаза, прислушиваясь к захлёбывающемуся сердцу,
 И мир исчезает вокруг – исчезает семья, библиотека,
 Обед, в который недосыпали перцу,
 Загадка личности звонившего мне человека.

Исчезает кресло в министерстве, ненужное абсолютно,
 А с ним весь мир земной с жёлтыми, чёрными, белыми, красными лицами,
 Исчезает всё, как пушечный дым салюта,
 И только сутемень позвякивает вязальными спицами.

* * *

Зачем ты плакала? Особых
 Не видел я на то причин.
 Бесплодный брак тебя озлобил?
 Бездарный муж ожесточил?
 Так ведь бывает и похуже,
 А люди всё-таки живут,
 В галошах прыгают по лужам,
 И водку пьют, и хлеб жуют.
 Тот – век на оперу потратив,
 Теперь вздыхает всякий раз –
 Поклонникам кошачьих свадеб –

До лампочки медовый бас.
 Другой в тюрьму посылки носит
 Пятнадцать лет – и молодцом.
 Такую – если кто-то спросит –
 Он жаждал долю под венцом?
 Ну, хватит плакать. Стынет ужин,
 И ночь известна наизусть.
 Бывает в жизни и похуже.
 Но длится жизнь. И длится пусть.

* * *

Под этим небом дети, клянча,
 Поют под грубую гармонию,
 А в колеснице солнца – кляча,
 Не древний пышногривый конь.
 Уныньем истекают строфы,
 и намекает жизни тон,
 Что уж родился Фаэтон,
 Создатель новой катастрофы.

ЛИЯ СТУРУА

Лия СТУРУА – родилась в 1939 году. Окончила филологический факультет Тбилисского Государственного Университета. Один из лидеров современной грузинской поэзии. Первая книга вышла в свет в 1965 году. Автор многих стихотворных сборников. Лауреат премии имени Галактиона Табидзе и Государственной премии имени Шота Руставели. Литературный консультант в Доме-музее Галактиона Табидзе.

* * *

С понедельником и урочной дорогой
 слился человек:
 у него треугольный флажок
 на мучнистой щеке.
 – У воскресенья в крови –
 это он говорит –
 вертится огненное колесо,
 а понедельник
 черным хлебом доволен.
 Ты предалась роскоши слов –
 ты, которая есть
 черный хлеб
 и молчанье.
 Странный мой спутник –

медью просвечивает гортань
красной медью в тусклой полуде.
– Неужели...
Это я возражаю,
но тогда появляется мать:
изо тьмы погасшего слуха
выплывают глазные яблоки,
чтобы видеть слова моих губ.
И подходит отец
и прощает мне скудную память о нем
и сорняки на могиле.
Мама!

Торжественный сад печали!
Слава богу, твою тишину
не положили на медь –
тогда б мы оглохли –
не разменяли...
Человек-понедельник –
вымпелок на мучнистой щеке –
как? – ля фаччья л'инфарината? –
говорит мне:
– Доброе утро –
понедельник – тяжелый день.

– Добрый день, – говорю.
День вареной картошки,
день уплаты долгов,
день людей,
день молчанья.
Пока я живу,
мама, копится слово твое,
мама – болью и серебром,
доброй тяжестью равное
колокольному гулу...

Перевод *Владимира Леоновича*

СТАРИК

Он стар уже. Недолго жить осталось.
 Недели,
 дни,
 часы –
 какая малость...

Считает их задумчиво старик,
 Но пьет вино и курит.
 Ходит в горы
 И радуется дождю.
 А годы?
 К своим годам старик давно привык.

Ему к лицу неуловимый ветер
 И этот смутный непокойный вечер.
 Сын человека бесконечно горд
 Гармонией седых волос и взгляда
 С порывом бури,
 шелестеньем сада,
 Молчанием в себя ушедших гор.

Как незаметно ищет он покоя
 В соседстве с пожелтевшею листвою,
 Свой возраст от себя скрывая в ней.
 Прилег старик.
 Устал.
 Но сил не жалко...

А деревья стремятся в небо жадно
 И кажутся длиннее и стройней.

Летит листва и падает на землю,
 Последний раз он певчей птице внемлет.
 Не встанет он и не возьмет подъем.
 И руки будут пахнуть не лекарством.
 Не комнатой его,
 не божьим царством,
 А только самосадным табаком.

Он упадет.
 Он ничего не слышит.
 Деревья станут выше,
 станут выше.

Авторизированный перевод *Александра Глезера*

* * *

Как сладок лени мёд в конце войны!
Им приправляю бархатную кашу
Из молока и солнца в синей чаше
Прозрачных сумерек моей вины.

И правду, горькую, как черствый хлеб,
В ней размочив, старательно глотаю.
И, онемев, отчаянно латаю

Прорехами зияющий рассвет.
Но ваши похвалы – все та же брань!
Бог мой, какая золотая грань
Меня от прочих смертных отличает?

И вновь меня спасает терпкость чая,
Овечий сыр, просоленный насквозь,
И «Витязь» мой при свете красных роз.

ОЖИДАНИЕ

Всю зиму деревья меня ненавидят.
Напрасно я брежу зеленым теплом.
Одна я. И сахара сладкий апломб
Мне гадок, а соли святое наитье

Царапает горло, и слово гранитом
Надгробным молчит, и пронизан мой дом
Бессрочным туманом и ветреным льдом.
В нем белый шаг мамы над вазой разбитой.

В нем тени другие, забытые мной,
И черного города облик иной:
По узенькой улочке, солнцем облитой,
Идешь ты. И белый миндаль за спиной.

Переводы *Марии Фарги*

Подборку подготовил *М. Ляшенко*

Окончание следует.

*Послания из XX века
До востребования*

ОЛЬГА ТИХОВСКАЯ

БЕРЕГИНЯ С УЛИЦЫ КИЕВСКОЙ

Направо пойдёшь – в детский сад попадёшь. Налево – в Союз писателей Молдавской Советской Социалистической Республики. Надо только перебраться на другой берег – на чётную сторону улицы Киевской. Ни троллейбусов тут, ни толпы, ни милиционеров. Иди себе не спеша, как переходят вброд неширокую речушку, а потом сворачивай то ли налево, то ли направо. А нам – на нашем нечётном берегу – ни к чему были ни детсадовские качели с песочницами, ни дом этот писательский.

На тихой Киевской у нас был свой мир и свой дом. Особняк, переживший румынскую оккупацию и Великую Отечественную войну. Ворота и – на века – забор каменной кладки, защищавший двор от любопытства неторопливых прохожих. Там – как за крепостной стеной – фруктовые деревья, виноград, розы. А в дальнем конце, у сараев, ещё огородик-пяточок, где зеленела кукурузная рощица и поспевали помидоры – гордость домовитой соседки.

1980-е – Кишинёв – улица Киевская, 141.

И пока стоял этот дом, пока хлопали ворота, скрипел гравий под ногами и звенел колокольчик, привязанный у кухонного окна, – летела, неслась моя одно-разовая юность, обречённая на скорую переплавку во взрослую жизнь. Новую жизнь, где не будет уже ни волшебного двора за крепостной стеной, ни мастерской художницы Валентины Оксён в подвальном этаже старого особняка, ни тихой Киевской...

Очередной девятый вал исторической истерии сметал таблички с названиями наших улиц, мемориальные доски, памятники.

«Киевская» превратилась в улицу «31 августа 1989 года». Наш город – в пространство, наэлектризованное националистической вакханалией.

Вместе с Народным фронтом Молдовы лидеры Союза писателей немало потрудились над **образом врага**, возглавив борьбу против «русских оккупантов» и против... молдавского языка. Эти вдохновенные занятия принесли многообещающие плоды, – государственный закон об отмене молдавского кириллического алфавита и анонимный шедевр из трёх слов: «Чемодан – вокзал – Россия!»

На смену музам явились призраки рабской свободы. Был варварски уничтожен барельеф писателя Анри Барбюса. В наскоро переименованном бывшем Пушкинском парке ожидал решения своей участи памятник Пушкину, установленный в 1885 году на частные пожертвования кишинёвцев.

*«Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они родня по вдохновенью...»*

Символом этого родства, пушкинской цитатой стояли монументы в Аллее классиков молдавской литературы. Дмитрий Кантемир, Николай Милеску-Спафарий, Константин Негруци, Георге Асаки, Ион Крянгэ... Какую невидимую границу охраняли эти *бронзовые солдаты*? В какую даль неведомую смотрели, в то время как их наследники по гусиному перу крушили творческие и политические союзы?

Наследники, одержимые бесами национализма. Вырубаящие топором написанные предками заветы – вековые традиции молдавско-славянского культурного содружества. Наследники, вместившие всю историю своего народа в политическую листовку с призывом громить, разделять и властвовать.

«Единый пламень их волнует...» Пламень междоусобицы. Вечный огонь у могилы брата твоего Авеля.

В доме 141 по бывшей улице Киевской художник и дизайнер Валентина Ивановна Оксён не торопилась собирать чемодан. И не спешила оторваться от Кишинёва. Человек – не пуговица. Не – плохо пришитая пуговица...

Должно быть, крепкими были нити, соединившие Валентину Оксён с нашим родным городом – на какое-то время, на каком-то отрезке жизненного пути. В Кишинёве, где профессиональные дизайнеры были наперечёт, выпускница Харьковского художественно-промышленного института отработывала три года «по распределению», что было обязательно для молодых специалистов, получивших бесплатное высшее образование в любой из пятнадцати советских социалистических республик.

Пролетели обязательные три года. Потом ещё три, потом ещё... Кто удерживал её в Кишинёве? Не призрак же ссыльного Пушкина. Благоприятные условия для профессиональной реализации? Но уже начиналась необъявленная гражданская война. Уже шла сортировка людей на «оккупантов» и «коренных», на «румын, потомков древних римлян» и «молдаван-манкуртов».

Сегодня, с дистанции немалой, я понимаю, что Валентину Оксён удерживали обязательства, несоизмеримые с обстоятельствами того смутного времени. Обязательства духовно богатого человека, наделённого талантом дарения. Чтобы выполнить личную творческую миссию, недостаточно было стать краткосрочной постоянной Кишинёва – ни по распределению, ни по определению.

С её приездом население более чем полумиллионного города увеличилось на одного человека. Для статистики – всего на одну единицу.

Несуетное подвижничество этой *единицы* не зафиксировано в официальных летописях культурной жизни Кишинёва. Это не удивляет. Немало достойных имён исчезло, немало появилось пробелов в коллективной памяти творческой Молдовы – после создания Молдовы независимой.

Сегодня в Союзе дизайнеров не найти документов семинара «Дизайн и дети». Не найти материалов творческих дискуссий, докладов, презентаций. От уникального форума, проходившего с 29 мая по 2 июня 1989 года, осталось несколько рекламных плакатов.

Этот семинар – детище Валентины Оксён и её коллег-единомышленников – собрал в Кишинёве цвет дизайнерского и художественно-педагогического сообщества Советского Союза.

За стенами конференц-зала – молдавская столица в политической лихорадке. Новое варварство, с националистическими лозунгами наперевес, отвоёвывает себе место под солнцем. А здесь – дизайнеры, искусствоведы, художники, педагоги обсуждают философские и практические вопросы воспитания гармоничного человека – гражданина XXI столетия!

Культурный и гуманистический потенциал этого профессионального сообщества не будет реализован. Первый семинар «Дизайн и дети» станет последним – *всесоюзным*. В свежерасчленённом пространстве бывшей советской державы образование и воспитание творческой личности окажутся на периферии общественных интересов. Правители новых независимых государств начнут не с творчества. Начнут – от противного.

Вы против тоталитаризма? – Да! Вы против коммунизма? – Да! Вы против? – Да!

Вы об этом мечтали? – *«Да» и «нет» не говорите, чёрное с белым не носите. Вы поедете на бал?*

Обстоятельства времени и места были едины для всех. Образ действия и маршрут – каждому свой. Лес рубят, щепки летят. Летят, летят... Кто – на бал, кто – на вокзал. Кто – на митинг или погром.

Недуги разной природы – националистический зуд и чемоданное настроение – передавались не только воздушно-капельным путём.

Боевые самолёты военно-воздушных сил Молдовы бомбили... территорию Молдовы. И шли бронетранспортёры по дорогам среди мирных южных садов, среди щедрых на урожай полей. И вели огонь крупнокалиберные пулемёты, миномёты, гранатомёты – по приднестровским селениям, по городу Бендеры.

Убитые, раненые, пропавшие без вести, беженцы – всё это было, было – всего в полутора часах езды от Кишинёва, от нашего мирного дворика с розочками за каменным забором.

Развязав гражданскую войну в Приднестровье, верховные власти независимой Молдовы не спешили признавать свои ошибки, не собирались отвечать за свои преступления. *Urbi et orbi* – городу и миру – они возвещали о мерах по урегулированию «временного вооружённого конфликта».

*«Ложь заволакивает мозг
Тягучей дрёмой хлороформа,
И зыбкой полуправды форма
Течёт и лепится, как воск...»*

Первый Всесоюзный семинар, Кишинев, 29 мая – 2 июня 1989г.

Читали-перечитывали Макса Волошина в доме 141 по бывшей улице Киевской. Читали и собирались в дорогу.

За крепостной стеной всё ещё цвели розы. Тихими были светлые летние вечера во дворе, у старого виноградника.

И звенел колокольчик по каждому из нас...

Эти вечера не уходят из памяти. Уходят люди, и юные их лица смотрят на тебя с чёрно-белых фотографий.

Вот магнитофонная лента с едва различимым, негромким голосом Валентины Оксён. Вот россыпь листочков с моими поспешными записями – вослед беседам, растянувшимся на несколько вечеров и не поместившимся на однуединственную кассету. Вдогонку голосу – карандашные мои каракули. Вряд ли я понимала в полной мере всё, что записывала тогда. Но именно так сохранились – будто подаренные мне *на вырост* – эти вечера на улице Киевской.

Понадобилось немало лет, чтобы стать вровень. Сегодня надоба – сложить воедино и прочесть послание из чемоданных смутных времён.

Послание от художницы-ведуны, сумевшей – поверх злобы дня – разглядеть дорогу к истокам вечного *Добра*.

* * *

– Украинские вышивки, рушники... Для меня это – история моего края, моей жизни. Наследство, которое было утрачено и заново складывается – по крупичам, по ниточке. Его нужно сберечь и понять – как язык, как песню, как душу человеческую.

Всё началось в 1974 году. Полтавская область, десять-двенадцать километров от Сорочинцев и Миргорода. Здесь когда-то проходил Чумацкий шлях. Село Ходки, у реки Хорол. Бывшая дача Короленко. После первого курса института мы приехали сюда на летнюю практику по живописи, рисунку, композиции. Делали по двадцать пять этюдов в день.

Холм у села – охро-серебристого цвета. Небо необычное – глубокое и высокое. Горизонт очень чётко читается за счёт золотой границы холмов. Зелени практически нет. Покинутый хутор. Старый яблоневый сад. Вишни на кладбище.

Однажды утром, накануне праздника Ивана Купалы, мы вышли на этюды. Между золотыми холмами – туман. На Украине очень высокое небо, и, среди холмов, всё слышно так чисто, ясно. Издалека доносилось пение. Женский голос. Ещё вдруг мычание коровы – где-то должна быть хата. Потом звуки – ведро опускали в колодец.

Я пошла на голос и увидела женщину у колодца. Длинная, сухощавая, она набирала воду и напевала песню. Такую песню я слышала впервые. Подошла, поприветствовала и попросила воды. Женщина сказала: «Если будете возвращаться, заходите. Мне будет веселее».

Она жила в хате, окружённой брошенными домами. Все они опустели после выселения и раскулачивания. Места разорённые... Такая горесть охватывала! Просто солнце в заточении. Это было невозможно видеть. Стоит хата, обычная хата – входи и живи, а *человека* нет. После уничтожения хозяев, после раскулачивания никто другой не поселялся в этих оставленных домах.

Когда мы вернулись с этюдов, зашли в хату. На лавке стояла макитра. Женщина готовилась ставить в печь тесто: пекла булки.

А я смотрела на вышитые рушники над образами. «Вижу, тебе это интересно», – сказала хозяйка и подарила мне рубашку с рушником. Ей было девяносто семь лет, и часть вышитых вещей осталась от матери.

Рассматривать вышивки – это как читать, как слушать пение. Символ, цвет, орнамент – не просто всё вдруг сложилось. И эти вещи вышитые не существуют отдельно: они в истории семьи и дома. Рушник вешается на образа. Вся верхняя часть дома – в рушниках. Самый лучший рушник – на образ. И глава семьи сидел под ним. Это как бы начало всего рода. В хате были сени, светлица, другие комнаты. В светлице собирались женщины: здесь пряли, вышивали, пели. Но глава дома сидел под образами, лицом к двери – чтобы встречать каждого гостя.

Дом предстаёт как часть мироздания. Птица на вышивке – хранительница домашнего очага. И понимание этого мира, какие-то важные основы остались в вышивках, на рубашках и рушниках. В них Человек – как живая единица культуры, отражение пейзажа.

На обычном рушнике бывает почти одинаковое количество красного и чёрного. Но на свадебных рушниках и на свадебных рубашках преобладает красный. Рукав, плечо – украшено всё. Ещё были рушники с кружевами. Рушник может быть усеян мелким рисунком – как мерность течения жизни. Может быть и праздничным – как итог чего-то.

А вот крестик – «хитрый» символ. Сплетение нитей – не только крест. Геометрический рисунок в западной и восточной культуре – это как бы шифр, сверхинформация, в которой кодировалось важное духовное начало. В сельских храмах, на некоторых иконах, я видела такой же геометрический орнамент, как на рушниках.

Мир человека, жизнь человека отражает и растительный орнамент, очень пластичный, с крупным рисунком. Раскрытый цветок – на рубашках, особенно на плече и предплечье. Может быть сплетение двух ветвей: единение мужского и женского начала. На свадебном рушнике обязательно присутствуют две пересечённые ветки. Иногда сверху ещё один элемент – птица. Это символическое изображение. Не петух, а птица-хранительница очага, условно петух, но ближе к символу – расписная птица.

Орнамент как символическое стилизованное изображение растений, животных отражал и мужское, и женское начало. Насколько женщина была естественна, не стеснена – настолько это её чувство выливалось в тот же рушник, ту же рубашку. Хотя были, конечно, свои устои, быт, но, тем не менее, она была не скована как женщина. У неё была своя определённая функция. Каждый был на своём месте. И семья жила вместе – на этой общности людей и природы всё держалось.

Если человек нарушит какой-то глубинный закон – не уберёт урожай, – значит, зимой ему просто нечего будет есть. Поленится что-то сделать – грозит голодом. Человек зависел от природы, а природа отдавала всё человеку.

Не было у славян – в укладе семьи – чтобы друг друга истязали. Если чело-

век ценил своё, он ценил и чужое. Если ты жену обидишь, у тебя не будет здоровых детей. Ведь не было повального пьянства на Украине. Если человек связан с землёй, если он хозяин – он же не может так пить!

Человек каждое дерево трогал руками... Не случайно в старинных вышивках – везде непременно растительный орнамент, плюс животные, птицы, плюс какие-то пересечения, сочетания того и другого. Об изображении человека никто и не думал, так как человек себя воспринимал иначе: в сочетании со всем живым.

Земля и солнце – чёрное и красное. Спрашивала я об этом у многих. Именно так объясняют простые люди и даже не задумываются – это для них настолько естественно.

Земля и солнце – то, что нас кормит и поит. Человек поклонялся земле – и открывался солнцу. Жесты поклона – связь с землёй. В украинской культуре красный цвет – женское начало, мягкость, певучесть. А в других культурах красный цвет истолковывается как жестокость.

Я делала этюды в разные времена года и поняла одну особенность. Если найти истоки чёрного именно в земле – как начала, покоя, и красного – как солнца, начала жизни, – то они во всех орнаментах почти равны. Чёрное обычно внизу. Чёрное – основа, из которой всё растёт. А стебель красный – по нему текут соки.

Мне кажется, что белое в вышивке – это условно белое, потому что когда человек выходил на улицу, его встречало небо. И женщина в своих вышитых вещах как бы носила на себе всю среду, которая вокруг.

Я спрашивала у той почти столетней хозяйки в Ходках, а не скучно ли ей жить одной. Она отвечала: «Как же скучно? Я с птицами, животными».

Вот экологическое сознание – оно всегда было у народа. Его просто не надо было выбивать, потому что те люди, которые на земле – и не злы по натуре, – они открыты всему, абсолютно естественно принимают всё.

Безмерность, открытость славянской души – отражение местности, плоскости, открытых степей, где они живут. На Украине ни одно село в долине не встретишь. На вершине холма расположены деревни. Это особенность славянского поселения. И человек, который выбирает для жилья себе верх, вершину чего-то, – у него вообще другой тип мышления.

На Украине так много неба! Звёздные и глубокие вечера. Предвечерье... Как открытая книга – пейзаж. И люди такие же открытые: никто не пропустил нас, студентов-художников, без того, чтобы «пригостить». И слова простые. Они как бы из земли вынуты – как картошка, как огурец, что сорван с грядки. Они даже пахнут – эти слова – именно той средой, в которой человек находится, они привязаны к ней, отражают её цветистость, яркость, пышность, тишину, ощущение полноты. Нет суеты – вот что меня всегда подкупало в этих людях. У них совершенно другой ритм. До сих пор помню тот женский голос в тумане – будто сказка. В песнях украинских так много плавности, широты: речка течёт, солнце «стекает», голоса текут.

Потом я записала у той женщины много песен. Она шутила: «Видите, сколько дорожек ведут в наши Ходки – у нас невесты были очень красивые!»

Песни отражали жизнь, которая не всегда была весёлая. Песни протяжные, отчасти грустные, созвучные пейзажу и местности, характеру людей.

...Ой, не била ж мене мати,
Самі сльози ллються.
Від милого людей нема,
Від нелюба шлються.
Прийди ж, милий, спаси ж мене
Від лютої напасті.
За нелюбом коли буду,
То маю пропасти...

Это очень длинная песня, много в ней куплетов.

Ізродила ж мене мати
В зеленому житі,
Дала ж мені гірку долю.
Ой, як же мені жити?
Ізродила ж мене мати
В зелену неділю,
Дала ж мені гірку долю.
Ой, де ж я її діну?

Пели на вечорницах украинские песни, вышивали, и в вышивке отражалось настроение. Рушник, вышитый девушкой, вешали на забор. И парень мог по рушнику выбрать девушку – на вечорницах. Но чтобы жениться, парень должен был проявить себя. Ведь нет среди стариков никого, кто бы не танцевал. Видела я в сёлах такое не раз. Вот заиграла музыка, просто гармошка и барабан, – а старики и старухи не сидят на месте! Они танцуют, потому что учились этому с детства. Они все – хорошие рассказчики, все пели. И эти традиции из поколения в поколение передавались.

Песенная культура, изобразительная культура – это тот комплекс искусств, о котором мы сейчас говорим и к которому идём. Люди пели, танцевали, работали, занимались всеми искусствами – кто как мог. Если более талантливая семья была – значит, выделялась.

И такая среда помогала ребёнку развиваться, концентрироваться. Особенность подчёркивалась. Об этом писали Тарас Шевченко, Леся Украинка: о разных проявлениях личности. Если ты не смог станцевать, пропеть, поддержать песню – тебя же засмеют. И эта среда толкала на проявление своих особенностей. Человек *про-являлся*. Более способный, с хорошими данными – он всё равно занимал какое-то видное положение. Не случайно говорили: «Відна дівка, гарна дівка». Это не только о красоте внешней. Человек мог проявиться всесторонне – и по силе, и по ловкости, и по красоте.

Человек знал, что если он будет эгоистом, когда он захочет строить дом, к нему никто не придёт помогать. Один вспахать тоже не сможет. Значит, коллективом жили, но это коллектив совсем другого уровня. Как это можно было – унижить другого человека? Конечно, здесь достоинство было.

К этому миру мы сегодня можем прикоснуться только через литературу.

А если проследить, проанализировать песни, вышивки, даже утварь, например, из одного дома, – как бы видишь всю семью, особенность этой маленькой клеточки, ячейки. Утварь, деревянные работы, постройка, лошади – мужское начало. Было чёткое разделение женской и мужской линии, и всё это потом отражалось в характере, во взаимоотношениях.

Тече струмочок,
Чиста водиця,
Куди ти йдеш...
...Кому кохання, кому розлуку,
Мені ж нічого не даєш.
Білу сорочку вишию шовком,
В чисту водицю кину її.
Пливи, сорочко, де ходить милий
Скажи, що я його люблю.

В песнях отражён крестьянский быт – он обобщён, как в сказке, и выступает как символ.

Пливе човен, води повен,
Та все хлюп-хлюп, та все хлюп-хлюп.
Іде козак до дівчини,
Ніженьками туп-туп, ніженьками туп-туп...

Вся жизнь человека – круглый год – как бы зафиксирована в песне. А через песню – раз человек пел и работал – открытая, естественная связь с природой.

Хотя крестьянский быт был очень сложен, в песнях и в орнаментах – отражение гармоничной духовной жизни народа.

Эта гармония и в старинном рукоделии. Можно сделать портрет женщины, глядя на её вышивку. Можно почувствовать, понять суть человека, богатство природы. Вышивка – женское начало. И даже при крестиковом решении – везде очень мягкие очертания. А чёрное – мужское – резкое. Красное, в основном, окружность. Красный цвет как бы стягивает всё пространство. Чёрный – рассекает.

На женщине всё держалось, все отношения внутри семьи, воспитание детей, еда. В жизни своей мужчины как бы шли за женщиной, потому что женщина – это *всё* в доме. Образ мужчины – сила. Мужчины обычно резкие, молчаливые. Они сами в себе – как закрытый дом. Женщина – как открытый дом – и окна нараспашку.

Все женщины, с которыми мы встречались в украинских сёлах, всегда употребляли слово «хозяйин». Они не говорили «человек», но именно «хозяйин». Он мог присутствовать, не присутствовать, – но обед в доме не начинался без мужчины, хозяйина.

Женщина не принимала ни одно решение на семейном совете: она как бы «отзвучивала», озвучивала то, что скажут мужчины. Женская линия и мужская линия дополняли друг друга – как вышивки и утварь.

Мужчина идёт фоном. Казачья работа: сеять, сажать в огороде, в поле. У мужчины был совсем другой труд, другие обязанности. Он совсем иначе воспринимал себя. Мальчика, сына, когда первые жнива, брали на уборку урожая с мужчинами. Ему как бы отдавали свой инструмент – и он уже считался взрослым. Ребёнок через отца, через мать был связан с этим миром. И потому так строго соблюдались взаимосвязи в семье.

Но постепенно – в другой эпохе – мужское начало исчезало. Мужчина уже не играл той роли, которую он играл в семье, семейственности, в начале семьи, в роде.

По ходу времени заметно разрушение вышивки – разрушается структура информации, меняются цвета. Разрушение бытности, семьи как начала общества. Мужчина начисто исчезает из среды. Мужское начало практически ушло.

И по вышивкам – на рушниках, рубашках – тоже можно проследить эту закономерность распада.

Тяжкий труд не облагородил женщину, он её огрубил, размазал. Мир, в котором вышивка была частью быта и частью духовной традиции, – исчез. Это всё потеряно. Для девочек сейчас вышивание – только на уроках труда в школе.

Но совсем другое дело – в доме, когда сидит твоя бабка и вышивает, показывает тебе, или ты при матери это делаешь. Тогда в том, как ты вышиваешь, отразится особенность семьи, твоего очага. В каждой вещи – энергия, биополе. Это та среда, которая по наследству тебе передаётся, тот волшебный шарик, который нужно передать из рук в руки. То есть в тебе – уже особенность рода, особенность родины, *батьківщини*.

Очень интересное украинское слово «дружина» – невеста. Оно есть и в «Слове о полку Игореве», его использует Рерих – «другиня».

Когда приглашали на свадьбу, невеста ходила по селу со своими двумя подружками (приглашения по почте не посылали!). Она должна была посмотреть на человека, поклониться. С утра до вечера невеста ходила и приглашала к себе на свадьбу: *«Просили батько, просила мати, прошу і я – приходьте до нас на весілля»*. Слова очень простые. У нас сейчас ни одно приглашение так не звучит. В этой народной традиции – какой клан, какая семейственность, отражение себя!

Деньги ни на одной свадьбе не швырялись. Подарок готовился именно для этой пары, специально для этой новой семьи.

Ещё в украинских свадебных обычаях очень большое значение имел колокольчик: лошади украшались колокольчиками.

Сам коник сивенький, а грива біла.
 Сподобалась мені, сподобалась мені
 Дівчина мила.
 Не так та дівчина, як її личенько.
 Подай же, дівчино, подай же, гарная,
 На коня рученьку.
 Дівчина підійшла, рученьку подала.
 Ой, краще б я була, ой краще б я була,
 Коханя не знала.
 Кохання, кохання, з вечора до рання.
 Як сонечко зійде, кохання відійде.

Это я записала в Харьковской области. Там рушники более пластичные, рисунки сложнее.

А вот рельефный рисунок на рубашке – принадлежность Полтавской области, где сохранилась память о первоизданном многобожии. Поклонялись природе, поэтому во многих вышивках – отголосок язычества. Полтавская область именно этим и отличается: богатство самой природы, колорит золотистый, много неба.

Можно по песням проследить мотив, мелодию и сравнить, с чем песня связана, соотнести с одеждой, с самим рисунком, с цветом.

Для невесты красное и белое – свадебные цвета. Невестина сорочка вышивалась по плечу до кокетки, декорировалась очень пышно. И каждый элемент костюма символичен. Бусы – намысто – много нитей, от основания шеи вниз. Венок, бусы – замыкание, округлость, связь разных частей. Это символически очень важный элемент. Начало и конец, соединенье всего. Неспроста женщина наряжалась, как букет, отражала изобилие. Она была, как земля, как воплощение своей земли. Цветок, букет, плодородие – это женское начало. Украинская женская одежда очень яркая, пышная. Женщина просто как цветок – она украшалась. И вот песни венчальные так и называются: прощание и украшение невесты. Сами термины забываются, но они идут исконно от земли.

Украина – это венок. Вся земля – как венок. И в нём всё: цветы, ленты, бусы. А женщина в свадебном наряде – олицетворение собственной земли.

Свой наряд, свои вещи, утварь женщина могла передать только своим детям. Если ты неохранишь, что ты передашь своим потомкам?

А наши отцы ничего нам не оставили. Я поняла это, когда была в Германии. Там увидела, как сохраняется и передаётся память о жизни твоей семьи. Одно поколение прожило и оставило другому, следующее – уже на ступеньку выше. У нас же – всё с нуля. Каждое поколение приходит – ноль! И бьёмся об одном и том же.

Исчезло то, что держало уклад славянской, украинской семьи, – род, *батьківщина*. Когда началась коллективизация – как мог человек отдать то, что веками создавала его семья? Взять и снять последнюю сорочку? К этому обобществлению если идти, то естественным путём. И ещё *такое* понятие коллективизации, общезжития исковеркало сознание нескольких поколений: не своё и не чужое, не бережёшь и не отдаёшь. Это – ничьё. И жизнь – не твоя. И не живёшь сам. Это клетка, тюрьма.

Сейчас суета везде. И на территории Украины. Те, кто сегодня сносят памятники, – люди без почвы.

Если нет гармонии, сбивается всё, разрушается. Разорвана связь, а ведь было всё едино.

...В подвальном этаже старого особняка на бывшей улице Киевской слушали песни Александра Галича. Запирали ставни. Укладывали вроде бы невеликий багаж. Рабочие материалы, эскизы, рукописи, книги, рушники.

Вычитание *единицы* из общего числа жителей нашего города было статистически неприметным. Вычитались уже не десятки, не сотни – тысячи единиц. Забавная аббревиатура «ПМЖ» звучала всё чаще: «Уезжаем на ПМЖ...» Мы уезжаем – вы уезжаете – они... В Россию – Израиль – Америку – Германию – Канаду. На постоянное место жительства. На постой. На жизнь. На веки вечные.

Про день и час отъезда Валентины Оксён знали немногие. И никто не мог предвидеть – «какая нам разлука предстоит».

А если бы, если бы... Сколько рук взметнулось бы в прощальном салюте – там, на перроне кишинёвского вокзала! Сколько сопричастных пришли бы пожелать счастливого пути... Врачи и медсестрички, для которых создавалась новая коллекция профессиональной одежды. Художники, модельеры, архитекторы, конструкторы, инженеры, изобретатели – товарищи, со-трудники, соавторы. Журналисты, барды, поэты, актёры, педагоги, студенты, друзья, заказчики, подопечные. Дети из кружков и студий, научившиеся видеть и творить красоту – благодаря художнице Валентине Оксён.

Благо-даря...

Так чем же отдарить несуетную душу, чем «пригостить» труженицу и *невольную* странницу после её кишинёвской вахты...

Взмах распахнутой ладони – однокрылый привет. Просьба освободить вагоны...

«Когда я вернусь...

Ты не смейся, когда я вернусь...»

В тот дом на бывшей улице Киевской никто из нас не вернётся. Сохранив часть фасада, новые владельцы выстроили огромное здание современного банка, едва вместившееся в пределы старого двора, накрывшее стеклянной пирамидой весь участок.

Но есть другой дом. И другой сад – на юге Испании, в Гранаде. Там названия улиц не меняются вот уже который век. Там отгорела своя гражданская война: летели свои щепки и братья убивали братьев. Там до сих пор не найдено последнее пристанище расстрелянного фашистами Федерико Гарсиа Лорки. Нет могилы поэта – есть его родительский дом в саду Святого Винсента. Здесь всё сохранилось так, будто семья вот-вот соберётся вместе, в столовой, за обеденным столом, покрытым вышитой скатертью.

Красное и чёрное, узоры, стежки-крестики. И такой знакомый орнамент. Скатерть, расшитая испанской доньей. И такой знакомый вид из окна. Розы в саду. Виноградная лоза.

Этого не может быть... Это было. Старый особняк на улице Киевской. Стол, и на нём – рушник, вышитый украинской крестьянкой. За окном – розы и виноград, огородик-пятачок. В опустевшей мастерской, на книжной полке – тоненький сборник стихов. Чёрная обложка, золотые буквы: «Федерико Гарсиа Лорка. Избранное».

Не вместился в чемодан...

АЛЕКСАНДР КОЖУХАРЬ

ЛЮБОВЬ...

...Она похожа на всё и ни на что. Быть может это, детская труба-калейдоскоп, внутри которой разноцветные кубики, треугольнички, кругляшки образуют прекрасный узор, переходящий из одного в другой, в третий, четвертый... еще более прекраснейший, еще более дивный, чудный, волшебный... И вот этот узор и есть любовь (!). А все эти кругляшки, треугольнички, квадратики есть некий замысловатый иероглиф, который невозможно прочесть, объяснить, расшифровать, как и любовь. Но как красиво!!!!

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Он приехал в Штаты по приглашению, как специалист, изготавливающий дефектоскопы, определяющие качество и неразрушимость металлов, т.е. он их собирал по чертежам инженеров, – тех пяти человек, которые приехали вместе с ним. И эта делегация профессионалов должна была пять месяцев объяснять американцам технологию производства данных, необходимых приборов. А в день, когда всей группе нужно было улетать, он не явился в аэропорт, не явился в гостиницу, а в его номере нашли записку – «Я остаюсь». И вот уже три месяца, не считая тех пяти, он, Серега, свободно гуляет по Америке, ест гамбургеры и запивает кока-колой. И ему здесь нравится! Нет, «нравится», не то слово. Ему здесь офигительно хорошо! Небоскребы, яркая иллюминация, супермаркеты, в которых есть все, и... и свободно движущиеся люди, которым нет ни до чего и ни до кого, никакого дела. Именно, свободные! О чем так мечтал Серега, то бишь «надышаться, – как не раз говорил он – пропитанным свободой воздухом». И он шел по Нью-Йорку – городу, высоко задрав голову и его потрясло всё. И от этого «всё», и от переполняющего его счастья, с гамбургером и кока-колой в руках, громко, чуть ли не крича, говорил: «You are happy, Серега? Yes, I'm happy, Серега! You are happy, Серега? Yes, I'm happy, Серега! You are happy, Серега? Yes, I'm happy, Серега!»

Отмечая первую годовщину своего пребывания «в раю обетованном», он забрался на небоскреб, и здесь на крыше, откупорив бутылку водки, купленную в одном из «русских» магазинчиков, праздновал свое новое рождение. Рождение, которое отчислялось не как в паспорте – со 2 февраля 1959 года (этот день он пытался не вспоминать вообще), а вот с 25 мая, того самого дня, когда он, Сергей

Иванович Назаров, ступил на эту чудесную землю Великой Америки и был днем рождения его новой жизни. И если бы он знал гимн этой страны, то непременно бы его сейчас спел, расцеловал бы полосато-звездочный флаг, да чего там флаг, – Статую Свободы и ее бы всю облобызал... Это стало традицией – так отмечать 25 мая. Отхлебнув из бутылки, он, как правило, говорил: «С днем рождения, Серега!» Садился на край крыши и глядя, куда-то вдаль затягивал ту самую, любимую когда-то всеми песню, которую каждый вечер, будучи еще пацаном с такими, как и он друзьями, орали на весь двор. «Там, где клен шумит над речной волной, говорили мы о любви с тобой...» Начинал он так тихо, как-бы набирая разбег, а третий куплет – уже во всё горло: «Ни к чему теперь за тобой ходить!..», что казалось вся Америка слышит сейчас только его – Серегу Назарова. Водка заканчивалась, а с ней и праздник.

«С днем рождения, Серега!» – снова говорил он в слух. Но не уходил, а еще долго, молча глядел в ту сторону (почему-то думал, что это именно та сторона), где остался его дом, школа, друзья, родители, двор, где орал песню про клен – бывшая Родина. Серега пытался гнать из памяти ностальгические воспоминания, но они, особенно последнее время, стали все чаще, чаще и яснее являться. Он хотел забыть всё то, что осталось там: вычеркнуть, удалить, стереть. Есть же ЭТО, ЭТО – Настоящее!!! Оно и есть жизнь, и есть Родина, и есть всё!!! То ВСЁ, когда просто улыбаешься в зеркало и в очередной раз говоришь своему отражению и самому себе: «Yes, I'm happy, Серега!»

К вечеру начинал дуть ветер: дымный, зловонный. И дул он, – да, именно с той стороны, где, как и полагал Серега, была та, прошлая Родина. И этот ветер с его противным запахом был так знаком, аж до боли. Возможно именно он, этот ветер, и нес воспоминания. Серега тут же уходил с крыши до следующего дня рождения.

А сегодня снова 25 мая, пятый год новой жизни. Та же крыша небоскреба, где Серега Назаров с бутылкой водки затягивал любимую песню. Да чего-то водка не берёт, да и песня, – как-то не так нынче... не в удовольствие... как-то не так. А тут еще тот мерзкий, холодный, вонючий ветер. И сегодня он не просто дул, он хлестал Серегу по лицу. Да только Сергей Иванович Назаров понимал, что это не ветер его хлещет, а память, которую он все эти пять лет пытался заглушить, растворить, уничтожить, но это, как оказалось, невозможно. Именинник влил в себя остатки водки.

– А! Там где клен шумит над речной волной!.. – Оттолкнулся и полетел... В ту сторону, откуда дул мерзкий ветер, в ту сторону, где было детство, друзья, Родина, двор... и всё то, что когда-то так ненавидел, а сейчас бы не променял ни за что на свете. Он летел домой. Туда, где... Вот и всё.

«БУДЬ ГОТОВ!»

Наше государство сильно напоминает экспериментально-исследовательскую лабораторию, проводящую опыты на живых организмах, т.е. на нас, на людях. И первыми подопытными является та часть населения, у которых барометр достатка не то, что не зашкаливает, а постоянно стоит на нуле, иногда опускаясь в минус. И доказательств такого экспериментаторства предостаточно. Возьмем, к примеру, хотя бы горячую воду, которая исчезает каждый год в летний период времени.

И правильно – зачем летом горячая вода? Летом и так жарко. Однако. Плата за подогрев все равно должна быть внесена в коммунальные платежки, таков закон. И от этого еще никто не умер. Так сказать, и овцы целы (мы), и волки сыты (те, которые). Значит, опыт удался. Испытания на выживание прошли успешно и можно увеличить барьер преодолеваемости «временных» трудностей, препятствий, тягот и лишений. Потихоньку, помаленьку можно, со временем, воду отключить вообще (живут же люди в пустыне – и ничего). Следующим этапом – газ. Потом – электричество... Дальше-больше. А посему, уважаемые граждане, мы должны приучать себя и своих близких быть готовыми ко всему и в любой ситуации оставаться Человеком, горячо любящим свою Родину, свое Государство и их игры. И тогда жизнь (не понятно, – чья?) станет полной чашей! А нам только бы не захлебнуться в ней и доплыть до края. Лаборатория продолжает свои эксперименты. Участвующие в лабораторных испытаниях будут занесены, если не в Книгу Рекордов Гиннеса, то в Красную Книгу наверняка.

НА ТЕАТРЕ

Иван Семенович Якушев, старый артист городского театра, повесился у себя в гримерке на 66-ом году своей жизни. Без записки. Без всяких объяснений. Взял, да и повесился. И не ругался вроде бы ни с кем никогда, не спорил, не ссорился и вот, на тебе, – повесился. Всё это было странно. Он висел в костюме «Зайчика» из сказки, которую сейчас репетировали. Скоро должна была быть премьера, а тут похороны делать надо. Ни родных, ни близких у него не было, поэтому руководство театра отменило все репетиции, и хоронил Ивана Семеновича Якушева коллектив. После похорон в буфете театра устроили поминки. Директор предложил почтить память актера минутой молчания. Все молча постояли, не чокаясь, выпили, а потом, потом говорили, кто о чем: о ближайших гастролях по области, о материале на задник, о прожекторах... Пили, курили, говорили. И тут молодой актер Тимофеев, пьяный, вскочил на стул и закричал: «Быть иль не быть!!!» Все расхохотались. А Тимофеев продолжал: «Вот, Семеныч, как мудака с пролоновой морковкой пропрыгал всю жизнь, так зайчиком и повесился! Скушали Зайчика – Семеныча!!! А? Сволочи!!! Эх!» – и заплакал. «Дайте мне роль Семеныча!!! Дайте! Дайте!!!» Его утащили куда-то. А роль никому не дали. Ее и в пьесе-то не было.

ОБИДА

Бывший генерал Барабанов работал в психушке сторожем. Психушка – Психиатрическая клиника находилась вдали от города на хуторе Максимовщина. Место, в общем-то, тихое... Было воскресенье. Врачи отдыхали. А санитары убежали в клуб в соседнюю деревню на дискотеку. За старшего остался Барабанов. Человек он был угрюмый, неразговорчивый. «Да», «нет» – вот и все его слова. И казалось, ничто на свете не может нарушить спокойствие, которым обладал он. А больные, они и есть больные: кто крикнет, что-то непотребное, кто плюнет в окно, норовя попасть в проходящего... Больные! Барабанов все понимал и не обращал внимания. Но сегодня его задело. Задело! И как-то так... больно.

Больше всего на свете сторож-генерал ненавидел предателей, провокаторов,

дезертиров – на фронте он разбирался с ними сразу, т.е. без суда и следствия. Поэтому слово «provokator», крикнутое каким-то психом в его сторону, очень, ну очень сильно зацепило и кольнуло бывшего генерала. Пытаясь успокоиться он закрыл глаза, а тут, – на тебе, – понеслось в голове, как в кино, да так четко, как наяву вся его житуха-бытуха: и фронт, и День победы, и... В общем, всё и вся. И еще он вспомнил, как горел Рейхстаг... «За Родину! За Сталина!» – говорил он, обливая клинику бензином. Первый этаж с документацией сгорел быстро. Пламя пошло выше. Больные, как могли, подушками, одеялами пытались затушить огонь, но безуспешно. Пламя охватило всё здание. На хуторе Максимовщина наступила «варфоломеевская ночь».

Когда уже всё догорело, Барабанов пошел к реке, умылся. «Ну, что? Что? Кто тут provokator?» – говорил он тихо. Затем, придя домой, достал костюм, надел галстук, почистил яловые сапоги. В последнюю очередь он надел свои медали. У дороги, поймав попутку, добрался до ближайшей почты. Там он дал телеграмму: «Москва. Кремль. 19 июня 1990 год. Главнокомандующему тов. Сталину. Операция прошла успешно. Враг на хуторе Максимовщина разбит. Генерал Барабанов». Женщину, сидевшую по ту сторону почтового окошка очень удивил данный текст и она, было, отложила его в сторону, но, увидев суровое лицо человека в медалях, тут же телеграфировала, да еще под грифом «Срочно».

«ТОЛЬКО ТАК!»

– Ну, что, вляпались со своей перестройкой?! – сказал Георгий Петрович и смачно плюнул. – А лысый хитер оказался! Мы ему: «Михал Сергеич! Михал Сергеич!!», а он закон, бац, о борьбе с пьянством, зараза. Конечно, у самого-то когда хошь есть и сколь хошь есть, и не после двух. Тут километры стоять не надо, налил – и пей себе на здоровье. А о народе ты подумал, гад? А Союз я тебе, вообще, никогда не прощу. Теперь Зинка, блин, за границей живет. Дожили, – «иностранка», блин. Сам-то сейчас в Германии... А вот мы... – он помолчал и добавил, – в ж...

На экране телевизора мелькали кадры о готовящемся юбилее первого и последнего президента СССР. Показывали его молодые годы, годы правления, встречи с народом, выступления на пленумах и съездах... Георгий Петрович не мог спокойно глядеть на эту лысую в очках личность с пятном на голове. Его не то, что злил, его бесил этот некогда любимый всеми человек. И от этого Георгий Петрович стал нервно ходить по комнате, закурил, но, не докурив, потушил папиросу и резко направился в чулан, где среди всякой ерунды, что копилась годами, была одна заветная вещичка – ружье! Раз в году он доставал его и начинался некий ритуал: тщательно чистилась и смазывалась каждая деталь, протирался чехол изнутри и снаружи, пересчитывались патроны и вот, когда работа была окончена, он долго любовался своим оружием. Затем снова зачехлял и прятал в дальний угол чулана. Еще в молодости Георгий с друзьями часто ездил на охоту. Правда, стрелок он был никакой, поэтому все время возвращался без добычи. И хоть его все подкалывали, Георгий не обращал внимания на балаболы, его радовало участие: природа и посиделки у костра под веселые рассказы мужиков. А вот сегодня, достав ружье и патроны, он стал быстро собираться, кое-что побросав в рюкзак, оделся, повесил на плечо зачехленное ружье и, уже в дверях сказал вслух сам

себе: «Убью гада!» Он вышел на трассу. Машин было мало и все они проезжали мимо. Холодный ветер злил. Можно, конечно, было развернуться и пойти обратно, домой. Плюнуть на всю эту затею, но ветер до того разозлил Георгия Петровича, что его уже было не остановить. И он шел, шел по трассе черти куда, чтобы исполнить намеченный приговор. Георгий Петрович идя думал: «А вдруг я и есть тот самый Мессия, посланный наказать зло, наказать за предательство и обман, наказать того, кто сдал свой народ – меня, нас, всех людей, чтоб войти в мировую историю яркой личностью. Того, кто как Мальчиш-Плохиш из Гайдаровской книжки продал всех нас за печенье, халву и варенье... и я его накажу. Зло должно быть наказано!» Георгий Петрович помнил, что посланник явился уничтожить зло словом, без насилия, но он-то, Георгий Петрович, как словом уничтожит зло? Как? И какое это должно быть слово? Он не понимал. И пытаюсь найти себе какое-то оправдание, типа: «Но если слова сейчас не доходят, тогда как? Да только так!..» И уже вслух повторил: «Только так!» И через секунду добавил: «Только так! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» И вот слово «победа» навела его на мысль: «Я ж Георгий. Георгий и победа, равняется – Георгий Победоносец!» И тут он ярко представил себя в образе Георгия Победоносца на коне с копьем, пронзающим змея. А змей-то, вроде бы и змей, но голова у извивающегося гада та самая, – с пятном на лысине. А он, Георгий, все сильнее и сильнее свое копье вонзает в изворотливое тело змея, и зло, которым эта ползучая тварь и является, начинает исчезать. Так, хвост, середина и уже вот, голова и та, – бах! Лопается, как воздушный шар, и только очки на мокром месте. Георгий Победоносец, он же Георгий Петрович, слезит с коня и раздавливает ногой эти очки, как последнюю частичку зла. Втаптывая, втаптывая, втаптывая...

От громкого сигнала фуры, затормозившей за его спиной, Георгий Петрович резко очнулся, но его правая нога все топтала и топтала асфальт, как-то сама по себе, без воли хозяина. «Садись!» – крикнул молодой парень, шофер фуры. Георгий Петрович забрался в кабину и они тронулись.

– На охоту? – спросил водитель.

– Угу.

– По такой погоде?

– Угу.

Видя неразговорчивость пассажира, шофер не стал больше ничего спрашивать, включил радио, где какая-то певица пела непонятно о чем. Георгий Петрович уставился в окно, за которым мелькали поля, деревья, дома, снова поля, мелькала его Родина, Родина, которой его и миллиона людей лишили, Родина, которую отняли, Родина, которую украли...

Редакция «РП» приносит глубокие извинения Александру Кожухарю за искажение текста, допущенное в публикации его миниатюр в № 3(7) за 2012 год. В электронной версии журнала, которая вскоре появится в Интернете, материал выйдет в исходном варианте.

АЛЕКСАНДР КОЖУХАРЬ – автор легендарных телепрограмм «Пошел ты в баню!», «Вот так!», «Клиника», «Накипело» телеканала «НТ», ныне закрытого по политическим мотивам. Печатался в журналах «Горизонт», «Колумна», «Русское поле», в кишинёвских и американских газетах, а также на литпортале «Подлинник». Постоянный автор «РП».

ПЕРЕВОДЫ

«ВАРВАРЫ НАВОДЯТ ПОРЯДОК»
(микроантология поэзии XX века)

НИКИТА СТЭНЕСКУ
(1933-1983)

Мнение литературных критиков и широкой публики счастливо совпадает, когда речь заходит о Никите Стэнеску: он признан не только крупнейшим румынским поэтом XX века, но одним из величайших писателей, творивших когда-либо на румынском языке. В этом нет преувеличений – Стэнеску, безусловно, одно из крупных явлений всей мировой поэзии прошлого века. Лауреат Премии Гердера, посмертно был принят в Румынскую академию.

К В А Д Р И Г А

свистит колесница в полях
 мгновений моих –
 четыре коня, два воина –
 глаза одного – в листве, другого
 глаза – в слезах,
 один сердце свое впереди держит – в конях,
 второй – позади по камням волочит.
 один сжимает вожжи в правой руке,
 второй печаль в объятьях сжимает.
 один несгибаем с оружием,
 другой – с воспоминаниями.

свистит колесница в полях
 мгновений моих –
 четыре коня, два воина.
 один свою жизнь держит в орлах,
 другой – в опрокинутых колёсах,

и кони несутся,
 пока мордами не прорвут мгновение,
 и бегут во вне, бегут во вне,
 и исчезают.

ИОН КАРАЙОН
(1923-1986)

Один из крупнейших и самых противоречивых румынских поэтов, редчайший эссеист и крупный переводчик второй половины XX века, чья впечатляющая биография, вероятно, не меньшее произведение искусства, чем его писательское наследие. Почти десятилетнее (в общей сложности) пребывание в самых страшных румынских тюрьмах по политическим мотивам (более того – его приговорили к смертной казни в 1958 г.), всё это вперемежку с престижнейшими литературными премиями (например, премия М. Эминеску 1966 г.) и массой поэтических книг, эссе и переводов, и реноме виднейшего румынского интеллектуала 70-х годов. Ключ к этим парадоксам, казалось бы, заключался в обнародованном в начале 90-х факте: с 1964 г. Карайон стал осведомителем тайной полиции. Но не все так просто: в 1981 г. под сильнейшим давлением власти Чаушеску Карайон вынужден был эмигрировать в Швейцарию с семьёй, где и умер в 1986 г.

Для перевода (вольного) выбрано, пожалуй, наименее типичное для Карайона стихотворение, по которому можно судить не столько об известном облике поэта, сколько о том, каким бы поэтом он мог стать.

ВАРВАРЫ НАВОДЯТ ПОРЯДОК И В ГОРОДЕ ВЫПАЛ СНЕГ

(вольный перевод с румынского)

он несётся из кухни как ложка
 уходит в сад как сверчок
 впадает в раздумья как гравюра
 собирает знаки как ворожба
 портит молоко и время, природу и очертания
 смотрит на солнце как цапля
 восторгаясь горами как садист
 проникает в облака как лампа
 на каждый шорох вздрагивает как
 молчит как пустой пиджак
 расстраивает время как реплика невпапад
 орёт из пещер матом
 блюёт кобальтом и историей
 исчезает как гримаса, как снежинка
 набрасывается на сердечии или динары как нумизмат
 царапает как лазер планеты
 засыпает в росе

однажды августовским днём он растягивается на траве
 затем август ступает в сентябрь
 и трава ступает в великое онемение
 так, что добирается поздно в тот век

когда он уходил варвары продолжали приходить
 по возвращении вернулись вместе
 варвары цивилизовались он одичал
 варвары знали дорогу он позабыл

тьма велика. карты мира малы.
 у них кошка – это кошка, а солдат – это солдат.
 у варваров нет кошек.
 куда? вопрошали его страны, в которых смеркалось.
 «я победил. зеваю и толстею».
 толстел. ходил воздушными шагами.
 вздыхал, как маньяки земли.

ЛЕОНАРД ТУКИЛАТУ (1951-1975)

Нелегко объяснить место Леонарда Тукилату в молдавской и румынской поэзии русскому читателю. Тем более что стихи его не осознаны и почти подзабыты и в его родной литературе.

Поэт всегда несравним, но о Леонарде можно было бы сказать: он – как Лермонтов и Рембо в одном лице. С Лермонтовым его роднит величие духа и трагическая судьба, а также титаническая (или почти библейская) «схватка с Богом», к которой он так близко подошел в своих последних стихах. С Рембо – род гениальности, отрешенной от какой бы то ни было литературицины, полная отвязность от каких бы то ни было канонов и шаблонов, шаг в полную неизвестность, в космическую бездну, где всему нужно дать имена – не столько заново, сколько в последний раз.

Осмелюсь высказать личное мнение: кроме Эминеску, молдавскую-румынскую поэзию посетил еще один гений – Леонард. Но вещи устроены так, что Утренняя Звезда ближе пространственно, чем Звезда Полярная, – этот неподвижный и непостижимый центр всего небосвода.

Но, как и благородство его стиха, гениальность Леонарда вместе с тем классична и согласуется с Шопенгауэровым различием таланта как того, кто попадает в цель, недоступную для обычного человека, а гения – как того, кто попадает в цель, невидимую для обычного человека.

Еще одна параллель с Лермонтовым: молдавские поэты прилюдно клянутся в любви к Эминеску, так же как русские – в любви к Пушкину. Но «для себя» любят – одни Лермонтова, другие – Тукилату, уязвляясь непостижимостью великого сквозняка из его стихов, распахнутых в Бесконечность.

Трагическая судьба Леонарда – громоотвод для молдавской культуры, чьей верой стала родная речь. Язык – это солнце, к которому тянется крона самосознания. Но полное осуществление себя только в языке иссушает кровь. А в стихах и прозе Тукилату спасены и корни и почва: имя им – безмолвие и изначальная воля Неназванного.

Поэзия его происходит не от немецких экспрессионистов, а от беспощадного зенита времен конца 60-х – начала 70-х над южной землёй. Нет необходимости объяснять его непохожесть влияниями Траля и Рильке: Леонард родился поэтом такого величия и с такой незамутненной связью с Духом, что единственным влиянием мог быть плавящийся в мареве сдвиг времен, повсеместно происходивший на пла-

нете в начале 70-х. Стихи его так же безупречно отразили грозное величие этой третины в старом небе, как и романы Берроуза и песни «Дорз», песни Высоцкого и Дженис Джоплин, книги Маркеса и Кастанеды.

Переводить Леонардо адски больно. Как совершенно точно заметил критик И. Папук: «Его поэзия – как рубаха героя, прилипшая к живому сгустку крови, его невозможно коснуться, не вызвав страданий плоти живой».

В переводах почти утрачивается божественная, как раньше говорили, музыка его стиха (несмотря на то, что писал он в основном верлибр). Стихи Леонардо пронизаны мусульманским или исихастским звучанием одной, но безошибочной ноты, – это голос Зова. Время его поэзии только начинается: его стих удивительно современен – холодная пронзительность красок (чёрного и древнего золота), величественное отсутствие «сластей», безжалостная расправа над поверхностной ложью повседневности, и – далекий-далекий, недостижимый чистейший свет.

«Пойдем домой, пойдем домой» – строка, на зов которой растет уже второе поколение молдавских поэтов. Растет вдаль, ввысь, в бесконечность, потому что тот дом, куда позвал Леонард – не здесь, не здесь, но он и есть наш настоящий бесконечный дом.

ТЕБЕ

Собери всё, что тебе еще осталось,
и вали отсюда.
Иди домой
один,
стучи каблуками сточенными
по камням, уложенным так же жестко,
как и на любой другой
улице города,
всегда негостеприимного,
угловатого, холодного.
Уходи,
иначе так до конца
и будут смотреть на тебя
обиженные окна,
запыленные злобой.

Возьми с собой и тень,
чующую свет,
и на своих двоих уйди, чтобы я не помнил
уходящий лоб.
Для всех нас есть закон –
идти домой,
туда, откуда мы пришли –
меж пальцев невесомый чернозем
и крик радости.

Возьми все, что тебе еще осталось,
 и иди,
 и прости, если можешь, уход,
 и прости другим цепляние
 напрасное за встречу
 утра
 и за то, что больше нигде будет прятаться.
 Возьми все, что тебе осталось,
 и вали,
 потому что по лестницам своим
 спускается солнце,
 и будет поздно,
 и спадет сон,
 и будет поздно,
 будет поздно!
 И ты падешь здесь, забыв себя.
 Возьми все, что тебе осталось,
 и вали, вали!

* * *

в необъятности зелёной света
 ни шороха больше
 ни поражающей правильности
 ни хаоса упорядоченного
 ничего
 только головокружительное безмолвие
 волн разбивающихся без шума

ХУАН РАМОН ХИМЕНЕС
(1881-1958)

Великий испанский поэт, лауреат Нобелевской премии, не нуждается в представлении. Ограничимся только одним замечанием – переводить Хименеса можно и нужно вечно. И всегда нам будет открываться совершенно неизвестный нам до этого поэт. Из книги «Реки, которые не возвращаются».

О СНЕГЕ

...её взвешенная стройность проступала
 и в здешнем мире, и дальше – будто бы навеки,
 и взгляд её зелёных родников
 с водою сплошь из солнца,
 и точность скул, впадающих в покой,

и углубление рта, и волосы её
 – то дымно-золотые, то чёрные в другие дни, –
 и волосы её, уже объятые единственным их смыслом,
 и руки милые её, – они во всё вникали и днём, и ночью,
 особенно в мою машинку пишущую, в ручку, карандаш,
 и...

и всё мне говорило: она твоя – случайно!

и на мою удачу вечность отсрочилась,
 и она явилась из другого входа в тоннеле смысла,
 и довелось и мне увидеть
 солнце красное
 в снегу...

О СНЕГЕ

(вариант)

...и красоты её решимость я лишь в затмении узнал:
 ей словно было суждено пробыть со мной лишь день,
 и именно об этом она мне говорила гармонией безмерной Вечности.

...и о снеге, по которому ступает она так
 во время юности моей, затем со мною,
 а теперь – без юности и без меня...

ТО, ЧТО Я МОГУ СЛЫШАТЬ

эта точная тишина, –
 присутствие той, что вечна,
 и чья такая близкая тяжесть
 обагрывает пробуждённые чаши моего сна,

это полное соединение,
 лёгкое веское касание загадки
 томящей, – высекает из меня искры,
 освещая её тайну или мою тайну.

этот ответ единственный,
 звучание которого меня отдаляет... звучание этих губ,
 которых касаюсь, но которые не могут
 сказать мне то, что я могу слышать...

«И ЯЗЫК ОГНЯ, – ЧТОБЫ ЗАКОНЧИТЬ, – ДА, ПОЭТЫ?»

Не под землёй наша смерть, –
она нас убивает при полном свете,
мы умираем здесь, в этом свете –
на его золочёных кронах.

Смерть заставляет нас жить
в глубокой и полной тени
молодых древесных корней.

Мы не были теми, кто мы сегодня.

НИКОЛАЕ ПОПА
(родился в 1959 г.)

Один из наиболее талантливых и – не побоимся этого слова – крупных современных молдавских поэтов и прозаиков, лауреат многих литературных премий.

ВЫ

Никто не навещает Вас.
У Вас большой мозг и большой лоб.
Вы много едите и много думаете.
Предпочитаете сырые яйца через соломинку.
В детстве у Вас были вши, и теперь,
когда чему-то случается прийти в голову,
Вы немедленно ощупываете макушку –
удостовериться, что все произошло внутри.

Чтение не портит цвет Вашего лица
и вообще Вас не портит. Струйки пота
нависают на Ваши глаза, как у других
нависает челка. Вам это идет,
но никто не заходит к Вам.
Ванну Вы принимаете в темноте, и вот так –
в воде и в темноте –
случается, что Вас пугает
Ваш член –
известно! Все известно! И что в женщинах
Вам нравятся лишь родинки.
Вы и женаты были некогда на коже,
которая предоставила Вам родинку свою –
ту точку милую, что не отстала
без крови от белизны кожи.

Впрочем, Вы человек не кровожадный, и когда
идете гулять, любите, чтоб птицы пели для Вас.

МАРИУС ЯНУШ
(родился в 1975 г.)

Самый крупный литературный скандал в Румынии несколько лет назад спровоцировал своей поэмой «Румыния» 25-летний Мариус Януш. По инициативе группы разъяренных граждан Америки, бывших румын, поэта всерьез собирались лишить румынского гражданства и объявить персоной нон-грата – за очернение образа Румынии.

«Ужасный ребенок» нового поколения румынских литераторов, поколения, «судьбой которого, видимо, станет радикальное и длительное обновление отечественного лиризма», Мариус дал повод критикам назвать несколько последних лет румынской поэзии «Взрывом Януш».

«Анархистский манифест и другие переломы. Конспиративная книга» – первая книга «неудобного поэта», до этого публиковавшегося только в антологиях («Окна», 1998; «40238 TescaŃi», 2000), в периодике и в самиздате («Туалетная бумага», 1999).

Литературное течение, к которому относит себя Януш, называется «фрактуризм». Что на русский адекватней всего было бы перевести словом «переломизм», где «перелом» имеет буквальное, а не переносное значение.

Поэтику Мариуса Януша я рискнул бы назвать радикальным панк-эксгибиционизмом. Степень радикальности его стихов понятна тем, кто знаком со слащавой и цветистой масскультурой этой балканской страны.

В румынском языке, как в итальянском, рифмуется все и вся. В поэме «Румыния» страна запечатлена в начале 00-х годов, когда прекрасная земля и люди оказались с головой в буйном и гротескном вареве американизируемой аграрной страны вскоре после самой свежей и громкой революции в Европе. Никогда не умолкающие разговоры иных культур – мадьярской, турецкой, цыганской, еврейской и многих славянских. Вечный призрак нищеты на раскаленных бухарестских улицах.

И летом – на улицах всех городов – такой же вечный сладковатый запах перезревших плодов, золотой пыли, мочи и озоновых порывов горных ветров. Поэма «Румыния» не соответствует формату этого журнала, и не в последнюю очередь из-за обилия арго, а жаль.

Эта страна отдала миру Бранкузи, Тристана Тцару, Аргези, Элиаде, Ионеско, Чорана, Стэнеску.

ПОЭЗИЯ

Два воробья выклеивают глаза друг другу уборщица с головой
в унитазе прямая как свечка кто-то ее хватает
за икры как вантус
Это не стихи Кому хочется поэзии
идите в кино
В стихах Януш ходит в парк и
Кормит там голубей

ХАЙКУ

Тюльпаны красные
в ведрах стоят
с разбитой головой.
стронулся ли ум?

«BUCAREST SOIR»*

Когда я сейчас доедаю
последний кусочек хлеба
который у меня оставался
когда думаю как
я прождал Габи два часа
на остановке потому что не было сигарет
а он не пришел и сигарет у меня нет
и я погадал на Таро
ни с того ни с сего
выйдет ли у меня
этот текст
я антипоэт,
самый антивеликий антипоэт
когда думаю об отороженности Магды
с которой когда-то на Таро мне выпали хорошие пути
и думаю: и она найдет себе
мотылька как
нашла и для Анки в постели которой
ты спал ты думал –
когда подумую об этом
хочется и теперь головой
биться об стены
от радости

* «Вечерний Бухарест» – фр.

ДУМИТРУ КРУДУ
(родился в 1967 г.)

Ныне едва ли не самый известный из молдавских драматургов нового поколения, а так же автор романа «Бойня в Грузии» и нескольких книг прозы, Круду начинал как поэт и – что бывает крайне редко – не перестал быть прекрасным поэтом, в чем не оставляет сомнений его недавно вышедшая книга стихов, вернее – поэма (поэма в том же роде, как и «Москва-Петушки») – «Шарфы в небе» («Eşarfe on cer»). Его стихи – чистой воды волшебство в духе «когда б вы знали, из какого сора». То, что делает Думитру – кажется невозможным: состав его поэтической речи – пыль и грязь любой и каждой дороги, по которой ходят все. Но в магнетическом поле его дара этот сор завихряется в течения, закадровые гольфстримы, устремляясь к живой жизни под многими звездами.

Думитру стал причиной радикального обновления румынского поэтического языка не в меньшей, если не в большей степени, чем его друг Мариус Януш, с которым они вместе некогда провозгласили манифест фрактуризма (который у Круду больше трансформировался в антиметафорический минимализм).

ДИМИТРИЙ ВОПРОШАЕТ

скатерти
приподнимаются
как и юбки девушек
ветер поддувает
заворачивает на стол
бутылки бокалы
звякают
юный поэт
пьет пиво
несколько взрослых
в уголке
а когда вы обычно
пишите
спрашивает
димитрий
утром вечером
пиво шипит
на столе
женщина слушает
ветер дует
у меня
утром
не получается
знаете
кто-нибудь рядом
знаете
отвечает один из них

АЛЕКСАНДРУ ВАКУЛОВСКИ
(родился в 1978 г.)

Один из самых известных поэтов, прозаиков и блогеров из «молодого поколения» бессарабских литераторов. Несвято место пусто не бывает – и Александр некоторое время побыл «ужасным ребенком» новой бессарабской литературы. Провокационная и беспрецедентно жесткая (для румынской литературы) манера его прозы, обилие обсценной лексики, – несколько в духе раннего Сорокина, вкупе с вкусом к медиатизированным социальным скандалам (например, по поводу получения А. Вакуловским румынского гражданства) не преминули привлечь к нему внимание румынской и местной критики. С его легкой руки румынская литература значительно расширила свой лексический диапазон. Мало того – благодаря его самому скандальному роману с неудобным для столь приличного журнала названием – но мы приводим его здесь на румынском – так, роман называется «PIZDET» – и вот это самое русское слово действительно вошло в повседневный молодежный (и не только язык) в Румынии.

А. Вакуловски и его брат Михай Вакуловски (издатель журнала «Tiuk!», «тюк!») взят из миниатюры Хармса) одними из первых стали активно и даже агрессивно позиционироваться в оказавшейся труднодоступной литературной румынской жизни именно как бессарабские писатели, не пытаясь слиться в экстазе с румынским мейнстримом, в отличие от многих других молдавских писателей.

Как бы там ни было, Александру – по-прежнему один из самых многообещающих писателей новой волны и тонкий поэт.

СМЕРТЬ ПОЭМЫ

*«Ты кровь от крови нашей, плоть от нашей плоти.
Все, что мы делаем – во благо тебе.»*

«Все что ни делается – делается к лучшему.»

мама растёт
в матке бабушки
я умираю

снаружи дом казался обычным Нам всем был виден только Отец Я знал что у него есть еще сыновья но понятия не имел сколько их Рядом с Отцом отсутствовала Мама По городу поползли о ней слухи Никто и представить не мог что Мама просто-напросто не существует или ее больше нет

и тогда
я вошел
в дом
Я знал что Они
знали я должен
прийти
Пёс была на привязи

Он перегрыз цепь и кинулся
встречать меня

Мать ваша
умерла
из-за вас
вы умрёте за меня
молитесь
чтобы я не умер
и будете и вы живы

Я бросил сумки на пол В доме было тихо Я постучал в двери и вышла мама Как обычно она распереживалась как сильно я похудел ведь я хороший умный парень но без счастья Тогда вышел отец

Мы умирать не хотели Отец доставал для нас всё и сигареты и женщин Сигареты кончались Женщины уходили и тогда мы хотели смерти Отца Отец появлялся с ножом и мы умоляли не убивать нас

тогда вышел отец
пожал мне руку
сел
показывая
что дистанция между
отцом и сыном
никогда не исчезнет

Нас было много и мы не знали как нас зовут Поэтому одиночество было для нас одинаковым Никто не заботился о том чтобы думать вслух Мы ели ту же еду пользовали тех же женщин курили те же сигареты Наши мысли были у нашего Отца Иногда казалось что смерть – это Мама Мама умерла и мы не понимали почему жив Отец Если Мама мертва как умрет Отец? В нашей жизни не будет смысла если мы не увидим мёртвым Отца

я привел маленькую собаку
которую отец
не сможет привязать
никогда
отец отправил меня спать
завтра я тебя разбужу рано

сегодня отец сказал
давай каждый напишет
об этой розе
и потом сравним стихи
Не хочу я ответил
лучше напишу
о тебе

утром отец трезв утром отец просит мои стихи Читает говорит молодец Спрашивает какие книги я привез мы говорили о литературе Вечером отец рассказывает мне историю семьи от истоков до наших дней Говорит что я похож на мою мать что стихи мои очень плохие что у меня нет твердости характера и что я таким и останусь на всю жизнь если не выкину строчки которые не нравятся ему отец притворяется что спит лишь бы увидеть что я делаю мама спрашивает соседок как там я поживаю

отец сказал давай
 просыпайся
 крикнул
 но никто ему не ответил
 тогда отец вошел
 в дом

и мама вошла в дом Отмыла полы от крови отругала отца за грязь Возьми лопату и Выкопай яму Он наш сын Мы любим его и должны похоронить как сына Мы любили Отца он любил нас Отец был один и мы были одни Отец убивал нас и мы убивали Отца

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Когда видишь летящую в облаках птицу, хочется чтобы птица стала твоей. Убиваешь, чтобы она стал твоей.

2. У поэмы было все. Были руки, ноги, матка и пенис, отец и мать. Отец убивал мать убивала отца. Мать и отец убивали сына. Если вы никогда не чувствовали СМЕРТЬ ПОЭМЫ, значит вы никогда ничего не чувствовали.

АУРЕЛИЯ БОРЗИН
 (родилась в 1984 г.)

Лауреат трех литературных премий за книги стихов, вышедшие в 2003 и 2007 году.

ЗАБОР

хороший с братом своим жили как две половинки ореха
 даже когда первый женился
 и поднял дом рядом с родительским все так же одним орехом были
 его огород тянулся вдоль
 кукурузного поля брата
 доски крыши его дома касалась плечом черепицы второго дома
 а однажды хороший обнаружил что и ядро ореха – плод жены своей –
 они пробуют тоже вместе
 шел 1940 год

когда война разделила не только европу на «наших»
и «врагов народа»

хороший посадил ряд яблонь на границе двух садов
такой забор их разделил
и чем выше становились деревья росло и его одиночество
его жена только его
если бы не пришла осень с ее долгими ночами
когда его брат украдкой рвал яблоки
свисавшие в сад хорошего
а хороший рвал те что были с другой стороны
один говорил что он посадил яблони
второй – что ветви свисают больше
в его сад
и у него есть все права

когда мой отец много лет женатый
пытался несколько раз
срубить деревья
хороший воспротивился с бешенством
потому что не помнил что ел вчера
а то что случилось 40 лет назад очень хорошо помнил

всю историю я узнала когда была отличницей в первом классе
отец бил и бил топором по стволам деревьев
своего рода падение берлинской стены
я собирала сухие сучья только это осталось
после смерти хорошего только засохшее подобие забора
воспоминания потрясающе красивой женщины
и пустоты второй половины ореха

*Составитель подборки,
переводчик и автор комментариев **Олег Панфил***

ДЕТЯМ

Арысь-поле

СЕРГЕЙ ТКАЧ

ЛАГУНА СЕМИ ЦВЕТОВ. СКАЗКА ЖЕМЧУЖНОГО МОРЯ

Это случилось на самом дне Жемчужного моря. В один прекрасный день крохотная цветастая рыбка решила полюбоваться восходящим солнцем, да так засмотрелась, что прислонилась к ракушке, лежащей на дне. Ракушка была старой и рассыпалась на множество песчинок. Все они были разной формы и цвета, как и их соседки, живущие на глубине. А одна оказалась совершенно необычной, круглой как маковое зернышко и прозрачной. От удивления солнечный лучик остановился, затем закружился вокруг песчинки и прикоснулся к ней. И она загорелась как маленькое солнышко. Потом громко чихнула и ожила. Солнечный лучик засмеялся и побежал дальше своей дорогой, а песчинка с удивлением стала рассматривать окружающий ее мир.

Песчинки, обитающие на морском дне – ужасные болтушки. Ночью они, конечно, спят. Но когда приходит утро, вода наполняется едва уловимым, тончайшим перезвоном. Песчинки стрекочут, как кузнечики в ночи, рассказывая друг другу свои бесконечные истории. Морские волны собирают все эти звуки, несут их и выплескивают на берег. Так они разговаривают с берегом. Иногда громче, иногда тише. Но никогда не бывает, чтобы волны молчали. Потому что песчинки беседуют друг с другом, не умолкая. Некоторые истории записывают круглые морские раковины.

Если приложить их к ушку, то многое можно разобрать. Но для этого надо знать язык морских песчинок...

В такое трудно поверить, но у каждой песчинки своя, непохожая судьба. Кто-то давным-давно жил в горах, а кто-то в пустыне. Кого-то принесла бурная река, а кто-то был частичкой величественного дворца и навидался за свою жизнь такого, что ни один сказочник не придумает. Все, что произошло когда-то на свете, хранят в своей памяти крохотные живые песчинки...

Поскольку Круглая Песчинка только родилась, и рассказать ей пока было нечего, она дни напролет все слушала и слушала истории других.

И вот однажды она заметила, что ее соседки повторяют то, что однажды уже рассказали.

Круглая песчинка поняла, что теперь надо свое внимание обратить на что-то другое.

И тогда она стала рассматривать морскую воду. Она с любопытством следила, как играют с водой солнечные зайчики. Они преломлялись в волнах и рисовали на дне бегущие узоры. Вдруг Песчинка заметила на дне качающийся золотистый кружок. Оказалось, что одна капелька плавает и держится в воде как бы сама по себе. Хотя она и была частью моря, но у нее были свои границы. По окружности Капелька светилась ярким солнечным ободком. Необычная Капелька заметила, что ее рассматривают, и подплыла к Круглой Песчинке. Так они и познакомились.

Круглая Песчинка узнала, что Необычная Капелька путешествует уже очень давно. Она плавала в горных ручьях, быстроходных реках, жила в тихих прудах и даже выпадала дождем. Капелька узнала все свойства воды, и самое главное то, что вода слышит, видит, чувствует и имеет память, что она бывает и живой, и мертвой. А теперь Капелька хочет узнать еще больше, поэтому отделилась от воды и опустилась на самое дно.

– Как это удивительно! – воскликнула Круглая песчинка. – Ведь и я мечтаю об этом. Может быть, будем путешествовать вместе?

Необычная Капелька согласилась, и они двинулись в путь. Но возникла неожиданная проблема. Круглая Песчинка не умела плавать в воде, она подпрыгивала, но все время опять падала вниз. Она умела лишь катиться по дну.

«Нужно что-то придумать!» – решили путешественницы.

Но придумывать ничего не пришлось. К ним на помощь уже спешил Воздушный Пузырек. Он катился к морю по солнечной тропинке. Она змейкой струилась в воздухе. Золотистый шар опустился в воду, а затем запрыгал по ступенькам, которые образовали в море солнечные зайчики.

Воздушный Пузырек рассказал, что он долго жил жизнью Ветра. Гонял в небе облака, крутил ледяные вьюги, поднимал в пустынях пыльные бури, бежал по степям суховеям, поднимал в море огромные волны и бросал их на берег, жил в весенних потоках Мистраля, создавал воздушные столбы и смерчи... И все же мечтает лучше узнать, как живет море и земля. И поэтому хотел бы присоединиться к ним и помочь Круглой Песчинке всплыть на поверхность... Круглая Песчинка с радостью согласилась, и уже втроем они поднялись на поверхность...

Воздушный Пузырек, Необычная Капелька и Круглая песчинка все знали о жизни Земли, Воды и Воздуха. Но каждый имел представление лишь о своей части пространства, и их мучил вопрос: почему все так устроено и зачем? Где искать ответ на этот вопрос они не знали, поэтому лежали на поверхности и размышляли о том, что делать дальше и куда плыть?

Конечно, Солнышко знает все! Ведь это оно дает жизнь всему.

– Солнышко очень далеко и слишком горячее, – говорил Воздушный Пузырек – Приблизится к нему, чтобы поговорить, мы не сможем. И потом у него так много дел!

– Как же нам быть? – спрашивали себя Капелька и Песчинка. – Может быть, спросить у кого-нибудь?

– Точно! – воскликнул Воздушный Пузырек. – Нужно спросить у дельфина. Он плавает в воде, дышит воздухом и близко подплывает к берегу...

– И еще дельфины умеют читать чужие мысли! – сказала, улыбнувшись, Круглая Песчинка.

– Откуда ты знаешь? – спросила Необычная Капелька. – Я так долго живу в воде и мне это неизвестно...

– А ты обернись и все поймешь, – ответила Песчинка.

Необычная Капелька повернулась и увидела, что им навстречу плывет Розовый Дельфин.

Этот Розовый Дельфин действительно обладал удивительным свойством: он умел читать мысли сказочных героев. И всегда, когда где-нибудь в сказке вспоминали о дельфинах или нуждались в их помощи, он мчался туда на всех парах, преодолевая сказочные пространства и пересекая время.

Сказочный Розовый Дельфин плавал не так как все его обычные собратья. Выпрыгивая из воды, он начинал быстро-быстро вращаться, создавал вихрь над водой и уже лежа на этом вихре, как на воздушной подушке, плыл над водой. Он знал волшебное заклинание, которое заставляло вихрь крутиться столько, сколько было нужно.

– Спасибо тебе, Розовый Дельфин, что ты к нам приплыл! – радостно закричали друзья.

Дельфин перевернулся в волне, весело засмеялся и начал громко шлепать по воде своим длинным носом...

– Я отвезу вас к берегу, в такое место, где всегда встречаются Земля, Вода и Ветер. Вы знаете, как хорошо думается, когда лежишь на волне, высунув нос на берег! Когда я хочу что-нибудь придумать, я всегда плыву к береговой линии и зарываюсь носом в песок. Многие дельфины меня не понимают и говорят, что это очень опасно. Но разве жить в сказке не опасно? В сказке всегда встречаются Злые и Добрые силы...

– Ну, тогда плывем! – сказали друзья. Дельфин подхватил их, раскрутил вихрь и поплыл в воздухе к берегу.

Место, куда они направлялись, было обычным – рыбацкий поселок, который жил дарами моря. И все же немного особенным – жители поселка были ловцами жемчуга. А песочный берег небольшой бухты несколько раз в году менял свой цвет. Казалось, море играет в какую-то загадочную игру. Волны приносили песчинки разного цвета: белые, розовые, голубые, зеленые, желтые, коричневые, вишневые, фиолетовые. И в определенный момент какой-то один цвет начинал преобладать. Лучи солнца зажигали песчинки. Они выбрасывали в воздух свое отражение, и берег превращался в сказочное сверкающее покрывало перламутрового, голубого, желтого или другого цвета.

Место это получило название Лагуна Семи Цветов.

Каждое утро на песчаном берегу в высоком деревянном кресле сидела девочка лет десяти. Перед тем как отправиться в море на охоту за жемчугом, ее приносил отец. Девочку звали Марилла и она не могла ходить. Ожидая отца, Марилла рисовала море, скалы, маленькие острова, которые составляли бухту. Иногда на ее рисунках появлялся плывущий в воздухе розовый дельфин.

Девочка жила с отцом, потому что мать умерла, когда она родилась. Однажды Марилла упростила отца взять ее с собой в море. Отец долго отказывал, но девочка была упрямой.

В тот день, когда они вышли в море за жемчугом, неожиданно разыгралась буря, и их лодку выбросило на скалы. Марилла получила травму, долго болела, и теперь могла передвигаться только с чужой помощью. Отец очень корил себя за то, что тогда взял девочку с собой в море. Иногда на его глазах появлялись слезы. И тогда дочка пообещала ему, что обязательно будет ходить сама.

Эту-то историю и рассказывал Розовый Дельфин по дороге в Лагуну Семи Цветов песчинке, капельке и пузырьку.

В тот день на берегу кроме Мариллы находился еще и мальчик по имени Калин. Однажды он увидел рисунок девочки с плывущим в воздухе розовым дельфином. Люди говорили, что Марилла – выдумщица, а плывущих в воздухе, тем более розовых дельфинов, не бывает. Но Калин душой чувствовал, что розовый дельфин – это правда. С тех пор, когда у него появлялась свободная минутка, мальчик приходил на берег.

Калин был очень стеснительным, и поэтому только издали наблюдал за тем, как Марилла рисует, не решаясь подойти. И еще он внимательно смотрел в морскую даль, чтобы не пропустить появления розового дельфина.

Марилла заканчивала свой рисунок. Он был грустным. Девочка давно заметила, что Калин приходит на берег. Она видела, как он внимательно смотрит на нее, но почему-то не подходит. Марилла думала, что причина тому – ее неподвижность.

На рисунке был изображен мальчик, который сидит на берегу Лагуны Семи Цветов и смотрит на плывущего в воздухе над водой розового дельфина. Марилла хотела подарить эту работу Калину, но не могла покинуть свое кресло.

И вдруг в море возникла яркая вспышка. Это солнечные блики отразились от гладкой спины Розового Дельфина, Круглой Песчинки, Необычной Капельки и Воздушного Пузырька...

Калин от неожиданности вскочил на ноги и побежал к воде. Это был он – Розовый Дельфин!

– Розовый Дельфин! – воскликнул Калин и стал оглядываться на Мариллу.

– Она плачет, – сказала Необычная Капелька, – и очень несчастна. Я хочу для нее что-нибудь сделать!

– И я хочу, – подержал Капельку Воздушный Пузырек.

– Я стану для нее самой большой в мире жемчужиной, – прошептала Круглая Песчинка.

Розовый Дельфин несколько раз пролетел вдоль берега, остановился напротив Мариллы, а потом еще раз напротив Калина и быстро скрылся в голубой дали.

Калин бежал по берегу по направлению к Марилле и кричал по дороге: «Я знал, я знал, что он существует!»

* * *

– Мы прилетели сюда, потому что я хотел, чтобы вы сами открыли главную тайну жизни, заговорил Розовый Дельфин. – Теперь вы знаете: жизнь дана, чтобы испытать Любовь...

Калин и Марилла подружились. Теперь они часто бывали вместе.

Круглая Песчинка опустилась на морское дно и поселилась в самой большой перламутровой раковине.

А Необычная Капелька с Воздушным Пузырьком остались в Лагуне Семи Цветов.

Воздушный Пузырек разгонял морские волны, которыми руководила Необычная Капелька. И они вдвоем каждый день, чтобы принести Марилле радость, собирали на берегу из разноцветных песчинок рисунки. Это были кустики роз, полевые цветы, горные эдельвейсы, необычные морские рыбки, хрустальные дворцы с красивыми башнями, утопающие в зелени сельские домики, текущие в долинах реки и многое другое. Ночью волна и ветер удаляли прежнее изображение и сотворяли другое... И утром взору Мариллы и Калина предстала новая картина...

Дни бежали за днями, и однажды море засветилось той необычной вспышкой, что всегда предвещала появление Розового Дельфина.

Дельфин в этот раз выплыл прямо на берег, а с его спины скатилась огромная раковина, в которой горела необычным радужным цветом огромная жемчужина.

Круглая Песчинка сдержал свое слово, она принесла себя в дар девочке.

– Это Жемчужина Любви, – сказал Розовый дельфин.

Калин поднес раковину с радужной сферой Марилле. Она положила ее на ладошку и подставила солнышку, чтобы полюбоваться неслыханной красотой. Калину показалось, что он увидел два солнышка: одно в голубом небе, другое полыхало на ладошке Мариллы.

Но вдруг огромная черная птица камнем рухнула с неба. Своим крылом она смахнула жемчужину, зацепила ее хищным клювом и взлетела. Это была птица-воровка жемчужин. Она часто отнимала у ныряльщиков дары морских глубин.

Все произошло неожиданно и стремительно. Но Калин успел прыгнуть и схватить птицу за лапы. Однако злодейка подняла и его в воздух вместе с жемчужиной.

Розовый Дельфин закрутил свой вихрь и бросился за воровкой в погоню. И все же Калин был для птицы слишком тяжел. Они опускались все ниже и ниже к воде. Не выдержав борьбы, воровка сдалась и выпустила жемчужину из клюва. Калин отпустил птицу и упал в море, последовав за сверкнувшей в лучах солнца драгоценностью.

Время шло, а Калин все не появлялся на поверхности...

Марилла не могла оставаться на месте и наблюдать. Сильные чувства, которые пережила она за эти несколько минут, произвели в ее теле какую-то необъяснимую перемену. И вдруг девочка почувствовала в ногах силу. Она поднялась. Появилось ощущение, что ноги вновь стали слушаться ее. И уже через мгновение Марилла плыла к тому месту, где упал в воду Калин.

Розовый Дельфин подхватил Калина на глубине и вынес на поверхность, чтобы он смог отдышаться. Вынырнув, мальчик первым делом посмотрел на берег – деревянное кресло было пустым. Калин стал искать глазами Мариллу и увидел ее плывущей в волнах.

Розовый Дельфин поднялся в воздух. И затем, уже вместе с Калином, они устремились навстречу Марилле...

Теплый-теплый ветер легонько шевелил и сушил длинные волосы Мариллы, а морские волны были так нежны, что казалось, будто они осыпают тысячей поцелуев маленькие девичьи ножки.

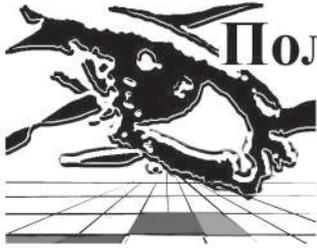
Розовый Дельфин, купаясь в воздухе, удалялся все дальше и дальше от берега.

Держась за руки, в новое путешествие его провожали две фигурки: Калина и Мариллы.

И – совершенно особенная жемчужина, которая одаривала мир самым удивительным светом. Светом Любви.

СЕРГЕЙ ТКАЧ. Родился в 1959 г. Окончил факультет журналистики Кишиневского госуниверситета. Работал на Молдавском радио и телевидении, был автором и ведущим популярной программы «Молодежная волна»; ген. продюсером Общественной компании «Телерадио-Молдова», «Первого канала» в Молдове». Ныне – председатель Центра развития независимого телевидения Молдовы. С.Ткач - автор документальных фильмов, которые стали номинантами и победителями международных телевизионных фестивалей и конкурсов (ленты «Приднестровье: время собирать камни» и «Молдова. Российский вектор» получили первый приз на Международном телекинофоруме в г. Ялта). Обращаясь к теме «Пушкин и Бессарабия», создал документально-художественные картины «Пушкин в Молдавии. Последняя дуэль», «И будет мило мне его воспоминанье...»

Также пишет публицистические статьи, ведет свой блог в Интернете, сочиняет сказочные истории. Среди последних: «Большой бук, Кваша и Радужная Дорожка», «День рождения жасмина», «О чем мечтают одуванчики» и др. В 2009 г. сказка С.Ткача «Эльфин и Эльфина» была опубликована в литературном журнале «Кодры» (Кишинёв).

Поле зрения

ALEX PRODAN

КАК МЫ ЖИЛИ Цикл «мемуаризмов»

Продолжение. Начало в № 1(9) 2013 г.

Глава 7: БАБУШКА

Вспоминаю эпизод из детства, когда я уже жил с бабушкой в Кишиневе, в большой 20-метровой комнате в помещении бывшего общежития для сотрудников мединститута. Иногда в выходные дни в дверь стучали и входили 2-3 деревенских женщины, низко кланялись бабушке, целовали ей руку и называли ее при этом мадам Продан. Меня это поражало, и я преисполнялся такой гордости за бабушку, что словами не передать. Бабушка же расцветала, держась при этом с достоинством, которое вообще-то никогда ее не покидало, и расспрашивала этих крестьянок о житье-бытье. Беседы эти порою длились по несколько часов. На мои расспросы бабушка отвечала, что она работала в свое время в селе, в том самом, в котором я родился, акушеркой, и принимала роды у всех этих женщин. А так как в довоенное время она была единственным медиком в селе, то и отношение к ней было соответствующим. Как я выяснил впоследствии, руку в селе целовали только двум персонам – местному батюшке и моей бабушке. Как же было не гордиться этим.

Совсем недавно я вновь побывал в родном селе по делам службы – фотографировал старые дома, улицы, окружающую природу, людей, заодно попробовал потрясающее вино у примара села – он известный винодел и дом его находится метрах в 20 от того места, где стоял когда-то наш дом, часть которого занимала наша семья. Папа в то время работал учителем в местной школе, мама училась на медсестру. И вот, при встрече с одной старушкой я решил спросить ее о бабушке, и каково же было мое удивление, когда она тут же вспомнила ее, наговорила кучу хороших слов, вспомнила свои с ней встречи. Зайдя в другой двор и встретив очередную старушку, я задал тот же вопрос, и вновь на меня вылился поток добрых воспоминаний, причем эта собеседница говорила о моей бабушке так, словно они с ней только сегодняшним утром и рассталась, словно она и сейчас бегаёт по селу и принимает очередные роды. Я был потрясен и решил продолжить свои расспросы. На этот раз я спросил женщину лет сорока, которая уж точно не могла ничего знать о моей бабушке – бабушка умерла в конце 1980 года, а свою работу акушеркой закончила лет 65-70 назад. Но женщина тут же начала рассказывать о том, что рассказывала ей ее мама, и как она хвалила мою бабушку, и как ее все любили. А потом я встретил пожилого мужчину где-то под 70 и рискнул спросить

о том же и его. И опять был поражен, когда он задрал рукав рубашки и показал мне шрам на руке – это он в детстве напоролся на гвоздь, а моя бабушка зашила ему руку. И он тоже сказал немало хороших слов в адрес моей бабушки.

Не могу описать вам свое состояние после этих встреч, я был горд, у меня словно крылья за спиной выросли, и еще меня переполняло счастье. Удивительное чувство пережил я в тот октябрьский день на улицах родного села.

Бабушка по своему характеру, по складу личности, была натуральным Наполеоном в юбке. Все и всегда она решала сама, и не только за себя. Она рано осталась без мужа, он умер лет в 45, больше бабушка замуж не выходила. Осталась она с 2-мя детьми – дочкой, моей любимой тетей, и младшим сыном, моим отцом. Она и определила их судьбу, найдя сначала мужа для дочери, а затем и жену для сына. Но если тете с годами удалось стать относительно независимой, то исключительно благодаря ее мужу, профессору медицины, замечательному хирургу и совершенно потрясающему человеку. Мне таких людей больше в жизни встречать не пришлось, и хоть умер дядя, когда мне было всего 20 лет, но я помню его так, словно он еще жив и чему-то улыбается своей доброй и загадочной, совершенно неповторимой улыбкой. Вспомнил я здесь его вот почему. Дядя был человеком исключительной честности и порядочности, насколько мне известно, он на корню пресекал любую попытку бывшего больного отблагодарить его иным способом, кроме словесного. И вот однажды дядя прооперировал очень тяжелого больного, спас его от смерти, и тот, зная, что профессор взяток и подношений не берет, обратился к его жене и очень просил ее принять от него подарок, красивый молдавский ковер, вытканый монашками старинного монастыря. И тетя поддалась и приняла подарок. Сначала его прятала, а потом все же повесила на стену, уж очень он был хорош.

Надо сказать, что дядя был вечно погружен в свои раздумья, мало внимания обращал на всякие бытовые мелочи, очень много работал, почти не спал, так что тетин резон, что он не заметит обновки, был вполне оправдан. Но через пару лет он этот ковер все же заметил и спросил о нем у жены. Как тетя ни изворачивалась, но все же пришлось признаться. И дядя сказал, что подает на развод. Дело спасла бабушка, наверное, впервые в своей жизни она пошла на такой шаг. Во-первых, она взяла всю вину на себя, во-вторых, она буквально стояла на коленях перед зятем и таки вымолила прощение. Об этом эпизоде не любили вспоминать, но мне тетя как-то проговорилась.

А вот мой папа так и не вырвался из под материнской опеки, слово матери было для него законом, и это не просто осложнило жизнь нашей семьи и моей мамы в первую очередь, а сделало маму несчастной, и только мы с братом в какой-то степени были ей утешением. Мама с бабушкой не просто не дружили, они были явными соперницами, сфера их влияния сначала распространялась на одного моего отца, а затем расширилась и на меня с братом. Особенно на меня, так как я с детства был бабушкиным любимчиком, «Саса – бабинадоня», это я хорошо запомнил. А с 7 лет, как переехал в Кишинев и пошел в школу, я жил в основном с бабушкой, встречаясь с мамой лишь на каникулах и иногда по выходным.

Не семья, а поле битвы какое-то, но не все так просто и однозначно, как могло бы показаться. И тут я скажу главное, для меня во всяком случае. Бабушка любила меня так, как, вероятно, не любила никого за всю свою жизнь. Причем

любовь эта не была эгоистичной, требовательной, завистливой, своекорыстной или еще какой-либо иной. Она любила меня, ничего не требуя взамен, она доверяла мне буквально во всем, она не наставляла меня, не одергивала, не воспитывала, а просто проливала на меня свою любовь, как проливает весенний дождь свои струи на заждавшуюся землю. Много позже я пришел к выводу, что именно на мне бабушкина душенька отдыхала и сама бабушка становилась самой собой, переставая руководить, рассчитывать, направлять и принимать решения. А ведь она была очень властной натурой и всегда умела настоять на своем, причем удавалось ей это без труда, просто в силу ее характера, ее способностей, ее непрекаемого авторитета.

И вот я задаю себе вопрос, так что же дала мне бабушка, что я перенял от нее сам, почему до сегодняшнего дня я, вспоминая о ней, испытываю огромную благодарность и любовь к ней и прощаю ей все, даже то, как она испортила мамину жизнь. И отвечаю себе – она наделила меня способностью любить и доверять своему здравому смыслу. А еще, быть может, явилась для меня примером того, как человек должен сам определять свою судьбу, думать своей головой и как можно меньше полагаться на авторитеты.

Уже после смерти бабушки и переезда родителей в Кишинев я вновь сблизился с мамой, я уже писал об этом. Но вот о бабушке мы по-прежнему почти не говорили, для меня и для мамы это была острая тема, хоть и по разным причинам. И тогда же я понял, что моя бабушка, даже уйдя из жизни, продолжает влиять на нашу семью, такой уж она была человек.

А еще, как бы в завершение этого скупого и фрагментарного портрета бабушки, я вспомнил один эпизод. Я был уже повторно женат, встретил женщину своей мечты и, конечно, познакомил ее с бабушкой. Бабушка была уже очень старенькой, жила у дочки, встречались мы не каждый день, а порою и не каждую неделю, но вот однажды, когда мы только переехали с женой в свою первую квартиру, она решила нас навестить. Жила она в каких-то 5-6 кварталах от нас, но наняла такси и приехала в гости. Зайдя в дом, она первым делом сказала, что ей попался исключительно вежливый и добрый таксист, который проводил ее до самой нашей двери. Моя жена по наивности спросила, сколько бабушка заплатила за такси. Бабушка ответила – 5 рублей, хотя в то время за рубль можно было пересечь город из конца в конец. Жена рассмеялась и сказала, что за такие деньги он должен был бабушку внести в дом на руках и еще ручки ей расцеловать. Бабушка очень этому смеялась. И раз уж я упомянул тут свою женулю, то должен сказать, что хотя знакомство с моей бабушкой продлилось для нее меньше 2-х лет, и бабушка была уже не та, но моя жена полюбила ее, как самого родного человека, и до сих пор вспоминает о ней с нежностью и признательностью. И бабушка, в свою очередь, буквально влюбилась в мою жену. Мне даже кажется, что она поняла главное – я попал в хорошие руки, и как бегун, передавший эстафету, она была удовлетворена.

Мир праху твоему, бабушка Настя. Не будь тебя – все в моей жизни пошло бы по-другому, а я был бы совсем другим человеком.

Глава 8: СОБРАНИЯ

Собрания, очереди и демонстрации – вот что вспоминается, как характерные приметы времени еще не совсем ушедшей эпохи. Но я пишу не об эпохе, я вспоминаю эпизоды своей жизни, которые кажутся мне чем-либо примечательными. Но собрания – все же нечто особенное и навсегда врезавшееся в память.

Попытаюсь вкратце перечислить некоторые виды этих магических коллективных обрядов. Итак – собрание совета дружины, собрание класса, пионерского актива, комсомольское, партийное и открытое партийное. Для непосвященных – на просто партийное приглашались только партийные члены коллектива, а на открытое – и некоторые беспартийные граждане. А еще собрания по случаю обсуждения-осуждения. Профсоюзные. Торжественные праздничные собрания перед первомаям, ноябрем, профессиональными праздниками. Ежедневные утренние пятиминутки о событиях в стране и мире. Собрания по случаю очередных съездов и пленумов с целью всеобщего одобрения принятых на них решений. Собрания по поводу агрессивных вылазок мирового империализма. Упомяну о еженедельных производственных совещаниях, тем более что они все же имели определенный смысл, т.к. на них говорилось о вполне конкретных и даже полезных вещах.

Нет, не вспомнить мне всех собраний, на которых довелось побывать, и мне остается только рассказать о трех из них и поделиться с вами своими личными впечатлениями.

На первом в своей жизни открытом партсобрании в психиатрической больнице, на которое был приглашен, я заснул минут через пять после его начала. Даже не знаю, как это описать. Вдруг на меня навалилась страшная сонливость, с которой я не мог совладать, как ни пытался. Я не просто заснул, но даже начал похрапывать. Мой коллега, сидевший рядом со мной, с трудом растолкал меня и посмотрел на меня так, как, наверное, смотрел обычно на своих пациентов. Мне стоило поистине героических усилий все же досидеть до конца собрания, и я совершенно не помню, чему оно было посвящено. Тогда я не придал этому происшествию никакого значения. Но примерно через полгода я вновь был приглашен на аналогичное собрание. И что вы думаете – не прошло и десяти минут, как я заснул, и даже сполз с кресла во сне. Опять выручил меня уже другой мой коллега и даже вывел из зала, испросив на то разрешение. По-видимому, случай этот не остался без внимания руководства нашей больницы, т.к. больше меня на партийные собрания не звали. Все же я был молодым врачом, даже выиграл общебольничный конкурс на лучшего врача, но при этом не состоял ни в партии, ни даже в комсомоле.

Да, мне пришлось бывать в дальнейшем на множестве других, не партийных, собраний, но не припомню, чтобы я на них так внезапно засыпал. Разве что позевывал и пропускал мимо ушей то, что говорилось с трибуны.

Вспоминается еще одно собрание конца 70-х или начала 80-х годов. Происходило оно все в той же психиатрической больнице и посвящено было обсуждению моей коллеги и бывшей сокурсницы, которая уезжала с родителями в Израиль. В то время это стало массовым явлением, в результате которого уехали не только

хорошие врачи, но и учителя, писатели, художники и просто мои друзья, с которыми я был знаком по клубу книголюбов, который возглавлял много лет.

Сама атмосфера этого собрания, тон выступлений произвели на меня совершенно неизгладимое впечатление. Никогда в жизни мне не было так стыдно за себя и других, хоть я не сказал ни слова осуждения и даже попытался найти оправдание своей коллеге. Правда, договорить мне не дали, но накал осуждения все же как-то поулегся, и все мы, расходясь, помалкивали и старались не глядеть в глаза друг другу. Больше я на такие сборища не приходил никогда, да и собирать их перестали очень скоро, т.к. уезжали почти все евреи и, по-видимому, была дана команда прекратить дальнейшие обсуждения.

И последнее собрание, о котором я бы хотел рассказать. Случилось оно еще до тех двух, ранее описанных. Был я тогда еще студентом мединститута то ли 3-го, то ли 4-го курса. А вызван был на комсомольское собрание института, где обсуждался, в том числе, и вопрос о непосещении мною лекций. А я действительно пренебрегал многими лекциями, а именно теми, которые не давали мне ничего нового, т.е. того, что я не мог бы прочесть в учебниках. На лекции же тех профессоров, которые не пересказывали учебник, тем более что именно они порою эти учебники и писали, а делились с нами, желторотиками, плодами своих наблюдений и опытом, который не был отражен в учебных пособиях, я ходил охотно. Да и рассказывали они нам о своем предмете интересно, без занудства и очень талантливо. Такие лекции я не пропускал. Но зато пропускал многие другие.

Вряд ли обсуждение моих прогулов заняло более 5 минут, но для меня это время казалось бесконечным. Вопросов мне почти не задали, оправданий слышать не хотели и тут же единогласно постановили исключить меня из комсомола. И тогда я просто вынужден был встать и, запинаясь, сказать, что я не комсомолец и никогда им не был. Далее последовала финальная сцена из «Ревизора», затем меня выгнали из зала и продолжили обсуждение уже без меня. В результате было принято решение исключить меня из института. Не будь я из семьи сплошных медиков, которые и вывели меня на эту стезю, то моя врачебная карьера на том бы и закончилась. Но они меня отвоевали, и решение было пересмотрено – я лишился стипендии на один семестр и получил строгий выговор.

Выговор я пережил спокойно, как и все последующие в своей жизни. Более того, эти выговоры всегда шли мне на пользу и чему-то непременно учили. А вот лишение стипендии было жестоким ударом, т.к. я и так едва сводил концы с концами, особенно учитывая мое злостное книголюбство. Стал ли я чаще посещать лекции? Пожалуй, да, все же даже нищенская стипендия в 28 рублей была мне дорога и просто необходима. Но со скучных и никчемных лекций стремился смыться во время перерыва. Врачом же я стал чувствовать себя где-то через 3-4 года после института, когда мои книжные знания нашли свое подтверждение во врачебной практике. Учиться я, конечно, не перестал, только учили меня теперь не профессора, а все те же книги, мои пациенты и сама жизнь.

Вот и все, пожалуй, о собраниях.

Глава 9: ДОРОГИ

Путь к цели и есть цель

В детстве мы с младшим братом были заядлыми рыбаками и знатными ходоками. Во всяком случае, никто из ребят не мог за нами угнаться, и мы всегда оставляли далеко позади наших спутников. Эта привычка сохранилась за мной и до сегодняшнего дня, хотя годы все же поумерили мою прыть. Но не во время путешествий или экскурсий, которые я совершал и продолжаю совершать. В основном по родному краю, т.е. по Молдове.

Родился я в селе в самом центре молдавских кодр, рядом с крупнейшим нашим заповедником – Кодры, а затем папу перевели в другое село, где он проучительствовал несколько лет. Школа располагалась в здании бывшей боярской усадьбы, ныне это развалины. А еще через пару лет папу перевели в село, точнее станцию, расположившуюся у подножия второго по величине заповедника Молдовы – Буковый край.

Детство наше прошло на берегу местного озера, бывшей барской купальни того самого помещика, в чьем поместье располагалась школа. Ныне это озеро совсем захирело и стало болотцем. Но именно на нем мы просиживали с раннего утра до позднего вечера, ловя рыбу и раков, купаясь, влюбляясь и занимаясь другими крайне важными и увлекательными вещами.

Но когда мы подросли, то нашего озера нам стало мало и мы начали обследовать округу. А вокруг нас всюду высились холмы, покрытые лесом. И мы знали в этих лесах каждую тропочку, и нам не нужно было никаких карт и компасов, чтобы отправиться в путь за 10-20, а то и 30 км от дому ради возможности порыбачить на еще пока незнакомом нам озере. Пожалуй, именно эти воспоминания – самое дорогое из того, что у меня осталось.

И уже тогда, в детстве и юности, не только возможность порыбачить тянула нас в путь, хоть осознал это я намного позже, когда стал возвращаться вначале в места своего детства, а затем расширил свои путешествия до пределов всей страны и даже вышел за ее пределы (Румыния, Украина).

Когда в 2005 году я приобрел свой первый фотоаппарат-цифровичок, хотя до того в руках не держал вообще никакой фотоаппаратуры, я даже не предполагал, что этот факт может круто изменить мою жизнь. Впрочем, точно так же я не предполагал в свое время, что мое книголюбство уведет меня из медицины, а знакомство с компьютером в 45-летнем возрасте и вовсе снесет мне крышу и круто изменит круг увлечений, интересов, заставит освоить еще одну профессию, позволит раскрыть в себе некоторые новые способности, о которых даже подозревать не мог.

И как-то так уж получается в моей довольно извилистой и прихотливой жизни, что одно незначительное событие внезапно меняет вроде бы уже налаженную и устоявшуюся жизнь и гонит осваивать новые территории, приводит к знакомству с множеством новых людей, позволяет найти друзей – таких же непосед, как и ты сам.

Но вернусь к тому, с чего начал – к дорогам. А также тропинкам, тропкам, проселкам.

Молдова удивительная страна и очень разноликая. Для большинства, посещающих ее, она знакома по тому, что они видят с центральных трасс и внутри ее городов. Я же убедился на собственном опыте, что самое интересное таится совсем в иных местах. Для того чтобы обнаружить это, достаточно просто съехать с трассы и покатить по любой проселочной дороге. А потом и вовсе зашагать по какой-нибудь неприметной тропке на этот холм, или спуститься в эту балку или ущелье, зайти под своды леса или выйти на берег озера или реки. Вы будете смеяться, но в нашей крохотной стране насчитывается свыше трех тысяч рек и речушек и более полутора тысяч озер. Конечно, реки наши в большинстве своем скорее могут называться ручейками, да и те в засушливые годы пересыхают, но эти крохотные речушки протекают по потрясающе красивым местам, образуя на своем пути изумительные долины, ущелья и даже каньоны.

Но красивее всего, на мой взгляд, именно дороги, потому что каждая из них может привести тебя в такое место, что дыханье замирает, глядя на эту красоту. Дорога, опять же по моему мнению, это не просто путь из пункта А в пункт Б, т.е. некоторое средство, а нередко и помеха, отнимающая время. Нет, любая дорога, если ты пускаешься в путь, широко раскрыв глаза и распахнув душу, это путь в неизведанное и удивительное, и ты никогда не можешь предсказать, что ожидает тебя за очередным поворотом. Собственно, как и вообще в жизни, которая тоже есть дорога. И пока ты шагаешь по ней – жизнь продолжается, а стоит остановиться или повернуть обратно и, быть может, ты предашь самого себя и навеки заплутаешь в лабиринте так и не пройденных тобой дорог.

Мои же путешествия продолжают, даже стали моей новой и, надеюсь, последней профессией. И всегда со мной мой фотоаппарат и неиссякаемая страсть к путешествиям.

Как же я люблю дороги.

Глава 10: ЛЮБОВЬ

Давно я подступаю к этой главе своих незамысловатых бредней-воспоминаний, да что-то меня все за руку держало и не пускало. А и вправду, ну что мужик, да еще траченный, может сказать о любви? Чай не поэт какой, а тщедушный среднестатистический мужичонка. Но вот сколько себя помню, все в моей жизни было любовью и любовями озарено. А было время, так она одна царила и все вокруг освещала, слепя очи и туманя незрелый разум. Она и теперь мне светит, только куда более мягким и спокойным светом, словно щадит мои подслеповатые буркалы.

Но от правды не уйдешь – любовь для меня не звук пустой и ей я обязан слишком многим, чтобы вот так взять, да и соврать – мол, чушь все это и ненужная трата сил. Все совсем наоборот. И силы эти я, пожалуй, именно из этого источника и черпал, да и сейчас горсточкой прихлебываю, хотя уже скорее песочек сквозь пальцы сыплется, чем эта животворная влага струится.

В самом раннем детстве, похоже, меня не долюбили, но любви этой я добрал с лихвою уже в школьные годы, когда жил с бабушкой, в одной из глав я

уже писал об этом. Здесь же скажу только, что бабушка моя, женщина суровая и властная, наверное, первый раз в жизни так любила – от души, бескорыстно и щедро. И любила именно меня и никого другого, это я знаю точно и все, кто знал ее, это подтвердят. То есть подтвердят то, что протоптать тропку к сердцу моей любимой бабушки было очень трудно, чтоб не сказать – невозможно. И я эту тропку не торил, она сама как-то проложилась, и, шагая по ней, я становился и стал тем, кто есть. А любовь наполнила меня до краев так, что и до сих пор этот источник не иссяк.

И, наверное, именно потому, что пил я из этой волшебной криницы, мое отношение к людям, а к женщинам особенно, всегда было наивно-доверчивым и никакие разочарования так и не погасили этот интерес. Но не только к людям, а вообще ко всему, что меня окружало и окружает. Начиная с книг и кончая природой. Наверное, именно отсюда произрастает во мне стремление во всем видеть красоту, а не уродство; добро, а не зло; сочувствовать, а не злорадствовать. И я давно себе говорю – красота разлита повсюду, но чтобы увидеть ее, нужно не только пошире раскрыть глаза, но еще и распахнуть навстречу ей душу.

Пишу все это и страшно смущаюсь. И не потому, что преувеличиваю или кривлю душой, а оттого, что вообще решился затронуть такой деликатный и интимный предмет. Одно только и успокаивает – терять мне, пожалуй, уже почти и нечего, к синякам да шишкам я с детства приучен, а поймет ли кто меня правильно – это и вовсе не заботит. Самому бы себя понять.

Мою первую дочь от первой жены зовут Любаша. Так уж получилось, что жизнь развела нас с нею напрочь, я мало что о ней знаю и контакты наши отнюдь не родственные. Но я все равно ее люблю, и двух своих внуков, которых только на фотках и видел, тоже. И вина за то, что так получилось, грызет меня непрестанно, хотя не только я тому виной, но моя вина от того меньше не становится. Как и любовь.

Но главная любовь моей жизни – это вторая и настоящая моя половинка – Серафима, Сима, Симуля. Уж не знаю, как она меня терпит вот уже 33 года, как я вообще сподобился такую награду от жизни получить – это для меня по-прежнему тайна. И вторая моя дочуля – Агата, Агатуля, Агафондия или просто Мусик – еще одна моя звездочка ясная, хотя тот еще кремушек, так что искры у нас на весь дом разлетаются. Прикуривать можно.

А самая первая моя настоящая любовь приключилась еще в первом классе, и кончилась трагически, и вовсе не потому, что была безответной, а совсем по другой причине. Но об этом я уже как-то писал в «Истории о трех П». Здесь же я упоминаю об этом лишь потому, что давно убедился, что не бывает любви несчастливой, если сам любишь. Это действительно награда – уметь любить и не бояться любить. И твердо знаю, что как только иссякнет во мне этот дар, так и жизнь моя кончится.

Глава 11: КНИГИ

Часть 1

Вспоминать и писать о том, что действительно любишь, одновременно и легко и очень трудно, мучительно и радостно. Легко и радостно потому, что это, быть может, лучшая часть твоей жизни, а трудно и мучительно из-за того, что она уже прошла, что многое безвозвратно потеряно, а еще более пропущено, не замечено, не оценено тобою по достоинству. И слишком поздно осмыслено.

Хотел начать традиционно, мол, не было мне еще и пяти лет, как я научился читать, и делаю это вот уж хрен знает какой год, но понял, что это не то. Попробую зайти с другого конца.

Жизнь человеческая очень коротка, и уже в силу этого непреодолимого обстоятельства наш жизненный опыт крайне ограничен. Говоря опыт, я имею в виду все, что человек узнал о себе и мире и в чем хоть немного сумел разобраться, чтобы ответить на три простых вопроса – кто ты, откуда, куда идешь. Эти нехитрые вопросы человечество задает себе уже которое тысячелетие и, быть может, именно попытки ответить на них и объединяют людей в нечто единое и наделяют жизнь каждого отдельного человека определенным смыслом. Если, конечно, этот отдельный гражданин задается такими вопросами и видит в том хоть какой-то прок.

Те, кто полагает, что прок все же есть, озаботились способами расширить границы своего опыта, а фактически – возможностью так спрессовать время, чтобы успеть побольше узнать обо всем, чуть лучше понять это все и, наконец, почерпнуть из этого знания кое-какие практические навыки для получения определенных выгод или хотя бы удовольствия. Хотя с удовольствием этим просто беда – кто-то получает его от полученных выгод, а кто-то удовлетворяется самим процессом, полагая, что это и есть главная выгода или, говоря по-современному, профит.

Лично мне известно как минимум пять путей расширения этого опыта – общение, практическая деятельность, путешествия, наука и мир искусства. Каждый из нас выбирает свои приоритеты, я же пишу о своих, и именно поэтому общение вынесено мною во главу этого далеко не полного списка. Но при этом под общением я понимаю не только живое или виртуальное общение с реальными людьми, но и с теми, кто успел покинуть этот бранный мир, но при этом частичку нажитого все же оставил нам на память. И вот тут я и перехожу к книгам, этому универсальному и наиболее адекватному средству запечатлеть свой личный опыт и пополнить им копилку опыта общечеловеческого. И я искренне считаю, что пока никто еще не изобрел лучшего средства сделать это, чем книга.

Да, не всякая книга и не всякий опыт, почерпнутый из нее, несет пользу, надежду и служит опорой. Есть книги, которые говорят об ужасных злодеяниях, великих заблуждениях, беспросветной глупости и прочих премиленьких вещах, но разве и этот опыт не должен быть учтен, осмыслен и принят во внимание?

Но книга не просто копилка, она еще и посредник, иногда единственный, позволяющий понять другого, не такого, как ты сам, и тем дать возможность для сравнения и даже преодоления собственного несовершенства и неполноты. А еще книга – проводник в мир идей и неведомых ранее чувств. И если тебе повезло вовремя прочесть именно те самые нужные книжки, то ты обретаешь себе

поводыря и в самом мире книг, когда каждая прочитанная подсказывает тебе те, что еще нужно прочесть. Говорю об этом исходя исключительно из собственного опыта, т.к. именно так со мной и произошло и продолжает происходить, и я не вижу конца этому пути. Пока жив, конечно.

Когда-то я прочел, что умирающий Пушкин свои последние слова – прощайте, друзья – адресовал своим книгам. Тогда я воспринял это как метафору, но слова эти врезались в память на всю жизнь. Но лишь спустя долгие годы я стал воспринимать их буквально и готов повторить вслед за своим великим тезкой. Лучших друзей я и вправду за свою жизнь не знал. Ни один из них не предал, не обманул – ведь обманываемся мы сами, вольно или невольно желая этого. И, конечно, это самые бескорыстные друзья, не требующие у тебя ничего взамен приобретенному. И самые щедрые – если знаешь, что ищешь, то непременно найдешь и тем обогатишься.

Почему-то широко распространено мнение, что книги отрывают от жизни реальной и уводят тебя в мир надуманного и даже завирального, отвращающего твой взор от прозы жизни и искажающего сам взгляд на мир и его реалии. Я придерживаюсь совсем другого мнения, сравнивая книги с ситом, которое помогает тебе отсеивать все, что не является главным, истинным и человеческим. Впуская тебя в свой мир, книги выпускают тебя чуть преобразованным, причем эти изменения происходят на первый взгляд незаметно и, главное, совершенно добровольно. Так же добровольно, как и твое общение с книгой и тем, кто ее написал. Из своего опыта чтения я вспоминаю, что не раз закрывал книгу, не дочитав ее и сопротивляясь ее влиянию. Годами позже появлялось желание доспорить – книга открывалась на недочитанной странице, и диалог продолжался, но я сам к тому времени уже был другим и поражался тому, что просто не сумел понять или понял не так, или же, напротив, убеждался, что все же оказался прав. Но чаще правым оказывался все же не я. Но, в любом случае, другого такого собеседника трудно найти.

И последнее, что хотел бы сказать. Мне книги помогли стать самим собой, помогли отстоять в себе то, что я считаю главным для себя – свободу, умение мыслить самостоятельно и выражать эти мысли, привили ироничный взгляд на себя, да и других, пожалуй, заразили оптимизмом и помогли осознать огромное количество недостатков в самом себе. Последнее очень важно, т.к. только осознав собственное несовершенство, ты куда терпимее начинаешь относиться к чужим недостаткам.

И, исходя из всего вышесказанного, я считаю себя вечным должником тех книг, что меня окружают, и именно поэтому я стараюсь хоть частично отдать им свой долг. И вот почему уже почти десять лет я систематически сканирую книги своей библиотеки и выкладываю их в сеть. Сделано не слишком много, но все же и не так и мало, особенно учитывая, что процесс этот продолжается. Естественно, что оцифровываю я только те книги, которые до того не были представлены в электронной форме или, в редких случаях, стараюсь исправить чьи-то небрежные и полные ошибок сканы. Все они разбросаны по очень многим сетевым библиотекам, некоторые из которых уже недоступны.

Глава 12: ЭПОХА И ПИКсель

Когда я только задумывал свой цикл то ли воспоминаний, то ли бредней о том, о сем, то смутно представлялось мне, что сквозь отдельные эпизоды того, что мне запомнилось и что порою действительно являлось важным для меня, должно как бы проявиться и то время, в котором я жил. То, что принято называть эпохой. Но получилось совсем по-другому, т.е. как обычно – планируешь после работы сходить за цветами для жены, а попадаешь почему-то в какую-то бадыгу и возвращаешься домой на ухах, без цветов и изрядно помятый.

И вот когда я таки дополз до дюжины, во что не верилось, то начал понимать кое-что. А именно следующее. Ну какое мне дело до каких-то там эпох, я же ее не выбирал, появился в той, что попалась, и нет мне до нее дела, как и ей до меня. Ну, правда, родись я 200-300 годами раньше и попади в иную эпоху, неужели хоть что-то во мне изменилось бы настолько радикально, что я не имел бы права утверждать, что я – это все-таки я, а не пес Барбос.

С другой стороны, то, что мы называем эпохой, конечно же существует, и каждый из нас является ее частью, но настолько ничтожно малой, что приходит на ум такая аналогия. Т.е. я представил себе эпоху как много-многопиксельную картинку, а себя самого – единственным пикселем на ее фоне. настолько неразличимым на этой обширной картине, что изыми меня из нее – и ничего в ней самой не изменится. Даже дырочки не останется. А ведь бывали эпохи, когда миллионы пикселей из нее исчезали, а ей хоть бы хны, даже живописнее становилась. Во всяком случае, всегда находились те, кто убеждал остальных в том, что эпоха требовала жертв, или что лес рубят – щепки летят, или что они пали жертвой в борьбе роковой во имя счастья грядущих поколений. И оставшиеся пиксели бурно выражали свой восторг и теснее сплачивали ряды вокруг кучки других пикселей, которые только и имели право изымать из картинку чуждые идеи пикселишки. Впрочем, и тут периодически совершались генеральные прополки и изъятия во имя сплочения рядов, но остальным пикселям это было по барабану.

И как только я это понял, так сразу же и перестал даже пытаться что-то такое отразить, вообразить и представить. И совершенно неважно при этом, что ты за пиксель такой, какого ты цвета и не имел ли порочащих тебя связей с пикселями иного окраса. Важным остается лишь одно – ты был, ты пытался кем-то стать, что-то связывало тебя с иными, сродными тебе чем-либо пикселями, пиксельшами и пикселятами. А еще ты пытался выглянуть за пределы этой картины, вертя головой в совершенно разных направлениях, то стремясь разглядеть далекие звезды, но чаще тропку под ногами. Многие из знакомых тебе даже полагали, что им ведом замысел творца всей картины и что если как следует научиться бить ему поклоны, то он непременно перенесет тебя в иную, офигенномногопиксельную картину, из которой пиксели вовек не изымаются, а лишь прибавляются.

Но скудный мой умишко, по счастью, уберег меня от этой заманчивости и желания перебраться со временем в иные времена и выси, направив все мои усилия на то, чтобы понять, попробовать и суметь объяснить себе – на кой ляд я вообще появился. Кстати, отказавшись от позывов продолжить свое существование в вечности, я научился ценить время, друзей, любимых, довольствоваться лишь самым необходимым и никогда и ничего ни у кого не кланчить и не одалживаться.

Все это было известно многим другим пикселям из совсем иных эпох и картин, но я до всего этого должен был добраться сам – и для того, чтобы сравнить себя с ними, и для того, чтобы совесть моя пикселинная мучала меня совсем по иным поводам. А таковых предостаточно в жизни каждого пикселя, даже если он полагает, что то не его забота и что взятый на душу грех всегда можно отмолить и тем удостоиться входа в царство офигеть-какое-многопиксельное.

И вот, заканчиваю свою дюжинную бормоталку и с тихим ужасом вспоминаю, как и о чем я писал первую. А была она о маминых трусах. И тут вдруг эпоха. Но, вспоминая те трусы, кажется мне, что они-то уж точно куда полнее отражали именно эпоху, чем все, что я думаю и осмеливаюсь писать тут, пикселишкахренов.

Глава 13: КНИГИ

Часть 2

О книгах и библиотеках мне приходилось писать не раз, но рассказ этот, конечно, не окончен – слишком большую роль в моей жизни сыграли книги. Думаю даже, что именно они, да еще, пожалуй, любовь, сформировали меня и даже определили все извивы моей личной судьбы.

Но здесь я хотел бы поговорить о книге не как об источнике разумного, доброго, вечного, а как о вожделенном объекте, которого ты домогался, прилагая порою совершенно невероятные и труднодостижимые сегодня усилия. Речь идет о книгах личной библиотеки, которую я начал систематически собирать, еще не окончив школу.

Началось это в самом начале 60-х годов, до этого времени я пользовался вначале детской, юношеской, а потом и центральной республиканской библиотеками. Но из последней был выписан в возрасте 14 или 15 лет из-за того, что были изменены правила, и пользоваться ее абонементом стало возможно лишь после наступления 16-летия. Именно тогда я и стал покупать книги, экономя на всем остальном, и очень скоро стал законченным книголюбом – было такое увлечение и даже призвание в те далекие времена. Вот об этой книжной охоте, собственно, и пойдет речь.

Книг в Союзе выпускалось очень много, больше, чем в любой другой стране мира, это чистая правда. Но это только часть правды, т.к. из огромного количества выпускаемых книг добрая половина их была так называемой общественно-политической литературой, включая сочинения классиков марксизма, прошлых и нынешних руководителей, идеологов и обслуживающей эту камарилью челяди. И, конечно, книги писателей-лауреатов, чьи имена ныне вряд ли кто помнит, но тиражи их книг были огромны, полки магазинов и складов ломились от их изобилия. Простояв на полках годик-другой, они шли в переработку, а их место занимали другие, аналогичные им.

Тут стоит сказать пару слов о тиражной политике. Для СССР средний тираж книги был 100 тыс. экземпляров. Меньшими тиражами выпускались книги специализированные, научные, большинство поэтических, книги по искусству. Тиражи детских книг и книг популярных авторов обычно значительно превы-

шали эту цифру, и книга могла выйти и миллионным, и даже многомиллионным тиражом. К примеру, Библиотека всемирной литературы в 200 огромных томах, выпускавшаяся по подписке, печаталась тиражом 300 тыс., а затем даже 303 тыс. Книги популярных писателей и поэтов выпускались порою тиражами в несколько сотен тысяч экз., но и тогда их было трудно найти. Куда хуже обстояло дело с произведениями зарубежных авторов, особенно из стран за пределами железного занавеса. Тут тиражи редко превышали 50 тыс., а это была капля в море. И дело не только в том, что слишком многие желали их прочесть, но и потому, что эти книги порою просто не поступали в книжные магазины, а распространялись по спискам.

Я много лет дружил с директором большого книжного магазина, был председателем клуба книголюбов, организованном при этом же магазине, и потому знаю из первых рук, что магазин получал книги, которые тут же передавал по назначению, указанному в сопроводительке. Это был Горком партии, райкомы партии и комсомола, Райисполком, Совет министров и еще ряд организаций.

Но и это еще не все. Иногда выпускались книги, которые в Союзе купить было просто невозможно, их тут и не продавали, выпущены они были небольшими тиражами от 5 до 20-30 тыс., и купить их можно было только за рубежом, в магазинах русской книги где-нибудь в Праге, Будапеште или Варшаве, но также в Париже или Бонне. Впрочем, иногда их можно было найти и в Союзе, но в инвалютных или чековых магазинах – Березках или Каштанах. Что же это были за книги, спросите вы? Например, сборник Франца Кафки, тираж 7,5 тыс., за которым я охотился много лет, пока не купил за совершенно дурную цену на черном рынке. Или сборник Марины Цветаевой или Саши Черного в Б-ке поэта, Большая серия, о которых и мечтать не приходилось, хотя со временем и эти книги нашли меня и стали на полки. Я не оговорился – не я их нашел, а они меня нашли. И именно тогда, когда я уже отчаялся встретиться с ними хотя бы потому, что не мог себе позволить заплатить на толчке за любую из них от 50-ти до 100 рублей, т.е. почти пол зарплаты.

Быть книголюбом в советском понимании значило не только найти нужную книгу, но и купить ее по номиналу, а он редко превышал один рубль, хотя с годами цены росли, но все же книга была дешева. Хотя это как посмотреть – если книга стоила два-три рубля, а пообедать можно было за рубль, а моя стипендия была 28 рублей, то дилемма возникала нешуточная – книга или обед, ужин и завтрак. Так что те несколько книг, которые я купил по дурным ценам, это некие исключения. За все остальное заплачено согласно цене на обложке. А вот для этого нужно было прочесывать в поисках книг десятки магазинов, знать расписание привозов, быть знакомым со всеми продавщицами, зав. отделами, многими директорами книжных магазинов. А чтобы подписаться на многие подписки приходилось дежурить сутками в огромной очереди, хотя это не гарантировало успеха. Бывало, что записалось три тысячи человек, а подписаться сумели 20-30-50 человек. Все остальное было распределено среди «своих».

Вот в этих ежедневных походах по магазинам я и познакомился с целой гвардией старых книголюбов, среди которых встречались совершенно уникальные и очень интересные люди. У них я многое перенял, многому научился, многое по-

нял, отточил вкус к настоящей книге, хотя я был способным учеником, тем более что с детства мне повезло нащупать свой путь в этом безбрежном море. Немало мне дало членство в клубе книголюбов, первом в Кишиневе, который я вскоре и возглавил, а уже в начале 90-х даже три года пробыл председателем городского общества книголюбов. Пока и общество, и объединявшиеся в него книголюбцы попросту не исчезли. Наступили совсем иные времена, где многим было вовсе не до книг, вначале по причинам экономическим, а затем и по многим другим.

Мне в моих книголюбских приключениях повезло дважды – первый раз в том, что зародилась эта страсть в 60-е, оттепельные, годы, когда наконец-то стали выпускаться не просто идеологемы, а *книги*; и второй раз в 80-е, когда книжный поток стал огромным паводком и затопил прежде просто пустовавшие лакуны в мозгах читающей публики и открыл сотни новых (и хорошо забытых старых) имен. А ведь были еще и журналы, но это уже особая песня, тем более что спелась она быстро и мотив ее, пожалуй, сейчас мало кто вспомнит. А кое-что и вовсе может показаться фантастикой, как, например, тиражи толстых литературных журналов, достигавшие порою миллионной отметки. В эти годы я выписывал по 60 журналов в год и огромные конволюты из лучшего в них, лично мною переплетенных, тоже стали на полки моей библиотеки. Но чувствует мое сердце, что это не последний мой рассказ о книгах, поэтому тут замолкаю.

Глава 14: УВЛЕЧЕНИЯ

Чем дольше живу, тем более крепнет во мне убеждение, что каждый из нас фактически состоит из своих увлечений. И именно в них человеку удастся проявить свои лучшие качества, раскрыть свои способности и таланты. А еще говорят, что ничто не обходится нам дороже наших увлечений. Другие, правда, говорят то же самое об удовольствиях. Не вижу в том противоречия, т.к. полагаю, что увлечение непременно приносит удовольствие, хотя не всякое удовольствие является увлечением.

Мой взгляд на них очень пристрастен и субъективен, и именно потому, что с самого раннего детства я непременно чем-то увлекался, а некоторые из этих пристрастий и до сих пор меня не покинули. И увлечения эти были не просто многочисленны, а еще и очень разноплановы. Сам не устаю этому поражаться.

Первое из них – ставшее пожизненным – конечно, чтение. Из увлечения оно очень быстро превратилось в потребность, которая с годами только крепла. Уже в юношестве я стал собирать свою первую библиотеку.

С книгами связано и странное, очень трудоёмкое хобби, не похожее на обычное, – ему лет десять, не более. Я говорю о сканировании и оцифровке книг своей библиотеки. А странным я его называю потому, что оно скорее напоминает добровольно взятую на себя повинность. И, похоже, именно так и обстоит дело – я отдаю долги книгам, которые помогли мне стать человеком. Но мне это нравится, а значит и это род увлечения.

Я родился и вырос в деревне, в самом сердце молдавских кодр, т.е. лесов. Почти все свое детство и большую часть юности я провел или на берегу озер, или плутая по лесным тропкам. С семи лет я стал заядлым рыболовом, уходя из дому затемно и затемно же возвращаясь. Помню, как мы с братом шлепали босыми

пятками по еще теплому шоссе, ведущему к озеру. Мы буквально дрожали от нетерпения, и с этими минутами мало что может сравниться.

Наше первое озеро (в дальнейшем мы обошли и объездили десятки, если не сотни озер) было маленькое и заросшее камышом и ряской. Некогда это был барский пруд, в то время уже захиревший. Солнце всходило часа через полтора после нашего появления, мы же сидели на берегу и наблюдали за туманом над водой, слушали шорох камыша, редкий птичий пересвист, а иногда и трели запоздалого соловья в дубовой роще на другом берегу протоки. А еще нужно было расчислить в ряске маленькое окошко и точнехонько опустить туда крючки и поплавок, а перед этим подкормить место. В озере этом водился очень красивый одичалый золотистый карась, а иногда удавалось поймать вьюна, которого еще нужно было в руках удерживать, настолько он был скользкий и изворотливый. А уж когда попадался на крючок огромный, темноспинный с золотым отливом, серебристый карась или сазанчик, то радости нашей просто не было предела.

Лишь где-то к пятидесяти страсть к рыбалке меня отпустила. Зато я заболел путешествиями. Нет, не по дальним и неведомым странам, а все по той же молдавской земле, а она очень красива, и я знаю, что мне жизни не хватит, чтобы узнать ее так, как она того заслуживает. Вот так ко мне вернулась часть моего детства.

Я назвал два самых сильных своих увлечения, которые пронес через всю жизнь. Но ведь были и есть еще и другие, частью связанные с этими, базовыми, а частью вообще непонятно как меня зацепившие.

Конечно, я собирал марки, потом монеты, спичечные этикетки, я был увлечен, и очень сильно, вязанием крючком, было мне тогда лет 10-12. Чего я только не связал, чуть ли не скатерти, не говоря уж о множестве салфеток, накидок, сумочек и не помню чего еще. Моя мама очень хотела девочку, а родила двоих сыновей, вот она нас и научила. Брат, по-моему, до сих пор вяжет макраме, моя же вязальная болезнь окончилась лет в 15-16.

И вот, в зрелом возрасте, когда я уже был уверен, что больше ничем не «заболею», именно тогда и начались мои увлечения, которые очень сильно стали менять направление моей жизни.

Впрочем, жизнь моя начала меняться чуть раньше. В 42 года я ушел из медицины и возглавил городскую книголюбскую организацию, а до этого почти 20 лет руководил первым в городе клубом книголюбов. Так что и тут мое увлечение напрямую вмешалось в течение моей жизни. И, сделав этот шаг, прервав свою служебную и вполне благополучную медицинскую карьеру, я дал себе слово – впредь заниматься только тем, что мне по душе. Чего бы мне это ни стоило.

Профессионально заниматься книголюбством мне пришлось менее четырех лет по причине развала не только книголюбской организаций, но и той страны, в которой она возникла. И совершенно не покривлю душой, если скажу, что меня это не испугало и не сделало бомжем, алкоголиком или, на худой конец, каким-нибудь ловчилой. Меня вполне устраивала свобода выбора. Тем более что в свои 44 года я внезапно нашел новую страсть – впервые прикоснулся к компьютеру и заболел им тяжело и очень надолго. Никто меня не учил, я всегда всему учился сам, сначала книги, а вскоре и Интернет стали моими наставниками. Через три года после первого тюка по «тете Клаве» я стал системным администратором в фирме брата. Хотя вначале там был один неработающий компьютер, в который я

вдохнул жизнь, а спустя 14 лет, когда я покинул фирму, повинуюсь новому увлечению, их уже было около 30 со всей положенной инфраструктурой. И мне не было стыдно передать это отлаженное хозяйство в руки молодого преемника, которого я же и натаскал. А компьютеры перестали быть моим увлечением и служебной обязанностью, оставшись просто помощниками и слугами.

Лет семь назад я стал регулярно пускаться в путешествия, сначала с одной турфирмой, а потом организовав свою самостоятельную тургруппу, с которой проездил лет пять. А незадолго до этого впервые в жизни взял в руки фотоаппарат, цифровичок по имени Сонька. Очень быстро Сонька уступила место другому, мощнее, а затем я и вовсе обнаглел и, ухлопав все свои сбережения, да еще и одолжившись впервые в жизни, приобрел уже вполне приличный Canon. Вот настолько захватило меня мое увлечение. А через полгода меня пригласили, совершенно неожиданно, в один крупный Интернет-проект заниматься именно тем, чем я увлекся. Теперь уже за зарплату. Колебался я всего месяца два и согласился.

Иногда я спрашиваю себя – а если бы я не следовал своим увлечениям, а продолжил то, с чего начал? Был бы я все тем же человеком или стал кем-то совсем другим. Но времени у меня всегда мало, а всяких дел много, что ж я буду тратить эти крохи на глупые мысли. Как говаривал мой старый друг – дурак думкой богатеет. Я же богат своими «коньками».